

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

800-ЛЕТІЕ

АЛЕКСАНДРА

НЕВСКОГО

ТОМ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ
2021

Дорогие наши читатели и подписчики,
благодарим вас за вашу преданность проекту
и терпение, столь важное и ценное для нас
в это непростое время. Благодаря вашей незримой
поддержке мы продолжаем наш общий путь
по дорогам истории. Обещаем, редакция еще
не раз удивит вас новыми темами исследований
и публикацией уникальных документов.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

800-ЛЕТІЕ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

ТОМ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Под общей редакцией
А.А. Горского

МОСКВА, 2021

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
президент «Руниверс»
- С.П. Брюн**
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Гореккий**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жангиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курюкин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- М.С. Мейер**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, президент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра «Кремль-9» РГГУ
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Ангтила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
President of «Runivers»
- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gregory N. Lanskoj
D.Sc. (History), Professor of the Department of Transregional Studies and Foreign Policy of the International Affairs and Transregional Studies Faculty of the History and Archives Institute of RSUH
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Mikhail S. Meyer
D. Sc. (History), Professor at the Department of Middle and Near East History, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Stepan V. Orlov
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov
Ph.D. in History, Director of the «Kremlin-9» Centre for Studies and Research at Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

В нынешнем году исполняется 800 лет со дня рождения князя Александра Ярославича (1221–1263), известного под прозвищем «Невский», связанным с его победой 15 июля 1240 г. над шведским войском на реке Неве. Все последующие века Александр Невский являлся знаковой фигурой в отечественной исторической памяти. В разные эпохи значимость образа Александра поддерживали разные обстоятельства. В XIV–XVI вв. важную роль играл тот факт, что он был прямым предком московских князей, ставших во главе единого Русского государства, в эпоху Петра I — отвоевание у Швеции земель, где Александр одержал свою первую военную победу; в середине XX столетия актуализировалась память о второй крупной победе князя — над немецкими крестоносцами на Чудском озере 5 апреля 1242 г. (700-летие ее пришлось на время Великой Отечественной войны). В последнее десятилетие своей жизни Александр был и формально, и фактически первым среди русских князей, занимая столы в Киеве, Владимире и Новгороде. Хотя официальная оценка Александра, и светская, и церковная, всегда была панегирической (он один из немногих верховных правителей Руси, кто был признан святым), в науке и публицистике разные стороны его деятельности получали неоднозначные оценки. Настоящий номер журнала имеет целью осветить разные

вопросы, связанные с жизнью и посмертной судьбой знаменитого князя.

В статье А.А. Горского рассматриваются события из биографии Александра Невского, оценка которых вызывает наибольшие споры: значение главных побед князя — на Неве над шведами и на Чудском озере над немецкими крестоносцами, а также отношения Александра с монгольскими завоевателями. В.А. Кучкин подробно изучает ход военных действий против шведов в 1240 г. и немцев в 1240—1242 гг., С.А. Маслова — «восточное» направление политики князя. Работа Е.Л. Конявской посвящена одному из источников, повествующих о деятельности Александра Невского — его Житию. Коллектив авторов в составе Л.А. Беяева, П.Л. Зыкова, О.М. Иоаннисяна и А.В. Сиренова рассматривает археологические и письменные данные о судьбе погребения князя. Две статьи посвящены памяти об Александре Невском. А.С. Усачев изучил почитание князя в Рождественском монастыре (месте его захоронения) в XVI столетии, а А.А. Булычев — историю ордена святого Александра Невского в XVIII веке.

А.Э. Титков

*Главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

This year celebrates the 800th anniversary of Prince Alexander Yaroslavich (1221–1263) known as Alexander Nevsky after his victory on July 15, 1240 in the battle on the river Neva with the Swedes. His name has been one of the most remarkable in the history of Russia ever since. Throughout history, different circumstances contributed to the prominence of Alexander Nevsky. In the 14th–16th centuries, important role played the fact that he was a direct ancestor of the Grand Princes of Moscow who headed the unified Russian lands. During the time of Peter the Great — it was the victory over the Swedes by 19-year-old Alexander Nevsky. During the Second World War, the 700th anniversary of the Second Great Victory of Alexander Nevsky, which had taken place in the Battle on the Ice at Lake Peipus (Chudskoye) on April 5, 1242, revived the memory of him again. In his last decade, Alexander Nevsky was, both formally and actually, the first Russian Prince to hold the thrones of Kyiv, Vladimir, and Novgorod. Although, according to the most popular opinion, Alexander is praised both as a politician and religious personality (one of the few rulers in Russia who were canonized), his activities have always been a controversial issue with scientists and journalists. This issue seeks to shed light on various topics relating to

the life and memory of the renowned Russian prince.

The article by Anton A. Gorsky deals with the most controversial facts in the life of Alexander Nevsky: the importance of the greatest victories of Prince Alexander (Battle of the Neva, Battle on the Ice), as well as his relationship with the Mongol invaders. Vladimir A. Kuchkin studies in detail the course of military actions against the Swedes in 1240 and the Germans in 1240–1242, while Svetlana A. Maslova considers his political activities “on the Eastern front.” Yelena L. Konyavskaya dedicated her work to Life of Alexander Nevsky, an illuminated manuscript depicting his life and achievements. A group of authors, including Leonid A. Belyayev, Petr L. Zykov, Oleg M. Ioanissyan, and Alexey V. Sirenov, study the archaeological data and written documents on the burial of the prince. Two articles are dedicated to cherishing the memory of Alexander Nevsky. Andrey S. Usachev addresses the veneration of Prince Alexander at the Nativity of the Virgin monastery (where he is buried) in the 16th century. Andrey A. Bulychev unveils the history of the 18th century’s Order of Saint Alexander Nevsky.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

- А.А. Горский.** Александр Невский как исторический деятель:
спорные проблемы.....10
- В.А. Кучкин.** Александр Невский: победа на Неве, возвращение Пскова,
сражение на Чудском озере 28
- С.А. Маслова.** К оценке восточной политики Александра Невского 44
- Е.Л. Конявская.** О Житии Александра Невского 60
- Л.А. Беляев, П.Л. Зыков, О.М. Иоаннисян, А.В. Сиренов.**
Погребение Александра Невского во Владимире: археология почитания ... 76
- А.С. Усачев.** Владимирский Рождественский монастырь и почитание
Александра Невского в России XVI века..... 108
- А.А. Булычев.** Об императорском ордене святого благоверного
князя Александра Невского и о феномене повторного кавалерства
в орденой корпорации в России XVIII века..... 130

СООБЩЕНИЯ

- А.Б. Мазуров.** К истории почитания чудотворной иконы
Николы Заразского 146
- Я.Н. Рабинович.** К вопросу о рукоприкладствах членов Боярской думы
на Соборном уложении 1649 года и покупке ими печатного экземпляра
этой книги..... 190

CONTENTS

THE 800th ANNIVERSARY OF ALEXANDER NEVSKY

Editor: Anton A. Gorsky

- Anton A. Gorsky.** Alexander Nevsky as a Historic Personality:
Controversial Problems.....10
- Vladimir A. Kuchkin.** Alexander Nevsky: the Victory on the Neva,
Pskov Recaptured, the Battle on the Ice 28
- Svetlana A. Maslova.** Further to the Eastern Policy of Alexander Nevsky ...44
- Yelena L. Konyavskaya.** On Life of Alexander Nevsky 60
- Leonid A. Belyayev, Petr L. Zykov, Oleg M. Ioannisyan,
Alexey V. Sirenov.** The Burial of Alexander Nevsky in Vladimir:
the Archaeology of the Veneration.....76
- Andrey S. Usachev.** The Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir
and the Veneration of Alexander Nevsky in Russia in the 16th Century.. 108
- Andrey A. Bulychev.** On the Imperial Order of Saint Prince
Alexander Nevsky and the Phenomenon of the Repeated Companionship
in the Order Corporation in Russia in the 18th Century..... 130

REPORTS

- Alexey B. Mazurov.** Further on the History of the Veneration
of the wonder-working icon of Nicholas of Zaraysk 146
- Yakov N. Rabinovich.** On the Signatures of the Members of Boyar Duma
in the Council Code of 1649 and their Purchase of the Printed Copy
of the Book 190

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.010

А.А. Горский

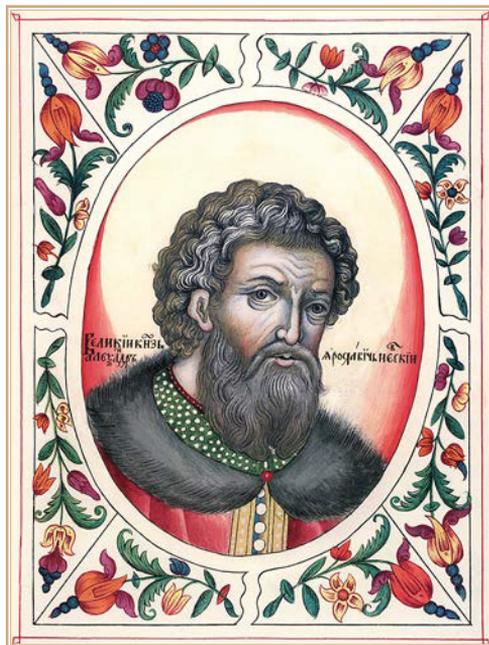
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ: СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

князь Александр Ярославич, с XV в. известный под прозвищем Невский¹, всегда был одной из главных фигур в русской исторической памяти. Уже в Средневековье он был признан святым, в Новое время учреждались ордена в его честь (в 1725 г. в Российской империи, в 1942 г. — в Советском Союзе, в 2010 г. — в Российской Федерации), о нем сняты фильмы, ему посвящены книги². Но в то же время личность и деяния Александра вызывают в исторической науке и околонучной публицистике споры и неоднозначные оценки. Касаются они в первую очередь двух проблем.

¹ О времени появления прозвища Александра и других прозвищ древнерусских князей см.: Горский А.А. О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь. Вып. 14. М., 2020.

² См.: Пауто В.Т. Александр Невский. М., 1974; Великий князь Александр Невский. М., 2002; Бегунов Ю.К. Александр Невский. М., 2003; Isoaho M. The Image of Alexandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006; Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007; Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: эпоха и память. СПб., 2009; Карнов А.Ю. Великий князь Александр Невский. М., 2010; Александр Невский: государь, дипломат, воин. М., 2010; Долгов В.В. Феномен Александра Невского. М., 2020.

Великий князь Александр Ярославич Невский.
Миниатюра из Царского титулярника, 1672 г.

Первая — значение двух наиболее известных полководческих деяний Александра — Невской битвы 1240 г. и битвы на Чудском озере (с конца XV в. именуемой Ледовым побоищем). Мнения здесь колеблются от отрицания скоординированного нашествия католического Запада на Русь³ до объявления этих событий малозначительными, рядовыми пограничными столкновениями, каких много было и до, и после того времени⁴.

Вторая — отношения с монгольскими завоевателями. Согласно одной крайней точке зрения, действия Александра способствовали установлению на Руси так называемого «ига»⁵, согласно другой, осознанно избрав подчинение монголам, не посягнувшим на православную веру, и отпор Западу, стремившемуся обратить Русь в католичество, Александр спас русскую цивилизацию от поглощения Западом⁶.

³ Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 156–157.

⁴ Феннел Дж. Кризис Средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 143–146; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.), М., 2001. С. 183–206.

⁵ Феннел Дж. Указ. соч. С. 147–149; Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 207–228.

⁶ Вернадский Г.В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 532–536, 540–544.

Конфликты со шведами 1240 г. и немецкими крестоносцами 1240–1242 гг. действительно разворачивались на границах Новгородской земли, но заурядными не были. Ранее 1240 г. шведские войска только однажды входили в Неву — почти столетием раньше, в 1164 г. Тогда шведам удалось пройти через нее в Ладожское озеро и осадить Ладогу, где подоспевшее новгородское войско нанесло им поражение⁷. Какова была цель похода 1240 г. — неясно: то ли дальнейшее движение к той же Ладоге, то ли попытка закрепиться на Неве возле устья Ижоры⁸. Удар, нанесенный шведам Александром, вынудил их бежать⁹, и планы, какими бы они ни были, не осуществились. Следующая попытка войти в Неву была предпринята шведами только через 60 лет, в 1300 г. Она поначалу имела успех, в устье Невы ими была построена крепость Ландскрона («Венец земли»), но в следующем году русские войска во главе с сыном Александра Невского великим князем владимирским Андреем взяли ее и разрушили¹⁰. В конце 1240 г. немецкие крестоносцы, в течение предшествующих десятилетий завоевавшие земли народов Восточной Прибалтики, впервые совершили масштабное вторжение на территорию собственно Новгородской земли. Им удалось захватить второй по значению ее город — Псков и удерживать его более года, а также Копорье — опорный пункт Новгорода на юго-восточном побережье Финского залива. В 1241 г. немецкие отряды появлялись уже в 30 верстах от самого Новгорода¹¹. Экстраординарность происходящего для современников очевидна. Александр, вернувшийся в 1241 г. на новгородское княжение, отвоевал Копорье и Псков, а затем нанес поражение немцам на Чудском озере, после чего крестоносцы отказались от претензий на новгородские территории¹². Следующее столкновение произошло в 1253 г.¹³, бывали они и позже, но никогда ливонские немцы не достигали больше таких

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 31.

⁸ См.: Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 13–14.

⁹ Новгородская первая летопись... С. 77; Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 188–189 (текст Жития Александра Невского).

¹⁰ Новгородская первая летопись... С. 91; Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 10–63.

¹¹ Новгородская первая летопись... С. 77–78.

¹² Там же. С. 78–79; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 229–234 (рассказ ливонской Старшей Рифмованной хроники).

¹³ Новгородская первая летопись... С. 80.

Хан Батый на троне Золотой Орды. Средневековая миниатюра

успехов (захват Пскова), как те, что были сведены на нет действиями Александра.

Таким образом, победы, одержанные Александром Ярославичем над шведами и немецкими крестоносцами, привели к приостановке экспансионистских устремлений тех и других, проявившихся именно в годы Батыева нашествия на Русь. При этом, разумеется, эти вторжения были несопоставимы по масштабам с монгольским нашествием: шведы и ливонские немцы не могли рассчитывать на подчинение всей Новгородской земли (не говоря уже о Руси в целом) — их цель была в отторжении ее территорий, пограничных соответственно со шведскими (в Финляндии) и немецкими (в восточной Прибалтике) владениями.

Что касается отношений Александра с монголами, то следует сразу отвести два «сенсационных» утверждения, гуляющих по СМИ и иногда встречающихся в научно-популярных публикациях, — что в 1238 г. Александр вместе со своим отцом Ярославом Всеволодовичем вступил в союзнические отношения с Батыем¹⁴ и что он стал побратимом сына Батыея Сартака и приемным сыном самого основателя Орды¹⁵. Первое предполо-

¹⁴ Сахаров А.Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV–XVII век. М., 1999. С. 77; Чернышевский Д.В. Русские союзники монголо-татар // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2004. Вып. 1.

¹⁵ См., напр.: История татар с древнейших времен. Т. 3. Казань, 2009. С. 729; Борисов Н.С. Михаил Тверской. М., 2017. С. 66.

жение исходит из соображений общего порядка: того факта, что Батый не дошел до Новгорода, где княжил Александр, а Ярослав не участвовал в битве с монголами на р. Сить, где погиб его брат великий князь владимирский Юрий Всеволодович. Однако Новгород не был целью похода Батые. Его действия 1237–1238 гг. были ударом по отказавшимся признать монгольскую власть князьям Рязанской и Суздальской земель, с целью обеспечения фланга для главного похода (состоявшегося в 1240–1242 гг.) — через Южную Русь в Центральную Европу. Ярослав в начале 1238 г. княжил в Киеве. После гибели Юрия он пришел в Суздальскую землю и занял владимирский великокняжеский стол. В 1239 г. войска Батые захватили принадлежавший владимирским князьям (т.е. на тот момент Ярославу) Переяславль-Русский, причем после этого монголы стали владеть им непосредственно¹⁶. В конце 1239 г. — начале 1240 г. монгольские войска нанесли удар по владениям Ярослава в низовьях Оки¹⁷. Таким образом, имеющиеся конкретные данные источников позволяют говорить, что Ярослав в период европейской кампании Батые находился с монголами не в союзнических отношениях, а совсем наоборот — в состоянии войны¹⁸. Второе утверждение и вовсе является художественным вымыслом. В 1940-е гг. писатель А.К. Югов приписал в своем романе «Ратоборцы» Батыею желание женить Александра на своей дочери, сделать «нареченным сыном» и наследником своего улуса¹⁹. В 1970 г. данную фантазию развил Л.Н. Гумилев, утверждавший, что Александр побратался с сыном Батые Сартаком²⁰. В более поздней книге автор умудрился «братание» даже «датировать» — 1251 г.²¹ Популярность Л.Н. Гумилева способствовала тиражированию выдумки — в дилетантских сочинениях и СМИ²².

Что реально известно о взаимоотношениях Александра Невского с монгольскими завоевателями?

До середины 1240-х гг. Александр, княжа в Новгороде, не входил в число наиболее влиятельных князей Руси. К их числу относились три правителя. Во-первых, отец Александра, Ярослав Всеволодович, княжив-

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 469; Т. 2. М., 2001. Стб. 781–782, 806.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

¹⁸ Горский А.А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодовича // Исторический вестник. Т. 25: Экспансия Монгольской империи. М., 2018. С. 31–33.

¹⁹ Югов А. Собрание сочинений. Т. 3. Ратоборцы. Кн. 2. Александр Невский. М., 1985. С. 317–318.

²⁰ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 382.

²¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 534.

²² См. об этом: Кучкин В.А. Русь под игмом: как это было? М., 1991. С. 7.

Великий князь Ярослав Всеволодович.
Миниатюра из Царского титулярника, 1672 г.

ший во Владимире, а в 1243 г., после того, как он был вызван к Батыю и совершил поездку в ставку правителя улуса Джучи, получивший старейшинство среди всех русских князей и княжение в Киеве (который продолжал тогда считаться номинальной столицей всей Руси), потерянное им ранее с уходом во Владимир в 1238 г.²³ Во-вторых, Даниил Романович, князь Волынский, присоединивший в конце 1230-х гг. к своим владениям Галич. В-третьих, Михаил Всеволодович, князь Черниговский (до нашествия владевший одно время также Киевом и Галичем). Все трое в середине 1240-х гг. посещали монгольских правителей по поводу оформления своих владельческих прав. Даниил благодаря визиту к Батыю зимой 1245/46 г. закрепил за собой Галич²⁴. Михаил был казнен в ставке Батые 20 сентября 1246 г.²⁵ Ярослав, несмотря на поддержку со стороны Батые, был отправлен в ставку монгольского великого хана Гуюка близ Каракорума в Монголии и умер 30 сентября 1246 г.²⁶ После этого Александр остал-

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470; Т. 2. Стб. 805; Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 37–38.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 805–808.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 2. Стб. 808.

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 2. Стб. 808; Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. P. 323; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 77–78.

ся старшим в семье отца, но на великое княжение владимирское взошел в 1247 г. его дядя Святослав Всеволодович²⁷.

Таким образом, отношения зависимости с Монгольской империей и улусом Джучи (будущей Ордой) в основных чертах были оформлены еще в то время, когда Александр принадлежал к младшим князьям, и без его участия.

В то же время об Александре монгольские правители хорошо знали. Посол римского папы Иннокентия IV к великому хану Гуюку Иоанн де Плано Карпини писал, что после смерти Ярослава мать Гуюка Туракина «отправила на Русь к его сыну Александру посольство, с тем чтобы он прибыл к ней, так как она хотела дать ему страну его отца; он хотел поехать, но остался [дома]. И тем временем она дала грамоту [его людям], чтобы он сам приехал и получил страну своего отца. Все, однако, думали, что если он приедет, его либо убьют, либо вечно будут держать в плену»²⁸. Таким образом, Александр не откликнулся на вызов в Каракорум. К этому факту имеется отсылка в послании, которое в январе 1248 г. (после получения отчета о поездке от Плано Карпини) отправил Александру Иннокентий IV: «За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей, мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе Господней»²⁹. Цель письма была склонить Александра присоединиться к Римско-католической церкви. Иннокентий IV стремился использовать ситуацию, чтобы распространить на Русь католичество и получить союзников на случай возможного нового монгольского похода на Западную Европу. Еще с 1246 г. он завязал отношения с Даниилом Галицким, который дал формальное согласие на унию. Теперь папа пытался склонить к ней Александра. За первой буллой последовала вторая (от 15 сентября 1248 г.). В ней утверждалось, что Александр, по сведениям, дошедшим до папы от архиепископа Прусского, дал согласие на присоединение к Римской церкви³⁰. Проблема в том, что князь в конце 1247 г. отправился, вслед за своим младшим братом Андреем, к Батыю и весь 1248 г. пробыл вне Руси³¹. Скорее всего, папское послание от 23 января 1248 г. (или его содержание) стало известно Александру, когда он находился в ставке Ба-

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

²⁸ *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli. P. 323 (пер. П.В. Лукина). См. также: *Lukin P.V.* Three «Russian» themes from *Historia Mongalorum* by Giovanni da Pian del Carpine (в печати).

²⁹ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Указ. соч. С. 263, 265 (пер. Е.Л. Назаровой).

³⁰ Там же. С. 268–270.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

Папа Иннокентий IV отправляет доминиканцев и францисканцев послами к монголам. *Миниатюра XV в.*

тия в низовьях Волги. Находясь в неопределенном положении, князь передал ответ в нейтрально-дружелюбном духе, который был выдан папой за согласие³².

Второе послание Иннокентия IV не могло вовремя дойти до Александра, так как Батый отправил его и Андрея к великому хану в Монголию. Оттуда Ярославичи вернулись только в конце 1249 г. При великоханском дворе Александру были пожалованы Киев и номинальное старейшинство над всеми русскими князьями, а Андрею — владимирский великокняже-

³² 8 месяцев без одной недели, прошедшие между двумя посланиями папы — как раз тот срок, в который укладывается предполагаемое время необходимых для коммуникации поездок: из Лиона (где тогда находилась резиденция папы) в Новгород (около двух месяцев) — из Новгорода в ставку Батыя (около месяца) — из ставки Батыя в Новгород (около месяца) — из Новгорода до резиденции архиепископа Прусского (около месяца) — из резиденции архиепископа в Лион (около двух месяцев); реакция папы на ответ Александра была, следовательно, незамедлительной. См. о времени поездок во владения монголов и обратно в середине XIII в.: *Майоров А.В.* Даниил Галицкий в пути к хану Батю: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду // *Stratum plus*. 2016. № 6: *Pax Mongolica* и евразийские потрясения XIII–XIV веков. Ссылки на более длительные поездки (*Кудрявцев О.Ф.* Александр Невский и папство // *Александр Невский: государь, дипломат, воин*. М., 2010. С. 167, 489, прим. 53) относятся к посольствам, состав которых требовал относительно медленного передвижения (как посольство францисканцев во главе с пожилым (более 60 лет) Плато Карпини, передвигавшееся не верхом, а на повозках). В данном же случае речь следует вести о гонцах, чье передвижение было максимально быстрым по тем временам.

ский стол³³. По возвращении на Русь Александр дал отрицательный ответ на предложение об унии³⁴.

В 1252 г. Александр поехал в Орду. После этого Батый направил на князя владимирского Андрея Ярославича рать под командованием Неврюя. Андрей бежал из Северо-Восточной Руси, а Александр после ухода Неврюя прибыл из Орды и сел во Владимире³⁵.

В исторической литературе часто высказывалось мнение, что Александр поехал в Орду по своей инициативе с жалобой на брата Андрея, и поход Неврюя был следствием этой жалобы³⁶. Однако ни один средневековый источник не упоминает о жалобе Александра хану на брата. О ней говорится только в сочинении историка XVIII в. В.Н.Татищева: «Жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна». Эта фраза присоединена к тексту о событиях 1252 г., взятому из поздней (XVI в.) Никоновской летописи³⁷. Нет оснований полагать в данном случае, что у Татищева был еще некий не дошедший до нас источник. Сделанное им добавление выдает реконструкцию историка³⁸, сделанную по аналогии с более поздними событиями. С конца XIII в. жалобы князей хану на соперников станут обычным делом (в том числе на родных братьев — по этой части «отличится» средний сын Александра Андрей³⁹). Из позднейших времен взяты и конкретные детали «жалобы», содержащие явные неточности. Из текста следует, что владимирский стол Андрей получил от хана Орды (с помощью «лести»), хотя на самом деле это было пожалование великой ханши Огуль-Гаймиш (вдовы Гуюка), сделанное в Монголии. Упрек в невыплате всей положенной дани перекликается с обвинением, предъявленным на суде у хана Уз-

³³ Там же. Стб. 472: «Приказаша Олександрови Киевъ и всю Русьскуюю землю, а Андрѣи сѣде в Володимери на столѣ».

³⁴ Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 193.

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 327–328; Бегунов Ю.К. Указ. соч. С.192.

³⁶ Соловьев С.М. История российская с древнейших времен. Кн. 2. М., 1988. С. 152, 324; Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 145–146; Феннел Дж. Указ. соч. С. 147–149.

³⁷ Ср.: Татищев В.Н. История российская. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 40–41; ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 138–139.

³⁸ В труде Татищева тексты источников не отделены, как это стало принято позднее, от его суждений как исследователя, поэтому часто возникает иллюзия упоминания неизвестных фактов там, где имеют место догадки историка.

³⁹ См.: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2018. С. 11–16.

Михаил Тверской. Фреска Софийского собора в Вологде. 1686 г.
Худ. Дмитрий Плеханов

бека в 1318 г. великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому (и читающимся, в частности, в той же Никоновской летописи, из которой взят основной текст о событиях 1252 г.⁴⁰); при этом упоминается термин «выход», известный только с XIV в., а также «тамга» (налог с торгово-ремесленной деятельности), впервые фигурирующая в монгольских требованиях Новгороду в 1257 г.⁴¹

Ранние источники позволяют полагать, что ситуация в 1252 г. развивалась иначе.

Андрей Ярославич опирался на ярлык на владимирское княжение, полученный в 1249 г. в Каракоруме от враждебной Батью великой ханши. Но в 1251 г. Батый сумел посадить на каракорумский престол своего ставленника Менгу (Мунке)⁴². На следующий год произошли походы на двух князей — во главе с Неврюем на Андрея Ярославича и под командованием Куремсы на Даниила Романовича Галицкого, фактически пе-

⁴⁰ «И дани царевы ималь еси себѣ, а царю еси не давалъ» (ПСРЛ. Т. 10. С. 183).

⁴¹ См.: Горский А.А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 81–82, 334–335.

⁴² См.: Тизенгаузен В.Г. Сборник документов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 245; Т. 2. М.; Л., 1941. С. 15–16; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 128–138.

реставшего в это время признавать власть Орды⁴³. Таким образом, поход Неврюя явно был запланированной акцией хана в рамках действий против нелояльных ему князей, а не следствием неизвестной источникам жалобы Александра.

В Лаврентьевской летописи (древнейшей из содержащих рассказ о событиях 1252 г.) факты излагаются в следующей последовательности: сначала говорится, что «иде Олександръ князь новгородскыи Ярославич в Татары и отпустиша и с честью великою, давшѣ ему старѣишинство во всеи братьи его», затем рассказывается о монгольском походе против Андрея, после чего повествуется о приезде Александра из Орды во Владимир⁴⁴. Поскольку Александр приехал на Русь несомненно *после* «Неврюевой рати», слова, что «отпустиша и с честью и т.д.» следует отнести к тому же времени. Прежде чем рассказать об ордынском походе, летописец отмечает, что «здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити»⁴⁵. Речь идет явно о решении Андрея, принятом не в момент нападения Неврюя (тогда вопрос стоял не «служить или бежать», а «сражаться или бежать»), а ранее. Скорее всего, «дума» Андрея с боярами имела место после получения владимирским князем требования приехать в Орду. Батый, покончив с внутримонгольскими делами, собрался пересмотреть решение о распределении главных столов на Руси, принятое в 1249 г. прежним, враждебным ему каракорумским двором, и вызвал к себе и Александра, и Андрея. Александр подчинился требованию хана, Андрей же, посоветовавшись со своими боярами, решил не ездить (что и означало отказ «служить»): возможно, он не рассчитывал на успех поездки из-за благосклонности, проявленной к нему в 1249 г. правительством ныне свергнутой и умерщвленной великой ханши. После этого Батый принял решение направить на Андрея военную экспедицию, а Александру выдал ярлык на владимирское великое княжение. Поход Неврюя был гораздо более «локальным» предприятием, чем позднейшие походы на нелояльных Сараю князей — в начале 1280-х гг. и в 1293 г. («Дюденева рать»), когда были взяты и разграблены многие города; в 1252 г. были разорены только окрестности Переяслав-

⁴³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 827–829; Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950. С. 227, 272, 282.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

⁴⁵ Там же. Под «цесарями» (царями) имеются в виду великий хан Менгу и Батый (считавшийся соправителем монгольского императора, см.: Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи. М., 1993. С. 79–81).

ля и, возможно, Владимира⁴⁶. Не исключено, что такая «ограниченность» стала следствием дипломатических усилий, предпринятых Александром во время его визита в Орд.

Тем не менее поддержка Батыем Александра сомнений не вызывает. Однако существуют данные, позволяющие говорить о предпочтении, оказываемом не одному Александру, а вообще сыновьям и затем потомкам Ярослава Всеволодовича, при этом предпочтении со стороны не только Батые, но и других монгольских правителей. После смерти Ярослава великим князем стал, в согласии с древнерусскими правилами наследования, следующий по старшинству его брат Святослав. Но сыновья Ярослава Андрей и Александр успешно оспорили это решение при дворах Батые и великого хана, и впоследствии на великое княжение владимирское претендовали только потомки Ярослава, представители других княжеских ветвей Северо-Восточной Руси (потомки Константина, Святослава и Ивана Всеволодовичей) этого никогда не делали. Очень вероятно, что на данное обстоятельство повлияла третья женитьба овдовевшего в 1244 г. Ярослава Всеволодовича. О его здравствующей жене, находившейся в момент смерти князя при дворе Батые, сообщает Плато Карпини⁴⁷. Скорее всего, это была близкая родственница хана⁴⁸. Появление свойства с Батыем и вообще Чингисидами могло сыграть роль в предпочтении, оказываемом впоследствии потомкам Ярослава.

Итак, если вернуться к теме о так называемом «выборе Александра Невского» между Востоком и Западом, то надо признать, что такая постановка вопроса содержит в себе преувеличение. Пример Даниила Галицкого показал, что реальной альтернативы в то время не было. Даниил дважды (во второй половине 1240-х и в начале 1250-х гг.) шел на сближение с Римом, получил в 1253 г. титул «короля», но никакой помощи против монголов с Запада не дождался, в результате чего к середине 1250-х гг. прекратил сношения с папским престолом, а затем и окончательно подчинился ордынской власти⁴⁹. При этом Даниил, как и Александр, остался православным правителем. Только Александр Ярославич принял решение отказаться от идеи церковной унии быстрее, чем Даниил. Здесь мог

⁴⁶ См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 106–107.

⁴⁷ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli.* P. 331.

⁴⁸ См.: Горский А.А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2010. № 4.

⁴⁹ См.: Горский А.А. Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993.

повлиять как его личный опыт войн с крестоносцами, поддерживаемыми Римом, так и впечатления от поездки в Каракорум 1248–1249 гг., когда князь должен был убедиться в мощи Монгольской империи, подчинившей большую часть Евразии, а также, собственно, пример Даниила (около 1249 г. как раз прервавшего на время отношения с папой по причине отсутствия от него помощи против монголов⁵⁰). Зависимость же от монгольских правителей была признана ведущими русскими князьями до того, как Александр вышел на первые роли, и ему приходилось действовать, исходя из уже сложившейся ситуации.

Если говорить о долгосрочных последствиях политической деятельности Александра, то к таковым привело изменение отношений князя и Новгорода, происшедшее при нем. Ранее, с XII в., новгородцы приглашали к себе князей из разных русских земель (Киевской, Черниговской, Смоленской, Суздальской) по своему усмотрению (так называемая «вольность в князьях»). Со времени Александра Невского сложилась иная система: новгородским князем стал считаться тот, кто занимал великое княжение Суздальской земли — стол во Владимире⁵¹. Впоследствии, в конце XV в., эта традиция, утверждавшая, что Новгород является «отчиной» великих князей владимирских (в то время уже фактически московских), сыграет важную роль при присоединении Новгородской земли к Московскому государству.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 826–827.

⁵¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 143–144, 148–149; Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV вв. С. 58–59.

REFERENCES

1. Aleksandr Nevskij: gosudar', diplomat, voin [Alexander Nevsky: sovereign, diplomat, warrior]. M., 2010.
2. *Begunov Yu.K.* Aleksander Nevsky. M., 2003.
3. *Begunov Yu.K.* Pamyatnik russkoj literatury XIII veka «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» [Monument of Russian Literature of the 13th c. «Slovo o pogibeli Russkoj zemli»]. M.-L., 1965.
4. *Borisov N.S.* Mihail Tverskoj. M., 2017.
5. *Chernyshevsky D.V.* Russkie soyuzniki mongolo-tatar [Russian allies of Mongolo-Tatars] // Problemy istorii rossijskoj civilizacii. Saratov, 2004. Vol. 1.
6. *Danilevskij I.N.* Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.) [Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (XII–XIV cc.)]. M., 2001.
7. *Dolgov V.V.* Fenomen Aleksandra Nevskogo [The phenomenon of Alexander Nevsky]. M., 2020.
8. *Fennel D.* Krizis Srednevekovoj Rusi. 1200–1304 [The crisis of medieval Russia. 1200–1304]. M., 1989.
9. *Froyanov I.Ya.* O perepisyvanii istorii otnoshenij Rusi s Ordoj [On Rewriting the History of the Relations between Russia and the Hord] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2018. Vol. 63. Ed. 1.
10. *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989.
11. *Gorsky A.A.* Mezhdru Rimom i Karakorumom: Daniil Galickij i Aleksandr Nevskij [Between the Rome and Karakoram: Daniel of Galicia and Alexander Nevsky] // Stranicy otechestvennoj istorii. M., 1993.
12. *Gorsky A.A.* Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. M., 2018.
13. *Gorsky A.A.* Nasledovanie velikogo knyazheniya v seredine XIII v., Batyj i machekha Aleksandra Nevskogo [The inheritance of the Grand Duchy in the middle of the 13th c., Alexander Nevskiy Stepmother and Batu Khan] // Rossijskaya istoriya. 2010. № 4.
14. *Gorsky A.A.* O vremeni poyavleniya prozvizhch u knyazej russkogo Srednevekov'ya [About the times when Russian Medieval Grand Dukes got their nick-names] // Srednevekovaya Rus'. Vyp. 14. M., 2020.

15. *Gorsky A.A.* Russkie zemli v XIII–XIV vekah: puti politicheskogo razvitiya [The Russian land in 13th–14th cc., ways of political development]. SPb., 2016.
16. *Gorsky A.A.* Russkoe srednevekovoe obshchestvo: istoriko-terminologicheskij spravochnik [Russian Medieval Society: historical-terminological guidebook]. M., 2019.
17. *Gorsky A.A.* Ustanovlenie vzaimootnoshenij Mongol'skoj imperii i Rusi: kazu Yaroslava Vsevolodicha [The establishment of the relations between Rus' and the Mongol Empire: Casus of Yaroslava Vsevolodich] // Istoricheskij vestnik [The Historical Reporter]. Vol. 25: Ekspansiya Mongol'skoj imperii. M., 2018.
18. *Gumilev L.N.* Drevnyaya Rus' i Velikaya step' [Ancient Rus and the Great Steppe]. M., 1989.
19. *Gumilev L.N.* Poiski vymyshlennogo carstva [Searches for an Imaginary Kingdom]. M., 1970.
20. *Isoaho M.* The Image of Alexander Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston, 2006.
21. Istoriya tatar s drevnejshih vremen [The History of Tatars since Ancient Times]. T. 3. Kazan', 2009.
22. *Kargalov V.V.* Vneshnepoliticheskie faktory razvitija feodal'noj Rusi [Foreign Policy Factors of the Feudal Rus' Development]. M., 1967. 264 p.
23. *Karpov A.Yu.* Velikij knyaz' Aleksandr Nevskij [The Grand Prince Aleksander Nevsky]. M., 2010.
24. *Krivosheev Yu.V., Sokolov R.A.* Aleksandr Nevskij: epoha i pamyat' [Alexander Nevsky: Epoch and Memory. Historical Essays]. SPb., 2009.
25. *Kuchkin V.A.* Aleksandr Nevskij — gosudarstvennyj deyatel' i polkovodec srednevekovoj Rusi [Aleksandr Nevsky as a Governor and a Commander] // Aleksandr Nevskij i istoriya Rossii [Alexander Nevsky and Russian history]. Novgorod, 1996.
26. *Kuchkin V.A.* Formirovanie gosudarstvennoj territorii Severo-Vostochnoj Rusi X–XIV vv [The formation of the state territory of north-eastern Rus in the X–XIV cc.]. M., 1984.
27. *Kuchkin V.A.* Rus' pod igom: kak eto bylo? [Rus under the yoke: how was it?]. M., 1991.
28. *Kudryavcev O.F.* Aleksandr Nevskij i papstvo [Alexander Nevsky and popedom] // Aleksandr Nevskij: gosudar', diplomat, vojn. M., 2010.
29. *Majorov A.V.* Daniil Galickij v puti k hanu Batyyu: k sporam o prodolzhitel'nosti poezdki knyazya v Ordu [Daniel of Galicia en route to

- Batu Khan: On the disputes about the duration of the prince's trip to the Horde] // *Stratum plus*. 2016. № 6. *Pax Mongolica i evrazijskie potryaseniya XIII–XIV vekov*.
30. *Matuzova V.I., Nazarova E.L.* Krestonoscy i Rus'. Konec XII v. — 1270 g. [Crusaders and Rus: end of the XII c. — 1270]. *Teksty, perevod, kommentarii*. M., 2002.
  31. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The First Novgorodian Chronicle Older and Younger recensions]. M.; L., 1950.
  32. *Pashuto V.T.* Aleksander Nevsky. M., 1974.
  33. *Pashuto V.T.* Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi [Essays on the history of Galicko-Volynskoj Rus]. M.; L., 1950.
  34. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travel to the East Plano Carpini and Giloia le Rubruka.]. M., 1957.
  35. *Rashid-ad-din. Sbornik letopisej* [Rashid-ad-din. Collection of chronicles]. Vol. 2. M.; L., 1960.
  36. *Saharov A.N.* Osnovnye etapy vneshnej politiki Rusi s drevnejshih vremen do XV veka [Major steps in Ancient Rus' Foreign Policy up to the XV c.] // *Istoriya vneshnej politiki Rossii* [The history of Russian foreign policy]. Konec XV–XVII vek. M., 1999.
  37. *Shaskol'sky I.P.* Bor'ba Rusi protiv krestonosnoj agressii na beregah Baltiki v XII–XIII vv. [Rus' against and the Baltic Crusades in XII–XIII cc.]. L., 1978.
  38. *Shaskol'sky I.P.* Bor'ba Rusi za sohranenie vyhoda k Baltijskomu moryu v XIV veke [Rus' fights to preserve access to the Baltic sea in XIV c.]. L., 1987.
  39. *Shenk F.B.* Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroj (1263–2000) [Aleksandr Nevsky as depicted in Russian cultural memory: saint, ruler, national hero (1263–2000)]. M., 2007.
  40. *Solov'ev S.M.* Istoriya rossijskaya s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. Kn. 2. M., 1988.
  41. *Tatishchev V.N.* Istoriya rossijskaya [Russian History]. Vol. 5. M.; L., 1965.
  42. *Tizengauzen V.G.* Sbornik dokumentov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy [The collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. Vol. 1. SPb., 1884; Vol. 2. M.; L., 1941.
  43. *Trepavlov V.V.* Gosudarstvennyj stroj Mongol'skoj imperii [The State structure of the Mongolian Empire]. M., 1993.
  44. *Velikij knyaz' Aleksandr Nevskij* [The Grand Prince Aleksander Nevsky]. M., 2002.

45. *Vernadskij G.V.* Dva podviga Aleksandra Nevskogo [Two heroic deeds of Aleksander Nevsky] // *Evrazijskij vremennik*. Kn. 4. Berlin, 1925.
46. *Janin V.L.* Novgorodskie posadniki [Posadniks of Novgorod]. M., 1962.
47. *Yugov A.* Sobranie sochinenij [Collected Edition]. Vol. 3. Ratoborcy. Book 2. Aleksandr Nevsky. M., 1985.

Ключевые слова:

Александр Невский, Невская битва, Ледовое побоище, Монгольская империя.

Anton A. Gorsky

ALEXANDER NEVSKY AS A HISTORIC PERSONALITY: CONTROVERSIAL PROBLEMS

The article covers controversial facts in the life of Alexander Nevsky in historical studies and journalism. These include the importance of the greatest military victories by Prince Alexander, in the Battle on the Neva against the Swedes and in the Battle on the Ice against the German knights, as well as his relationship with the Mongol invaders. The author displays the uncommon nature of the armed conflicts of 1240–1242. It is believed that Russian duchies subordinated to Genghisians before Alexander Nevsky came to prominence. The popular hypothesis of the crucial choice between «the West» and «the East» allegedly made by Alexander is not evidence-based. Actually, there was no such dilemma at the time.

Keywords: Alexander Nevsky, Battle of the Neva, Battle on the Ice, Mongol Empire.

Anton A. Gorsky — D.Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University.

 Горский Антон Анатольевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН, профессор исторического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.001

В.А. Кучкин

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ПОБЕДА НА НЕВЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ ПСКОВА, СРАЖЕНИЕ НА ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ

оявление в самом конце 1237 г. в пределах русских земель монгольских кочевников, быстрый захват ими и опустошение Рязанского и северо-восточных русских княжеств вызвали большую тревогу и озабоченность правителей европейских государств, а также папского престола. Делалось очевидным, что монголы должны были вот-вот появиться на берегах Вислы и Дуная и надо принимать срочные меры по обороне своих стран и объединяться в военные союзы. Контакты европейских государств с Новгородом и русскими княжествами резко сократились, а конфликтные ситуации прекратились вовсе. Нужно было защищаться от общего врага. Однако шли недели и месяцы, наступил 1239 г., а Батый не выходил из русских пределов. 3 марта 1239 г. он взял южное Переяславское княжество, в котором в свое время правил отец Александра Невского Ярослав Всеволодович, а 18 октября того же года — одно из крупнейших древнерусских княжеств Черниговское. «На зиму», т.е. близко к 25 декабря 1239 г., его войска вторично напали на северо-восточные русские территории, захватили Муром, воевали земли по р. Клязьме и сожгли г. Гороховец. Монголы не покидали Руси, парализуя политические планы и действия еще не подвергшихся разгрому русских князей.

Беспомощным состоянием русских земель воспользовались их западные и северо-западные соседи. Прежде других это сделали литовцы. Летопись сообщает, что в 1239 г. князь Ярослав Всеволодович «иде Смолинъску на Литву и Литву побѣди и князя ихъ яль, а Смольняны оурядивъ, князя Всеволода посади на столѣ»¹. Когда литовцы сумели захватить Смоленск, летопись не сообщает, но о походе на этот город князя Ярослава летопись говорит после известия о взятии татарами Чернигова, т.е. относя поход ко времени после 18 октября 1239 г. Можно думать, что захват одним из литовских князей Смоленска произошел около указанного времени, когда черниговцы, противостоявшие татарам, не могли прийти на помощь соседним смолянам. Этим и воспользовались литовцы. Однако их успех был кратковременным. Князь Ярослав Всеволодович, пришедший в 1238 г. со своей не участвовавшей в сражениях с Батыем дружиной из Киева в опустошенный Владимирна-Клязьме и соединивший в своих руках власть над Владимирским и Переяславским (Переяславля-Залесского) княжествами, сумел освободить Смоленск от захватчиков. В Смоленске был посажен князь Всеволод, сын Мстислава Романовича и внук Романа Ростиславича, в свое время княживших в Смоленске².

Новгородская I летопись старшего извода в статье 6747 г. сообщает, что правивший в Новгороде сын князя Ярослава Всеволодовича Александр (будущий Невский) «с новгородци срубил городки по Шелонѣ»³, укрепив территорию Новгорода, близко расположенную к Литве. Это последнее известие статьи 6747 г. Сама статья датирована по мартовскому стилю, т.е. описывает события 1 марта 1239 г. — 29 февраля 1240 г.⁴ Строительный сезон в русских землях продолжался примерно 5–6 месяцев в году, с апреля до октября. Учитывая специфические географические условия развития Новгородской земли (речные разливы до начала июля), можно полагать, что район Шелони был укреплен князем Александром в июле — сентябре 1239 г., что, вероятно, и заставило литовцев отказаться от наступления на Новгород и напасть на Смоленск. Однако планы похода на восток у литовских князей возникли раньше, скорее всего к лету 1239 г. Освобождение осенью 1239 г. Смоленска от литовцев князем Ярославом Всеволодовичем расстроило эти наступательные замыслы и на

¹ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926–1928. Стб. 469.

² *Donskoi D. Généalogie des Rurikides. Rennes, 1991. P. 244.*

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее НПЛ). М.; Л., 1950. С. 77.

⁴ *Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 263.*

ряд лет прекратило крупные нападения Литвы на новгородские и смоленские земли.

Однако через несколько месяцев новгородцам пришлось столкнуться с гораздо более серьезным противником. Летом 1240 г. в новгородские пределы вторгся флот шведского короля Эрика Леспе. Новгородцам и их князю Александру почти не от кого было ожидать серьезной военной помощи. В самом деле, если проанализировать состав князей, занимавших новгородский стол с 1136 г., когда Новгород добился независимости от киевских князей и стал республикой, и до 1236 г., когда новгородский стол получил старший к тому времени сын Ярослава Всеволодовича Александр, то состав этот окажется по сути дела неизменным. На новгородский стол садились только князья из Чернигова, Суздаля (а со второй половины XII в. из сменившего Суздаль в качестве политического центра Северо-Восточной Руси Владимира-на-Клязьме), Киева и Смоленска. Очевидно, лишь эти четыре княжества, наиболее крупные и могущественные из примерно двух десятков княжеств домонгольской Руси, могли поддерживать Новгород в военном отношении, и лишь они были способны оказать материальную помощь новгородцам при часто возникавших в те времена в Новгородской земле неурожаях и голоде. Но в 1240 г. Черниговское княжество лежало в руинах, Владимирская земля и Смоленское княжество были сильно опустошены одно монголами, другое литвой, не тронутыми Батыем оставались Киев, а также Владимир Волынский и Галич, но эти княжества готовились к обороне от неизбежной монгольской осады. Со своими противниками Новгород оставался один на многих.

Известие о появлении летом 1240 г. в устье р. Невы шведского флота было получено в Новгороде своевременно. Новгородская морская стража, возглавлявшаяся старейшиной Ижорской земли Пелгусием-Филиппом, сообщила, что в Неву вошли «Свъи в силѣ велицѣ и Мурмане, и Сумь, и Емь в кораблехъ множество много зѣло»⁵. Узнав об этом, в Новгороде решили, что целью похода шведов (свеев) и приплывших вместе с ними норвежцев (мурман), суми и еми (насельников южной и озерной частей Финляндии суоми и тавастов) является Ладога. Ладога (в настоящее время Старая Ладога) стояла на р. Волхов примерно в 15 километрах от его устья. Опираясь на Ладогу, можно было контролировать земли по южному берегу Ладожского озера и выход в Балтику, а по Волхову — легко добраться до Новгорода. Попытки захватить Ладогу северными и севе-

⁵ НПЛ. С. 77.

ро-западными соседями Новгорода в его истории проявлялись издавна. В 1164 г. 55 шведских шнеков вошли в Неву, поднялись по ней в Ладожское озеро и по Волхову достигли Ладоги. Правда, осада города для приплывшего шведского войска кончилась тогда большой неудачей. Это подробно описали новгородские летописцы⁶. В 1228 г. в Неву вошел финский флот и, поднявшись по реке, оказался в Ладожском озере. Финны начали воевать новгородские поселения на берегах этого озера⁷. В 1240 г. новгородцы считали, что шведы пойдут тем же путем, что и финны в 1228 г., желая повторить, но без прежних промахов, операцию 1164 г. Князь Александр, спешно собрав свою дружину и часть новгородского войска, немедленно выступил к Ладоге. Русские полки, судя по указаниям русских источников, были конными и могли достигнуть Ладоги примерно за 3–4 дня. Однако у Ладоги шведы не появились. Предположения новгородцев и князя Александра оказались неверными, противник преследовал совсем иные цели, чем в 1164 г. Шведские суда остановились недалеко от устья Невы в устье другой реки — Ижоры, левого притока Невы. Пребывание шведов в этом месте, причем пребывание многодневное, никак не объяснено в источниках и в трудах последующих историков. Только в самом раннем фрагменте Жития Александра Невского, сохраненном Лаврентьевской летописью XIV в., сообщается, что в своем донесении двигавшемуся на шведов Александру старейшина Ижорской земли Пелгусий указывал на шведские «станы и обрытья»⁸. «Обрытья» — это боевые рвы. Очевидно, что в планы шведов входило строительство в Ижорской земле в стратегически важном месте такой же опорной крепости, какие они строили ранее в землях суми и еми-тавастов. Устье Невы и в позднейшие времена представляло для шведов стратегический интерес. В 1300 г. они пытались построить там крепость при впадении в Неву р. Охты, построили ее, назвав Ландскроной, но этот могучий Венец Земли, как точно перевел шведское название русский летописец, на следующий год был до основания разрушен русскими войсками⁹.

В 1240 г. князь Александр, не обнаружив шведов у Ладоги, двинулся на запад к устью Невы, усилив свое войско отрядом ладожан. Получив от Пелгусия уточняющие сведения о расположении шведского лагеря, сумев не обнаружить себя, Александр нанес по лагерю неожиданный

⁶ НПЛ. С. 31.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 479.

⁹ НПЛ. С. 91.

удар. Был воскресный день 15 июля, сравнительно рано — половина девятого утра по современному часосчислению¹⁰, когда на ничего не подозревавших шведов обрушились русские полки. Их внезапное появление вызвало среди шведов панику. Часть их бросилась на корабли, стоявшие у левого берега Невы, другая старалась переправиться на левый берег р. Ижоры. Предводитель шведского войска пытался оказать сопротивление, построив оставшихся в боевые порядки, но все было тщетно.

Непрерывно атакуя, русские заставили бежать и их. Автор Жития Александра Невского сохранил живые рассказы об участниках сражения и отдельных боевых эпизодах, о которых узнал от самого Александра Невского и других, «иже в то время обрѣтошася в тои сѣчи»¹¹. Первым среди воинов Александра агиограф назвал Гаврилу Алексича, судя по отчеству — боярина. Считается, что этот человек стал родоначальником Пушкиных¹². Гаврила Алексич, преследуя бежавших шведов, на своем коне въехал на сходни, соединявшие корабль с берегом. Бежавшие шведы оказали сопротивление и сумели сбросить Гаврилу вместе с конем в Неву. Но Гаврила Алексич выплыл и снова пошел на врагов, сражаясь с предводителем преследуемых им шведов. Другим участником битвы был новгородец Збыслав (Сбыслав) Якунович. Его имя встречается в источниках много раньше Невской битвы. В 1229 г. он в числе других новгородцев был уведен черниговским князем Михаилом Всеволодовичем из Новгорода в Чернигов¹³. Уже после Невской битвы, согласно разысканиям В.Л. Янина, в 1243 г. Збыслав Якунович становится новгородским посадником¹⁴. Очевидно, что к 1240 г. Збыслав был зрелым и сильным мужчиной. Он разил врагов топором, и многие поражались его силе и отваге. Третий герой битвы — уроженец Полоцка Яков, который служил ловчим у князя Александра Ярославича. Яков, «наѣхавъ на полкъ с мечемъ», храбро сражался, за что удостоился княжеской похвалы. Четвертым отличившимся был новгородец Миша, который со своей дружиной

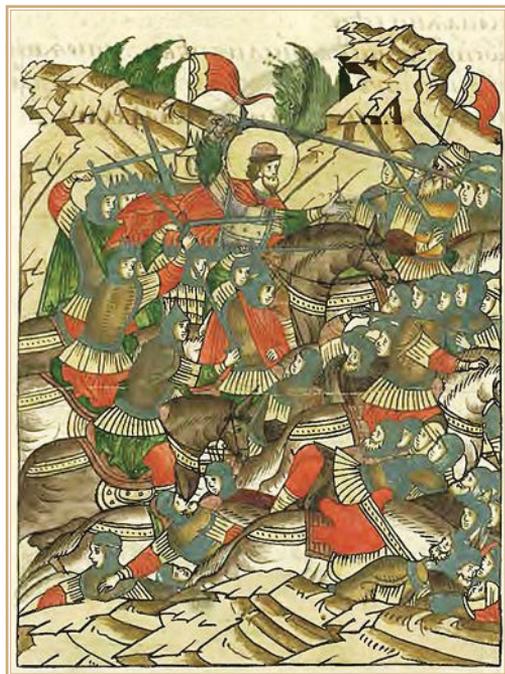
¹⁰ Сражение началось в «6 час дне» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 479). Для 15 июля это соответствовало 8 часам 35 минутам по современному часосчислению. См.: Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 50. Разъяснение А.Н. Кирпичникова, что битва началась «в 6-м часу дня, т. е. в 11 часов» (Кирпичников А.Н. Невская битва 1240 года и ее тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 27), не учитывает того времени года, к которому отнесено указание на 6 часов дня.

¹¹ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века. С. 168.

¹² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 45–46.

¹³ НПЛ. С. 68.

¹⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 142.

Невская битва. Миниатюра из Лицевого летописного свода

сумел потопить три шведских корабля. Упоминание дружины у Миши свидетельствует о его высоком социальном статусе. Возможно, речь идет о Михалке Степановиче, сыне новгородского посадника Степана Твердиславича и внуке посадника Твердислава Михалковича. В начале 1256 г. при поддержке Александра Невского Михалка Степанович и сам получил посадничество в Новгороде¹⁵. При описании новгородских событий предшествовавшего 1255 г. летопись упоминает «свой полк» Михалки Степановича¹⁶ — военный отряд, который был и у новгородца Миши, упомянутого в Житии Александра Невского. Пятым героем Невской битвы переяславль-залесский агиограф называет Савву «от молодыхх людий», т. е. младшего дружинника Александра Невского. Савве удалось подсесть

¹⁵ Там же. С. 144–147.

¹⁶ НПЛ. С. 81. А.А. Молчанов полагает, что Миша был родоначальником Мишиничей, другого новгородского боярского рода, жившего в Неревском конце Новгорода. См.: Молчанов А.А. Боярин Миша — предок новгородского посадничьего рода // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 8/9 (52/53). 2004. С. 100–103. Однако сообщения в летописной статье 1257 (6765) г. «на зиму убиша Михалка посадника новгородци» и «той же зимы убиша Мишу» (см.: НПЛ. С. 82) очень похожи друг на друга (в обоих говорится об убийстве людей с одинаковыми именами, называется одно и то же время их гибели — около зимы или зима), что заставляет думать о дублировании сведения. В таком случае предпочтительнее оказывается версия о происхождении Миши от Твердислава.

деревянный столб, на котором крепился златоверхий шатер предводителя шведского войска. Шатер рухнул, и это воодушевило русские полки. Последним в перечне героев назван Ратмир «от слугъ» князя Александра. Очевидно, Ратмир относился к так называемым «слугам вольным». Таким термином в более позднее время обозначали военных слуг, которые составляли нижнюю, «младшую» прослойку княжеской дружины. Ратмир бился пешим. И, окруженный неприятелями, погиб в бою¹⁷. Но исход битвы был уже предрешен. Неся большие потери, шведы добрались до своих кораблей, погрузили на них тела павших наиболее знатных воинов и спешно отплыли в море¹⁸. Первое крупное военное столкновение молодого новгородского князя, которому было тогда 19 лет, закончилось его полным триумфом.

Новгородский летописец отметил, что с русской стороны вместе с ладожанами пало «20 мужь... или мне (менее. — В. К.)»¹⁹. Один из крупнейших зарубежных специалистов по истории средневековой Руси профессор Оксфордского университета Джон Фенел в книге «Кризис средне-

¹⁷ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века. С. 166–167.

¹⁸ НПЛ. С. 77; ПСРЛ. Т. I. Стб. 478–480. В исследованиях о Невской битве очень многое идет от позднейшей традиции, разного рода соображений и расчетов историков в ущерб свидетельствам ранних и достоверных источников. В частности, подвергается сомнению состав войска шведского короля, определенный летописью: свеи, мурмане, сумь, емь. Однако такое сомнение вряд ли может быть оправдано. Мурмане (норвежцы) — скорее всего, представители варбельгеро-варяжских отрядов норвежского короля Хакона. Сумь и емь особых военных отрядов не составляли, они, возможно, были рабочей силой, которая должна была возвести крепость. Участие ладожан в войске Александра Ярославича можно объяснить только тем, что князь сначала пошел к Ладоге. Мысль, будто ладожане соединились с Александром где-то на пути к шведскому лагерю, представляется нереальной, поскольку в таком случае ладожанам и новгородцам необходимо было постоянно сноситься между собой, договариваясь о месте и времени встречи, и тратить на это дни, за которые можно было собрать не ладожан, а самих новгородцев. Между тем, как свидетельствует Житие Александра, последний выступил против шведов «в малѣ дружинѣ, не сождавъся со мною силою своею», «мнози новгородци не совокупилися бѣша, понеже ускори князь поити» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 478, 479). Если к войску Александра не смогли присоединиться многие новгородцы, то как же это сумели сделать далекие ладожане? Такое могло произойти только в том случае, если первой целью похода Александра была не Ижора, а Ладога. К шведскому лагерю князь подошел на лошадях («скоро приѣха» — ПСРЛ. Т. I. Стб. 479), а не на речных судах, как иногда утверждают военные и некоторые гражданские историки, заменяя своими мыслями прямые свидетельства источников. Нельзя представлять себе Невскую битву как правильное полевое сражение, что старается сделать А.Н. Кирпичников. Выражение «самому королеви взложи печать на лице острым своимъ копьемъ» не может означать «переднюю сторону строя шведских войск» (Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 27), буд-то бы заранее построенных для сражения, и т. д.

¹⁹ НПЛ. С. 77.

вековой Руси. 1200–1304», основываясь на количестве павших с русской стороны, написал, что Невская битва была заурядным сражением и победа в ней Александра была «мелкой»²⁰. Однако летопись говорит лишь о потерях среди знатных и свободных мужей, и названная ею цифра в 20 человек оказывается совсем не маленькой. Например, при взятии в 1238 г. Батыем Торжка было убито всего четыре знатных новоторжца²¹. В 1262 г. при штурме немецкого города Юрьева (позднее Дерпт, Тарту) русские полки потеряли двух знатных воинов²² и т. д. Конечно, Невская битва по своему масштабу уступала битвам при Бородине или Ватерлоо, но для XIII столетия это было крупное сражение, в котором участвовало несколько тысяч человек²³. Победа на Неве не позволила шведским феодалам закрепиться на берегах Невы, закрыть Новгороду и другим русским землям выход к морю, изолировать от Новгородской республики земли ижоры и корел. Однако совсем скоро этот военный успех был омрачен другими событиями.

Через полтора месяца после битвы на Неве соединенные силы образованного в 1237 г. Тевтонского ордена, датского короля, дерптского (юрьевского) епископа и служившего немцам русского князя Ярослава Владимировича в результате неожиданного нападения захватили пограничную псковскую крепость Изборск. Выступившее на защиту Изборска псковское войско было разгромлено, его воевода Гаврила Гориславич пал в бою. Крестоносцы осадили Псков. Не получая ниоткуда помощи, псковичи вынуждены были 16 сентября 1240 г. капитулировать. В Пскове были посажены два немецких фогта (наместника), с которыми в город вошли и военные отряды немцев и эстов²⁴. Победители взяли в Пскове заложников и отправили их в Ливонию²⁵. На сторону оккупантов перешла часть псковского населения во главе

²⁰ Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 142–144.

²¹ НПЛ. С. 76.

²² Там же. С. 83.

²³ В шведской шнеке помещалось 40 человек. Шведский флот в 1240 г. по численности кораблей едва ли уступал их флоту 1164 г. Русские полки, по меньшей мере, насчитывали несколько сотен человек.

²⁴ В Житии Александра Невского говорится, что при взятии им в 1242 г. Пскова князь «немецъ изсѣче, а инѣх повязалъ» (Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века. С. 169). В летописи указано, что в Пскове Александром были захвачены «нѣмци и чюдъ», которых, сковав, князь отправил в Новгород (НПЛ. С. 78). Ясно, что немецкие фогты явились в 1240 г. в Псков не одни, а с военными отрядами.

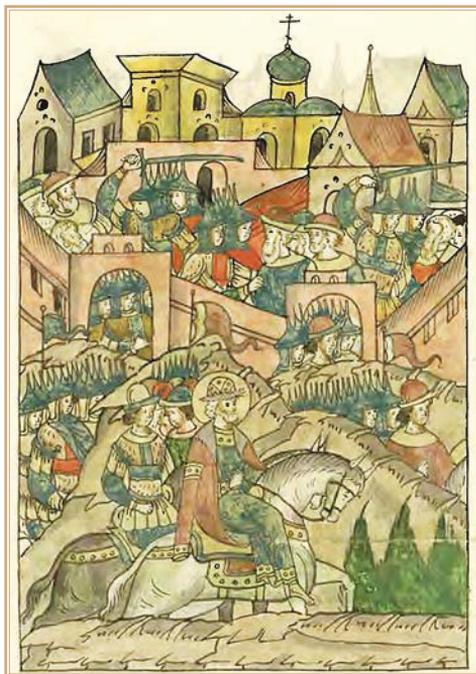
²⁵ После разгрома крестоносцев на Чудском озере «таль пльсковьская» была Орденом отпущена на свободу. См.: НПЛ. С. 79.

с влиятельным боярином Твердилой Иванковичем. Но было и много недовольных установившимся немецким господством. Некоторые из не смирившихся с немецкой властью в Пскове вместе с семьями бежали в Новгород²⁶.

В самом Новгороде произошли неожиданные и на первый взгляд странные события. Новгород покинул Александр Невский, рассорившись с новгородцами²⁷. Причины конфликта не раскрыты ни летописью, ни учеными-историками. А между тем они могут быть установлены. Изгнав с берегов Невы шведов, князь Александр тем не менее никак не воспрепятствовал захвату Пскова немецкими и датскими феодалами. Естественно, это вызвало резкое недовольство части новгородцев и особенно бежавших в Новгород псковичей. Однако после Невской победы Александр был не в состоянии противостоять агрессии новых врагов. Победа над шведами была достигнута преимущественно силами дружины самого князя Александра. Недаром новгородский летописец, написав о двадцати русских мужах, погибших в битве, отметил гибель только четырех новгородцев. Составитель Жития Александра, называя шестерых храбрецов Невского сражения, указал лишь на двух новгородцев. Относительная малочисленность новгородского войска должна объясняться и тем, что в 1230 г. Новгород испытал губительный неурожай, страшный голод охватил население, горожане и сельчане ели собак и других «нечистых» животных, доходило даже до людоедства. Смертность достигла ужасающих размеров, а живые люди бежали из Новгорода в другие русские княжества, несмотря на очень соблазнительные налоговые поблажки, предлагавшиеся новгородским правительством. За 10 лет к 1240 г. Новгород так и не сумел до конца восстановиться. Поэтому нужда новгородцев в княжеской поддержке в 30-е гг. XIII в. была особенно велика. Этим объясняется то обстоятельство, что основная тяжесть Невского боя легла на плечи княжеской дружины и именно она, как это явствует из древнейших источников, понесла наибольшие потери. А с ослабленной дружиной, не получая помощи других русских земель, князь-защитник Новгородской республики был просто не в состоянии выполнить свои обязанности. Обоюдные обвинения стали столь острыми, что Александр вынужден был покинуть Новгород и уехать к отцу в Переяславль.

²⁶ НПЛ. С.77–78; Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 13; Ледовое побоище 1242 г. М.; Л., 1966. С. 203–209.

²⁷ НПЛ. С. 78.

Возвращение Пскова. Миниатюра из Лицевого летописного свода

Этим сразу же воспользовались немцы. Зимой 1240/41 г. они захватили чудские и водские владения Новгорода, построили в Копорье крепость и, воюя собственно новгородскую территорию, подходили на расстояние в 30 верст от самого Новгорода²⁸. Возникла непосредственная угроза городу. При этом выяснилось, что своими силами новгородцы не в состоянии справиться со все возрастающей немецкой агрессией. Стала очевидной необходимость приглашения на новгородский стол нового князя.

Выбор у новгородцев был невелик. Они вынуждены были просить о помощи того же Ярослава Всеволодовича. Тот прислал им вместо Александра другого своего сына — Андрея. Но и при нем нападения немцев на новгородские земли не прекратились. Мало того, к ним прибавились нападения эстов и литовцев. Тогда новгородцы решили просить у Ярослава вместо Андрея снова Александра. Просьба была удовлетворена²⁹.

Александр въехал в Новгород в марте 1241 г. Он действовал осмотрительно и четко. Собрав все новгородские силы, присоединив к ним ладожан, корел, ижору, он двинулся на Копорье. Возведенная немцами крепость была взята и разрушена, изменники из числа води и эстов были

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

повешены, взяты заложники, но некоторые, поддержавшие немцев, помилованы³⁰. Так закончился 1241 г.

В начале 1242 г. Александр получил военную помощь от отца. С владимирскими полками к нему прибыл брат Андрей. Теперь можно было воевать собственно немецкие владения. Александр и Андрей вторглись в Чудскую землю. Перерезав все пути, которые связывали Орден и немецкие епископства в Прибалтике со Псковом, Александр неожиданным ударом с запада захватил Псков³¹. Это была вторая за короткий срок успешная военная операция князя Александра. Теперь его тылы были обеспечены. Вернувшись снова в землю эстов, он стал опустошать ее. Однако немцы уже начали собирать силы. Их войскам у местечка Моосте близ р. Лутсу удалось разгромить передовой отряд Александра под командованием Домаша Твердиславича, брата новгородского посадника, и Кербета, дмитровского наместника владимирского князя Ярослава Всеволодовича³². Домаш пал в бою. Это поражение заставило Александра Невского отступить на Чудское озеро.

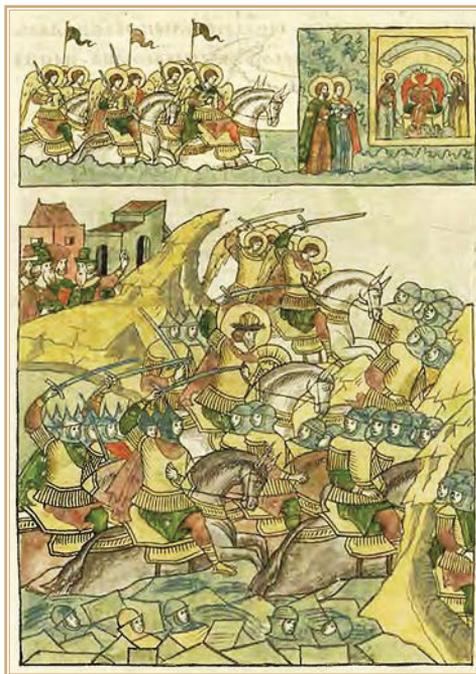
Есть основания считать, что выбор места сражения русскими военачальниками был тщательно продуман. Древнейшая русская летопись, поместившая на своих страницах рассказ о Ледовом побоище, сообщает, что оно произошло «на Чудскомъ озерѣ, на узмени, у Воронѣя камени»³³. К настоящему времени выяснено, что эти определения ведут к восточной части южной оконечности Чудского озера, к водной перемычке между собственно Чудским озером и озером Псковским, носящей свое название — озеро Теплое. В водах узмени стоял достаточно высокий каменный утес — Вороний камень. С него в зимнее время хорошо и далеко просматривались окрестности, особенно — гладкий лед Чудского озера. За спиной русских полков оставались неширокие, промерзшие до дна водные участки, а недалеко от них начиналась уже суша. Гибель в озерных водах оборонявшимся не грозила. В тылу же у них оставались небольшие нов-

³⁰ НПЛ. С. 78; *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века. С. 169.

³¹ Там же. ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.

³² НПЛ. С. 78, 79.

³³ Там же. С. 78. В этом, как и во всех предшествовавших изданиях Новгородской I летописи, слово «узмень» напечатано с большой буквы как имя собственное. См.: ПСРЛ. Т. III. СПб. 1841. С. 53; Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888. С. 260. Между тем существительное «узмень» является именем не собственным, а нарицательным. В древнерусском языке оно обозначало узкое место, в том числе и узкое место водного пространства. См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб. 1903. Стб., 1171.

Сражение на Чудском озере. Миниатюра из Лицевого летописного свода

городские и псковские городки-крепости и такая сильная крепость, как возвращенный Псков.

В целом ряде трудов по русской истории их авторы высказывали недоумения относительно того, как на льду могла произойти крупная битва в начале апреля, когда по обычным нормам Новгородской земли лед на озерах и реках должен был в это время уже таять. Подобные мысли при выборе места решительного сражения посещали, видимо, и Александра Невского с его воеводами. Они должны были оценить, как движется по льду тяжеловооруженная рыцарская конница и выдержит ли лед не только движение, но и боевые действия этой конницы. Однако современники свидетельствуют о том, что зима 1241/42 г. была необычно суровой и холодной. Даже текущий в срединной Европе Дунай промерз до устья³⁴. Батый, весь 1241 г. провоевавший в Венгрии, не сумел тогда перейти Дунай и захватить южную часть Венгерского королевства. А в указанную зиму его войска легко перешли на правый берег Дуная по льду, и в 1242 г. Венгрия была покорена. Так что свидетельства русских источников о Ледовом побоище весной 1242 г. надо признать верными.

³⁴ Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 55.

Согласно этим источникам, крестоносцы и их вспомогательные войска начали преследование отступивших на узмень русских полков. Когда разведка донесла о приближении противника, Александр стал готовиться к сражению³⁵. Немцы построили свои боевые порядки клином, «свиньею», как говорили в то время, во главе которой многорядным треугольником двигалась тяжелооруженная рыцарская конница, охранявшая также фланги и тыл построения, а в сердцевине построения помещалась легкая кавалерия или пехота. С восходом солнца 5 апреля 1242 г. «свинья» двинулась на русские полки. Александр укрепил свои фланги, а впереди войска поставил лучников, которые из тяжелых луков на расстоянии расстреливали крестоносную конницу³⁶. Однако немцам удалось прорвать строй русских ратников. Битва приняла крайне упорный и напряженный характер. В воздухе стоял страшный шум от ударов копий, скрещивавшихся мечей, ударявшихся друг о друга щитов. Казалось, начался ледоход, с грохотом трескается лед замерзшего озера и льдина налетает на льдину³⁷. Но льда не было видно. Он был покрыт кровью. Русские полки, используя свое превосходство на флангах, начали окружать рыцарские соединения. И тогда не выдержали боя вспомогательные войска крестоносцев, набранные из эстов. Они обратились в бегство. За ними побежали и немцы. Русские преследовали их на расстоянии «7-ми версть по леду до Суболичьскаго берега»³⁸. Суболичским или Соболицким от водившейся тут рыбы собаль (соболек) назывался западный берег озера Теплового в его северной части³⁹. Согласно самой ранней Новгородской летописи, в Ледовом побоище пало «чюди бесчисла, а нѣмецъ 400», 50 немецких рыцарей были пленены и отправлены в Новгород⁴⁰. О большом числе пленных сообщает и северо-восточная летопись⁴¹.

³⁵ О разведке сообщается в Житии Александра Невского. См.: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века. С. 170.

³⁶ Об этом говорят немецкие источники. Они также сообщают, что русская рать окружила крестоносное войско. Поскольку фронт русских полков был прорван, о чем единогласно свидетельствуют как немецкие, так и русские источники, окружение немецких сил могло произойти только в том случае, если Александр Невский заранее укрепил свои фланги. См.: НПЛ. С. 78; Ледовое побоище 1242 г. С. 213.

³⁷ *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века. С. 171.

³⁸ НПЛ. С. 78.

³⁹ Ледовое побоище 1242 г. С. 17.

⁴⁰ НПЛ. С. 78.

⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470. Некоторым исследователям цифры, указанные древнерусскими источниками, кажутся сильно преувеличенными. Такие исследователи исходят из состава Тевтонского ордена, который насчитывал в 30–40-е гг. XIII в. несколько десятков человек. Но русские летописцы, видимо, считали не только членов Ордена, а все западноевропейские силы, которые участвовали в сражении.

Победа 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера русских полков была полной. В том же году немцы прислали в Новгород посольство, которое заключило мир с князем Александром. Орден отказался от всех своих завоеваний в Новгородской земле, которые ему удалось сделать в 1240–1241 гг., отпустил взятых в Пскове заложников и разменялся пленными⁴². Условия этого договора были действительны даже в XV в.⁴³ Победу Александра Невского в Ледовом побоище Орден запомнил на долгие десятилетия.

Полководческий талант Александра, так ярко проявившийся в военных действиях 1240–1242 гг., укрепил политический авторитет и влияние князя. В Новгороде, где Александр Ярославич продолжал править, в течение долгих лет не поднимали вопроса о замене его иным князем. Сам Александр добросовестно и успешно выполнял свои функции военного защитника Новгородской республики. Когда в 1245 г. литовцы неожиданно напали на принадлежавшие Новгороду земли Торжка и Бежецкого Верха, то Александр во главе своей дружины и новгородцев успешно отразил этот набег, а затем только со своей дружиной разбил литовцев под смоленским Жижичем и полоцким Усвятом⁴⁴.

⁴² Там же. С. 78–79.

⁴³ Там же. С. 412–413.

⁴⁴ Там же. С. 79.

REFERENCES

1. *Begunov Yu.K.* Pamyatnik russkoj literatury XIII veka «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» [Russian literary monument of the XIII c. «A word about the death of the Russian land»]. M.; L., 1965.
2. *Berezhkov N.G.* Hronologiya russkogo letopisaniya [Chronology of Russian Chronicles]. M., 1963.
3. *Cherepnin L.V.* Russkaya hronologiya [Russian chronology]. M., 1944.
4. *Donskoy D.* Généalogie des Rurikides. Rennes, 1991.
5. *Fennel D.* Krizis srednevekovoj Rusi [The Crisis of Medieval Russia]. 1200–1304. M., 1989.
6. *Kirpichnikov A.N.* Nevskaya bitva 1240 goda i ee takticheskie osobennosti [Battle of the Neva in 1240 and its Tactical Features] // *Knyaz' Aleksandr Nevsky i ego epoha* [Prince Alexander Nevsky and His Epoch]. SPb., 1995.
7. *Ledovoe poboishche 1242 g* [Battle on the Ice 1292]. M.; L., 1966.
8. *Magistr Rogery.* Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami [A sad song for the destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars]. SPb., 2012.
9. *Molchanov A.A.* Boyarin Misha — predok novgorodskogo posadnich'ego roda [Boyar Mikhail — ancestor of family of Novgorod] // *Letopis' istorikorosloslovnogo obshchestva v Moskve. Vyp. 8/9 (52/53)*. 2004.
10. *Novgorodskaya letopis' po Sinodal'nomu haratejnomu spisku* [The Chronicle of Novgorod, Synod manuscript]. SPb., 1888.
11. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov*. M.; L., 1950.
12. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles](PSRL). Vol. I. L., 1926–1928.
13. *Pskovskie letopisi* [Pskov Chronicle]. Ed. I. M.; L., 1941.
14. *Sreznevskij I.I.* Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the old Russian language by written monuments]. Vol. III. SPb., 1903.
15. *Veselovskij S.B.* Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev [Studies on the history of service class landholders]. M., 1969.
16. *Yanin V.L.* Novgorodskie posadniki [The Novgorod Posadniks]. M., 1962.

Ключевые слова:

Александр Невский, нашествие монголов, ослабление русских княжеств, оборона северо-западных границ Руси.

Vladimir A. Kuchkin

ALEXANDER NEVSKY: VICTORY ON THE NEVA RIVER, THE PSKOV RETURN, THE LAKE CHUDSKOYE BATTLE

The article deals with three years of Alexander Nevsky's biography (1240–1242). During these years there was revealed his general's talent the most striking way. Being at the head of Novgorod the young prince repulsed an attempt of Swedish king and his allies to build a fortress in the Russian area where the rivers Neva and Ishora flow together. Then at the beginning of 1242 and lately in April he returned Pskov back to Novgorod territory, and finally defeated the Teutonic Order Knights in the battle on the Lake Chudskoye.

Key Words: Alexander Nevsky, the Mongolian invasion, weakening of Russian principalities, defense of Russian north-western borders.

Vladimir A. Kuchkin — Dr. Habil. in History, Head of the Center for the History of Ancient Russia, IRH RAS.

 Кучкин Владимир Андреевич

доктор исторических наук, руководитель Центра по истории
Древней Руси Института российской истории Российской академии
наук (ИРИ РАН)

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.002

С.А. Маслова

К ОЦЕНКЕ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Деятельность Александра Невского неоднократно привлекала внимание специалистов. Высоко оцениваются его борьба с немецкой и шведской агрессией, военные успехи на северо-западе русских земель. Действия князя по отношению к монголам трактуются неоднозначно. В историографии встречаются противоположные оценки его восточной политики. Некоторые исследователи обвинили Александра Невского в сотрудничестве с завоевателями и связали с его деятельностью начало фактического подчинения Руси монгольским правителям¹. Высказывалось мнение о самостоятельной и, насколько это было возможно, независимой линии поведения Александра Ярославича по отношению к завоевателям². Восточная политика князя оценивалась как рабская покорность захватчикам³. Существует мнение о дружественных отношениях русского князя с ордынскими правителями и даже побратимстве Александра с сыном

¹ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.

² Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2.

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1896. Т. 1.

Батыя Сартаком⁴. Разнообразие оценок восточной политики Александра Невского позволяет в очередной раз обратиться к истории его взаимодействия с монголами.

Во время похода Батыя на Северо-Восточную Русь Александр Невский находился в Новгороде. В военных действиях против завоевателей молодой князь участия не принимал. Часть монгольских войск зимой 1238 г. вошла в пределы Новгородской земли. Был захвачен Торжок, но далее монгольские войска не пошли. Причины остановки завоевательных отрядов связаны с неблагоприятными климатическими условиями⁵. Зима близилась к концу, подступало время весенней распутицы, существовала угроза нехватки корма для лошадей. В этих условиях взять крупный, хорошо укрепленный город было бы затруднительно. Монгольское руководство приняло решение вернуться.

Завершив завоевание русских земель, монголы сосредоточили усилия на установлении своей власти. Начались активные контакты русских князей с монгольскими правителями. По вызову или по собственному желанию князья стали ездить в Орду.

В Новгородской четвертой летописи содержится сообщение о том, что Александр Ярославич ездил в Орду уже в 1242 г.⁶ В.В. Каргалов на основе этого известия сделал вывод о поездке Александра к монголам первым из русских князей⁷. Едва ли сообщение Новгородской четвертой летописи соответствует действительности. Ранние летописные известия, а также Житие князя не отмечают факт поездки Александра Невского в Орду в 1242 г. Новгородская первая летопись сообщает об активных военных действиях Александра в Новгородской земле в первой половине 1240-х гг. и относит поездку Александра в Орду к 1246 г.⁸

Первым из русских князей «в татары» ездил отец Александра Ярослав Всеволодович. В 1243 г. Ярослав прибыл к Батью по вызову правителя Золотой Орды и был признан «старейшим» среди всех русских князей⁹. Вслед за Ярославом у Батыя побывали многие другие русские князья.

⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

⁵ Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии русского феодализма. К 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 146–148.

⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 228.

⁷ Каргалов В.В. Указ. соч. М., 1967. С. 138.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 78–79.

⁹ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 470; М., 2001. Т. 2. Стб. 806; Новгородская первая летопись. С. 79.

В 1244 г. в Орду ездили Владимир Константинович, Борис Василькович, Василий Всеволодович¹⁰. В 1245 г. новую власть признал Даниил Романович¹¹. В 1246 г. к Батыю ездил Михаил Всеволодович¹². Александр Невский решил остаться в стороне. Он побывал в Орде уже после кончины своего отца.

В конце 1245 г. Ярослав вновь приехал к Батыю. Ордынский правитель отправил великого князя в столицу Монгольской империи Каракорум для участия в церемонии возведения на великоханский престол Гююка. Здесь Ярослав скончался 30 сентября 1246 г., вероятно, отравленный матерью нового великого хана Туракиной¹³.

По свидетельству францисканского монаха Иоанна де Плано Карпини, посла папы римского Иннокентия IV к великому монгольскому хану, сразу после кончины Ярослава Туракина пожелала видеть Александра Невского: «мать императора ... поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она послала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что, если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену»¹⁴.

В Житии Александра Невского зафиксировано требование, направленное Александру от некоего «восточного царя» приехать к нему¹⁵. Есть основания отождествить это требование с приглашением Туракины¹⁶.

Правительница пообещала новгородскому князю не просто оставить за ним его земли, но передать Александру Ярославичу владения его отца, т.е. великое княжение. Туракина пользовалась большим влиянием при монгольском дворе. После кончины своего супруга, великого хана Угедея, ей удалось удержать власть в своих руках и добиться избрания в августе

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 805–806.

¹² Там же. Стб. 795; Т. 1. Стб. 471.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 77; *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Spoleto, 1989. P. 323.

¹⁴ Путешествия в восточные страны. С. 77–78. Ср.: «<imperator> misit nuntium festinanter in Rusciam ad Alexandrum filium eius ut veniret ad ipsum, quia vellet ei terram patris donare; qui ire voluit, sed remansit. Et medio tempore dabat litteras ut ipse veniret et terram patris sui haberet. Credebatur tamen ab omnibus quod eum occideret si veniret, vel etiam perpetuo captivaret» (*Giovanni di Pian di Carpine*. P. 323).

¹⁵ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 192.

¹⁶ Маслова С.А. Посольство «восточного царя» к Александру Невскому // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 1.

Хождение князя Александра в Орду.
 Миниатюра из Лицевого летописного свода

1246 г. великим ханом Гуюка, вопреки воле Угедая¹⁷. Возможности Туракины позволяли осуществить ее обещание русскому князю. Отказавшись от поездки в Каракорум, Александр Ярославич пренебрег щедрым предложением монгольской правительницы.

На Руси не верили в доброжелательное отношение монгольских властей. Более того, русские люди опасались возможности установления в своих землях непосредственного монгольского управления, без участия русских князей. Это представление отражено в рассказе Плано Карпини о вызове Александра Невского, основанном на информации, полученной францисканцем от русских информаторов¹⁸. Под «вечным пленом» едва ли предполагалось пребывание в заключении. Вероятно, речь шла

¹⁷ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. II. С. 114–119.

¹⁸ Горский А.А. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // «По любви, в правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М., 2014. С. 183–190.

о длительном или даже постоянном пребывании Александра Невского в Монголии. При этом князь был бы вынужден принимать участие в военных действиях монголов. Подобный случай произошел с одним из армянских князей, Джалалом. После монгольского завоевания Закавказья ему вернули его земли, даже с прибытком, но при этом приказали нести воинскую службу в пользу монголов¹⁹. На отказ Александра Ярославича приехать в Каракорум могло повлиять убеждение в причастности Туракины к смерти его отца. Это обстоятельство не способствовало доверию русского князя.

Александр Невский не воспользовался возможностью стать великим князем. Великокняжеский стол в 1247 г. занял младший брат Ярослава Всеволодовича Святослав, а сыновья Ярослава получили владения согласно воле их отца: «Святославъ князь сынъ Всеволожь сѣде в Володимери на стол отца своего, а сыновци свои посади по городом, яко же бѣ имъ отецъ оурядиль Ярославъ»²⁰. Вероятно, и Святослав занял великокняжеский стол по завещанию своего брата. Сложившееся положение не устроило младшего брата Александра Андрея. В конце 1247 г. он отправился к Батю, следом за ним к ордынскому правителю поехал Александр²¹.

Основанием пересмотра столов могло стать ханское пожалование Ярославу. Святослав, получив великокняжеский престол, предпочел обойтись без визита к монголам и таким образом ослабил свои позиции. Батый, встретив князей, отправил их в Каракорум. В этой ситуации поездки в столицу Монгольской империи Александру избежать не удалось. В это время Туракины уже не было в живых. Спустя 2–3 месяца после восшествия на престол Гуюка она скончалась²². Летом 1248 г. в окрестностях Самарканда умер Гуюк. Власть в Каракоруме перешла к вдове великого хана Огул-Гаймыш²³. В 1249 г. она передала «Кыевъ и всю Русьскую землю» Александру, Андрей получил Владимир²⁴.

Результаты поездки в Каракорум для Александра можно считать не слишком удачными. Хотя он и получил назначение великим князем, владимирское, а фактически великое, княжение отошло его брату. Несмотря на не слишком удачный для Александра Невского исход поездки, в решении ханши не прослеживается желание умалить роль Александра

¹⁹ *Киракос Гандзакецци*. История Армении. М., 1976. С. 170–171.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

²¹ Там же.

²² *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 117.

²³ Там же. С. 121.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

Монета, отчеканенная на Кавказе во время правления Туракины-хатун, с ее именем на аверсе

на Руси. Она действовала согласно нормам монгольского права. По монгольской традиции земли отца наследовал младший сын, титул доставался старшему сыну. Понятным для себя и всех монголов образом она распустила явившихся к ней Ярославичей. Александр получил титул великого князя, Андрей — вотчину отца.

Князья вернулись на Русь в конце 1249 г. Таким образом, первая поездка Александра Невского в Монголию продолжалась два года. По возвращении Александр Невский отправился не в дарованный ему Киев, а в Новгород. Спорить с Андреем о Владимирском княжении он не стал.

Во второй раз Александр Невский ездил «в татары» в 1252 г. В это время владимирский князь Андрей продемонстрировал открытое неповиновение монгольским властям, отказавшись «цесарям служить». Батый отправил против него рать во главе с Неврюем. Князь бежал в Переяславль. Монголы подошли к городу, убили жену переяславского князя Ярослава, его детей и множество других людей взяли в плен. Князьям Андрею и Ярославу удалось бежать. После ухода монгольской рати Александр вернулся из Орды и сел во Владимире. Подтвердив старейшинство Александра, Батый отпустил его «с честью великою»²⁵.

Причиной поездки Александра в Орду в 1252 г. иногда называют жалобу Александра Ярославича на своего брата Андрея. Следствием этой жалобы стал поход Неврюя²⁶. Однако в источниках све-

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 327–328; *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192.

²⁶ *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 145–146; *Феннел Дж.* Указ. соч. М., 1989. С. 147–149; *Егоров В.Л.* Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 50–51.

дения о жалобе Александра Невского отсутствуют. О ней упоминает только В.Н. Татищев, но это упоминание является догадкой исследователя²⁷.

Поход Неврюя был запланированной акцией, направленной против не подчиняющегося ему князя. Андрей Ярославич сразу после возвращения в 1249 г. из Монголии стал вести независимую от Батые политику. В 1250 г. он вступил в союз с галицким князем Даниилом Романовичем, женившись на его дочери²⁸. Даниил в это время не признавал власть Орды. Основанием действий владимирского князя служил ярлык, полученный им в Каракоруме от враждебной Батые ханши Огул-Гаймыш. В 1251 г. великим ханом стал ставленник Батые Менгу (Мунке). Укрепив свои позиции, Батый в 1252 г. направил карательные экспедиции против Андрея Ярославича, а также Даниила Романовича²⁹.

Возможный «донос» Александра на антимоногольскую направленность действий владимирского князя представляется маловероятным. Политика неподчинения Андрея Батые продолжалась более двух лет. Несомненно, правитель Орды был в курсе действий владимирского князя и узнал о них еще до визита Александра Невского. Вероятно, Батый, заручившись поддержкой Менгу, пожелал пересмотреть итоги распределения главных русских столов, совершенного в 1249 г. враждебным ему правительством Огул-Гаймыш. Он вызвал к себе Андрея и Александра. Александр принял решение подчиниться, Андрей, напротив, уклонился от выполнения воли ордынского правителя. В итоге Андрей потерял свои владения. Права на владимирское княжение приобрел Александр³⁰. Таким образом князю удалось сконцентрировать власть в своих руках. Во власти Александра Ярославича оказался Киев, формальный главный стол русских земель, и Владимир — фактический политический центр. Резиденцией князя стал Владимир.

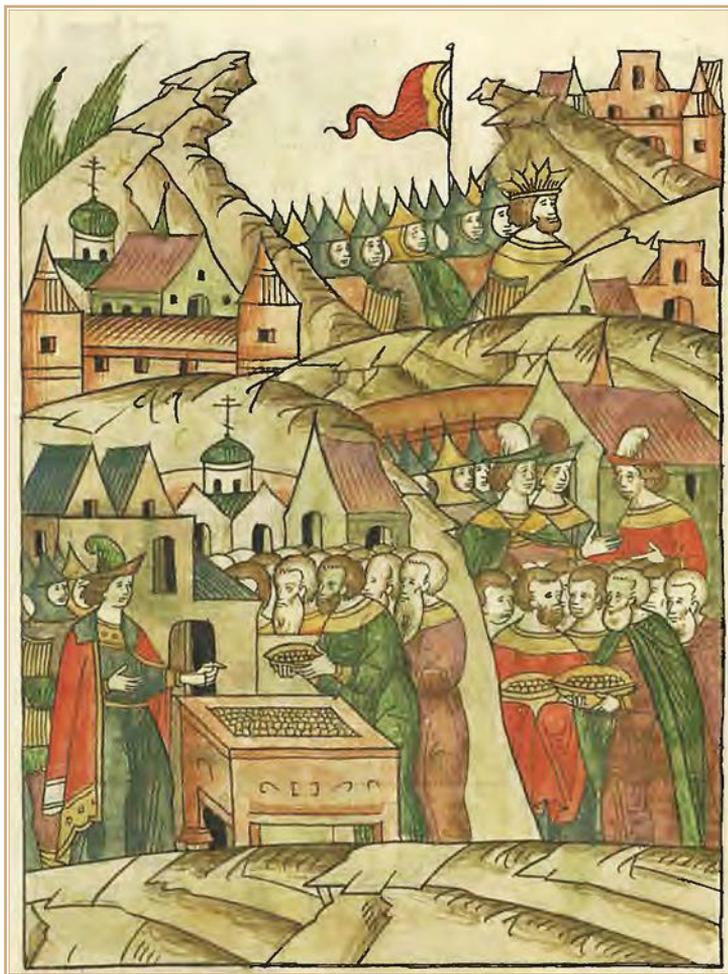
Взаимоотношения с Батые продемонстрировали уважительное отношение Александра к ордынским правителям. В дальнейшем князь не отступал от выбранной линии поведения с ордынскими властями. В 1256 г. правителем улуса Джучи (Золотой Орды) стал Улагчи. Александр отправился почтить нового правителя, но, не доехав до его ставки, был

²⁷ Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 219–220.

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473; М., 2001. Т. 2. Стб. 829.

³⁰ Горский А.А. Русь: От славянского Расселения... С. 221–222.

Татары собирают дань после переписи.
 Миниатюра из Лицевого летописного свода

вынужден вернуться. В.Л. Егоров увидел некую демонстративность в действиях Александра, не пожелавшего представляться малолетнему правителю³¹. Однако решение князя вернуться имело объективные причины. Из Новгорода пришла весть о строительстве шведами крепости Копорье на берегу Финского залива. Александр вернулся, чтобы дать отпор. В Орду с дарами от Александра явился ростовский князь Борис Василькович³². Кроме того, Александр Ярославич все-таки приехал к Улагчи. Его поездка состоялась в следующем, 1257 г. Александра сопровождали Андрей Ярославич и Борис Василькович³³.

³¹ Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды. С. 53.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474; Новгородская первая летопись. С. 81.

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.

Зимой 1257/58 г. в рамках общеимперских мероприятий, санкционированных великим ханом Менгу, состоялась перепись на Северо-Востоке Руси (в землях Суздальской, Рязанской и Муромской): «тое же зимы приехаша численици исцетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники и идоша в Ворду толико не чтоша игуменовъ чернецовъ поповъ крилошанъ кто зреть на святую Богородицю и на владыку»³⁴. Перепись прошла с целью упорядочения системы сбора налогов в пользу монгольских правителей. Александр не воспротивился проведению мероприятия. Более того, он оказал поддержку монгольским послам, явившимся в Новгород в 1257 г. требовать «десятины тамгы». Монголы предложили городу признать власть кочевников и выплатить им налог с городского населения, тамгу, в размере десятины³⁵. Город, избежавший разорения монгольскими войсками, платить завоевателям не захотел. В Новгороде начался мятеж, поддержанный сыном Александра Василием, исполнявшим обязанности наместника в Новгородской земле. В результате монгольские послы не пострадали, но и требуемые подати не получили. Новгородцы ограничились дарами. Александр расправился с мятежниками: Василий был изгнан из Пскова, куда бежал из Новгорода, и выслан в «Низъ», Суздальскую землю, его дружине «овому носа урезаша, а иному очи выимаша»³⁶.

В 1258 г. Александр вместе с братьями Андреем и Ярославом, а также Борисом Васильковичем совершил еще одну поездку в Орду³⁷. Вероятная цель поездки — почтить вступившего на престол Берке.

Зимой 1259/60 г. при поддержке Александра Невского прошла монгольская перепись в Новгороде. Сначала в городе распространился слух о стоящем в Суздальской земле войске, готовом выступить на Новгород в случае неповиновения. Новгородцы поверили слухам и подчинились. В ходе мероприятия в городе возник «мятежь великъ». Монгольские чиновники испугались расправы и обратились за помощью к Александру Невскому. Вмешательство князя позволило завершить перепись: «И почаша ездити оканънии по улицамъ, пишюче дома хри-

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474–475.

³⁵ Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). М., 2014. С. 72–73.

³⁶ Новгородская первая летопись. С. 82.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475.

стьяньскыя ... и отъехаша оканьнии, вземше число»³⁸. По окончании мероприятия Александр покинул город, назначив наместником своего второго сына Дмитрия.

В 1261 г. в Сарае была учреждена православная епископия. Сарайским епископом по воле митрополита Кирилла стал Митрофан³⁹. Источники не упоминают участие в этом событии Александра Ярославича. Однако подобное событие едва ли могло обойтись без участия великого князя. Вероятно, появление епископии в столице Золотой Орды стало возможным благодаря дипломатическим усилиям Александра Невского и в целом его политике лояльности монгольским властям.

В 1262 г. в нескольких городах Северо-Восточной Руси, Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле, вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани — откупщиков: «Избави Бог от лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовскія земля вложи ярость въ сердца крестьяномъ не терпяще насилья поганыхъ изволиша вѣчь и выгнаша из городовъ из Ростова изъ Володимеря ис Суждаля из Ярославля окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть роботяще рѣзы и многы души крестьяньскыя раздно ведоша видѣвши же человеколюбецъ Бъг послуша моления Матерня избави люди своя от великыя бѣды томъжъ лѣтѣ»⁴⁰.

Согласно сведениям поздней, составленной в XVI в., Устюжской летописи, откупщиков изгнали также из Устюга. Летопись сообщает об организационной роли Александра Невского в городском восстании: «И прииде на Устюг грамота от великого князя Александра Ярославича, что тотар побивати»⁴¹. На основе этого известия некоторые исследователи сделали вывод о причастности Александра к городским восстаниям 1262 г. Ученые отмечают факт одновременного выступления нескольких городов, что предполагает согласованность действий, а также наличие смуты в империи, благодаря которой Русь могла избежать карательных мер⁴².

³⁸ Новгородская первая летопись. С. 82–83.

³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

⁴⁰ Там же. Стб. 476.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 30.

⁴² Насонов А.Н. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2006. С. 255–256; Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 23; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. СПб., 2003. С. 212–213.

Откупщики, изгнанные из русских городов, собирали дань в пользу Монгольской империи. На это обстоятельство указывает отсутствие санкций со стороны Золотой Орды. Первая половина 60-х гг. XIII в. — время правления в Золотой Орде Берке. В это время улус Джучи стремился к независимости от империи. В центре империи в начале 1260-х гг. шла борьба за власть между Хубилаем и Арикбугой. Активную роль в этом процессе играл Берке, поддерживая то одного, то другого претендента на верховную власть. Городские восстания на Руси, направленные против представителей центральной администрации, ордынский правитель мог оставить без ответа.

Возможное участие в городских восстаниях Александра Невского вызывает сомнение. Оно не согласуется с его осторожной политикой непротивления действиям монгольских властей. Александр принял факт проведения на Руси переписей, которые упорядочили систему сбора дани. В Новгороде он даже способствовал установлению монгольских порядков. В этих обстоятельствах его призыв к активному сопротивлению монгольским должностным лицам кажется маловероятным. Подобные действия могли повлечь за собой серьезные последствия для русских земель. Александру были известны обстоятельства похода Неврюя, наказавшего Андрея Ярославича за неповиновение монголам. Несмотря на напряженные отношения между Сараем и Каракорумом и смуту в столице империи быть уверенным в отсутствии ответных мер со стороны монголов князь не мог.

В том же 1262 г. Александр Невский снова отправился в Орду. А.Н. Насонов убедительно обосновал тезис о том, что поездка Александра имела причиной не избиение откупщиков, а происходивший в то время на Руси воинский набор⁴³. В это время Берке затеял войну против иранского правителя Хулагу. Ордынский правитель потребовал с Руси войска. Александру, очевидно, удалось уговорить Берке не использовать в предстоящем походе русские полки. Сведений об участии Руси в военных действиях против Хулагу нет. Александр был вынужден задержаться в Орде: «удержа и Берка, не пустя в Русь»⁴⁴. Поездка Александра Невского в степи продолжалась почти год. На обратном пути на Русь осенью 1263 г. великий князь разболелся и скончался в Городце⁴⁵.

⁴³ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 256.

⁴⁴ Новгородская первая летопись. С. 83.

⁴⁵ Новгородская первая летопись. С. 83–84; Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 193–194.

В целом Александр Невский придерживался сдержанной политики по отношению к монголам. При этом отношение князя к указаниям центрального правительства Монгольской империи несколько отличалось от его отношения к воле правителей Золотой Орды. Александр проигнорировал сулящее ему выгоды повеление Туракины явиться в Каракорум. Он был вынужден отправиться в столицу империи по прямому указанию Батыея. В дальнейшем князь предпочитал не появляться при дворе великих ханов. Если вызов центрального монгольского правительства Александр оставил без внимания, то приказ явиться в Орду, исходящий от Батыея, князь выполнил. В отличие от своего брата, Александр не пренебрег вызовом Батыея в 1252 г.

После кончины Батыея Александр ездил на представление следующих правителей улуса Джучи — Улагчи и Берке. Первую поездку к Улагчи в 1256 г. Александр был вынужден прервать и передать дары новому правителю через другого князя. Однако на следующий год Александр Ярославич лично почтил Улагчи. На интронизации великого хана Менгу Александр, находящийся в статусе великого князя, не присутствовал.

Александр Невский осознавал возможную опасность Монгольской империи. Во второй половине XIII в. монголы были достаточно сильны и имели возможность наказывать подчиненных им князей за неповиновение. Стремясь снизить возможные разрушительные действия завоевателей, Александр не препятствовал и даже способствовал упорядочиванию монгольской системы налогообложения в русских землях посредством проведения переписей. Его поддержка во многом обеспечила успешное завершение переписных мероприятий на Руси.

Действия Александра Невского нельзя связать с установлением системы монгольского господства в русских землях. Она в целом сложилась в 1240-е гг. Во время княжения Александра Ярославича произошло только упорядочение системы сбора податей. Последовательную политику Александра непротивления действиям монгольских властей на Руси нарушает возможное участие князя в организации городских восстаний 1262 г., однако реальность подобных действий Александра вызывает сомнение.

Александр Ярославич не стремился использовать возможности монгольской власти в своих личных интересах. Он отказался от предложения стать великим князем сразу после кончины своего отца. Александр не воспротивился законному утверждению на великом столе своего дяди. Очевидно, его не устроило нарушение старшинства, спровоцированное

младшим братом Андреем. Только вслед за Андреем Александр решился на поездку в Орду.

Политическое взаимодействие русских земель с монголами определяли победители. Русские князья могли только выбрать тактику ответного поведения. Александр стремился установить мирный характер отношений с монголами. Он признавал сюзеренитет великого хана и ордынских правителей. Его действия не определяются рабской покорностью или подчеркнутой независимостью от политики монгольских властей. Восточную политику Александра Невского можно назвать прагматичной. Характер действий Александра оптимально соответствовал сложившимся обстоятельствам.

REFERENCES

1. *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989. 522 p.
2. *Begunov Yu.K.* Monument of Russian literature of the XIII century «The Word about the death of the Russian land» [Pamyatnik russkoy literatury XIII veka «Slovo o pogibeli Russkoy zemli»]. Moscow; Leningrad, 1965. 231 p.
3. *Gorskiy A.A.* On the circumstances of the death of Grand Prince Yaroslav Vsevolodich [Ob obstoyatel'stvakh gibeli velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodicha] // «Po lyubvi, v pravdu, bezo vsyakiye khitrosti». Druz'ya i kollegi k 80-letiyu Vladimira Andreevicha Kuchkina. Sbornik statey. M., 2014. P. 179–190.
4. *Gorskiy A.A.* Russia: From Slavic Settlement to Muscovy [Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo tsarstva]. Moscow, 2004. 368 p.
5. *Gorskiy A.A.* The assertion of the power of the Mongol Empire over Russia: regional features [Utverzhdenie vlasti Mongol'skoy imperii nad Rus'yu: regional'nye osobennosti] // Istoricheskiy vestnik. T. 10 (157). Moscow, 2014. P. 58–79.
6. *Gumilev L.N.* Ancient Russia and the Great Steppe [Drevnyaya Rus' i Velikaya Step']. Moscow, 1989. 766 p.
7. *Egorov V.L.* Alexander Nevsky and the Golden Horde [Aleksandr Nevskiy i Zolotaya Orda] // Aleksandr Nevskiy i istoriya Rossii. Novgorod, 1996. P. 42–63.
8. *Egorov V.L.* Alexander Nevsky and Chingizids [Aleksandr Nevskiy i Chingizidy] // Otechestvennaya istoriya. 1997. № 2. P. 48–58.
9. *Kargalov V.V.* Foreign policy factors in the development of feudal Russia [Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi]. Moscow, 1967. 263 p.
10. *Kirakos Gandzaketsi*. History of Armenia [Istoriya Armenii]. Moscow, 1976. 357 p.
11. *Kostomarov N.I.* Russian history in the biographies of its main figures [Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh eya glavneyshikh deyateley]. Vol. 1. St. Petersburg, 1896. 406 s.
12. *Krivosheev Ju.V.* Russia and the Mongols: a study on the history of North-Eastern Russia in the XII–XIII centuries [Rus' i mongoly: issledovanie po istorii Severo-Vostochnoy Rusi XII–XIII vv.] St. Petersburg, 2003. 468 p.

13. *Kuchkin V.A.* Alexander Nevsky — statesman and commander of medieval Rus-sia [Aleksandr Nevskiy — gosudarstvennyy deyatel' i polkovodets sredne-vekovoy Rusi] // Aleksandr Nevskiy i istoriya Rossii. Novgorod, 1996. P. 3–28.
14. *Maslova S.A.* Embassy of the «Eastern Tsar» to Alexander Nevsky [Posol'stvo «vostochnogo tsarya» k Aleksandru Nevskomu] // Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. 2019. № 1. P. 75–79.
15. *Nasonov A.N.* Mongols and Russia: History of Tatar Politics in Russia [Mongoly i Rus': Istoriya tatarskoy politiki na Rusi]. St. Petersburg, 2006. 412 p.
16. Novgorod First Chronicle of the Elder and the Junior redactions [Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov]. Moscow; Leningrad, 1950. 568 p.
17. Full collection of Russian chronicles [Polnoe sobranie russkikh letopisey]. Vol. 1. Moscow, 1997. 733 p.
18. Full collection of Russian chronicles [Polnoe sobranie russkikh letopisey]. Vol. 2. Moscow, 2001. 938 p.
19. Full collection of Russian chronicles [Polnoe sobranie russkikh letopisey]. Vol. 4. P. 1. Is.1. Petrograd, 1915. 320 p.
20. Full collection of Russian chronicles [Polnoe sobranie russkikh letopisey]. Vol. 6. Is. 1. Moscow, 2000. 312 p.
21. Full collection of Russian chronicles [Polnoe sobranie russkikh letopisey]. Vol. 37. Leningrad, 1982. 227 p.
22. Travel to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruk [Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka]. Moscow, 1957. 270 p.
23. Rashid-ad-din. Collection of chronicles [Sbornik letopisey]. Vol. II. Moscow; Leningrad, 1960. 253 p.
24. *Fennel J.* The Crisis of Medieval Russia. 1200–1304 [Krizis srednevekovoy Rusi. 1200–1304]. Moscow, 1989. 291 p.
25. *Yanin V.L.* To the chronology and topography of the Horde campaign against Novgorod in 1238 [K khronologii i topografii ordynskogo pokhoda na Novgorod v 1238 g.] // Issledovaniya po istorii i istoriografii russkogo feodalizma. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika B.D. Grekova. Moscow, 1982. P. 146–158.

Ключевые слова:

Александр Ярославич Невский, Андрей Ярославич, Батый, Золотая Орда,
Монгольская империя, Русь.

Svetlana A. Maslova

FURTHER TO THE EASTERN POLICY OF ALEXANDER NEVSKY

The article considers the «Eastern» policy of Alexander Yaroslavich Nevsky: his relationship with the Mongols. The author presents in detail the sourced information on the contacts between the Russian Prince and representatives of the Mongol authorities, offering her own interpretation of the events. Alexander Yaroslavich would often engage with the Mongols. Quite often by necessity though, not by choice. The study aims to estimate the nature of Alexander Nevsky's policy towards the invaders. Having analyzed the sources, the author concludes that the Russian prince attempted to make peace with the invaders. Alexander Nevsky was realistic about the potential of the Mongols and the Russians. He maintained the strategy of nonresistance to the Mongol authorities. However, we cannot associate the establishment of Mongol rule with Alexander Nevsky's actions. During his reign, only the taxation arrangement took place. Generally, Prince Alexander's relations with the East were strictly pragmatic in compliance with the Russian historical environment of the second half of the 13th century.

Keywords: Alexander Yaroslavich Nevsky, Andrey II Yaroslavich, Batu Khan, Golden Horde, Mongol Empire, Rus'.

Svetlana A. Maslova — Ph.D., Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

 Маслова Светлана Алексеевна

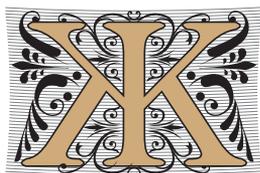
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института российской истории РАН

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.003

Е.А. Конявская

О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Житие Александра Невского наряду с материалом ранних летописей является важнейшим источником информации об Александре Ярославиче Невском. Интересно оно и с точки зрения созданного его современником образа прославленного князя.

При всем стремлении автора облечь свое повествование в правильную форму жития в памятнике присутствует взгляд современника, для которого жизнь и подвизания Александра связаны с его собственной жизнью и попыткой осознания событий совсем недавнего прошлого, в которых герой его произведения играл главенствующую роль.

Житие Александра Невского было создано в ближайшие годы после смерти Александра Ярославича. Ю.К. Бегунов определил редакции Жития и выделил списки Первоначальной редакции, где в качестве предводителя похода на Юрьев 1262 г. указан сын Александра Дмитрий. Исследователь справедливо классифицировал эту версию как отражающую наиболее ранний вид памятника, поскольку именно Дмитрия Александр видел своим преемником¹. Первым называется Дмитрий Александрович в пере-

¹ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 16–21.

Житие Александра Невского. Издание 1866 г.

числе князей—участников похода и в наиболее ранних летописях, содержащих соответствующее известие: Новгородской I летописи старшего извода, Рогожском летописце. Но есть версия Жития, где вместо имени сына Александра Дмитрия в повествование о походе вписано имя Ярослава Ярославича, младшего брата Александра. Ю.К. Бегунов справедливо посчитал эту версию более поздней редакцией Жития, однако ученый счел, что Житие изначально было составлено в начале 80-х гг. XIII в.

Существенные уточнения в историю создания и развития памятника внес В.А. Кучкин, который показал, что к моменту смерти Ярослава Ярославича (1271 г.) уже существовали два вида Первоначальной (Первой) редакции памятника. Очевидно, что имя Ярослава вписывается вместо Дмитрия в период его великого княжения. Великим князем Владимирским и Новгородским он стал в 1265 г.² Таким образом, Первый вид Жития должен был быть написан до этого года, что дает возможность датировать его 1263–1265 гг.³ Столь быстрому установлению почитания и написания

² Конявская Е.Л. Политика тверских Рюриковичей в период становления Тверского княжества // У истоков Российского государства. Тверь, 2015. С. 12–14.

³ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 36–39.

Жития способствовали как огромная популярность князя, так и случившееся в присутствии многих свидетелей чудо перед его погребением.

Житие Александра Невского повествует о жизни князя с молодых лет — княжения в Новгороде. Во вступительной части, согласно агиографической традиции, автор говорит о родителях Александра — великом князе Ярославе Всеволодовиче и его супруге Феодосии (славянское имя ее — Ростислава). Ярослава Всеволодовича автор характеризует как «кротка» «милостилубца» и «мужелубца» (имеются в виду его благоволение к служебной знати, благородным «мужам»). Здесь же дается хвалебная характеристика Александра. Тенденция этой похвалы выглядит вполне определенной — Александр предстает как некий сверхчеловек: «взоръ его паче инѣх человекъ, и глас его — аки труба в народѣ»⁴. Автор подчеркивает красоту князя — сравнивая с Иосифом Прекрасным, силу — уподобляя Самсону, храбрость — Веспасиану. Такие внешние, физические характеристики подвижника встречаются в агиографических текстах не часто. Довольна близка система уподоблений у Даниила Заточника: «Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову»⁵. Но это памятник иной жанровой природы. Правомерно сравнить такое идеализирующее описание князя с «портретным» заключением Сказания о Борисе и Глебе («О Борисѣ, какъ бѣ възъръм»). Характеристика Бориса не построена на уподоблениях библейским и историческим персонажам, она включает черты его добронравия («послушьливъ отъцю») и добродетели княжеские («в ратьхъ хръбрь», «въ съвѣтѣхъ мудръ и разумнь при вьсемь»⁶). Все остальные положительные характеристики Бориса касаются его молодости, внешней красоты и совершенства, однако без какой-либо гиперболизации и подчеркивания его превосходства над другими людьми. Так, если Борис «высок», то об Александре сказано: «взоръ его паче инѣх человекъ», а далее повествуется, что рыцарь немецкого ордена меченосцев Андреяш приходит в Новгород «хотя видѣти дивный възрасть его»⁷. При этом проводится несколько неожиданная параллель:

⁴ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 160.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси: XII век. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 282.

⁶ Библиотека литературы Древней Руси: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 350.

⁷ Хотя на самом деле у Андреаса фон Вельвена цель была гораздо более понятная и прагматичная: он искал союзников против Литвы (см.: Кучкин В.А. Александр Невский — правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 111–112).

«яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрости его»⁸ (в предшествующей похвальной характеристике князя «премудрость Соломония» также была отмечена). Сам Андреяш высказывается в том же ключе: «Прошед страны, языкъ, не видѣх такового ни въ царех царя, ни въ князехъ князя»⁹. Наконец, подобные же слова скажет потом Батый.

Однако подчеркивание внешних достоинств князя, выделяющих его из прочих, приобретает иной смысл, если вспомнить, что рассматриваемая характеристика предваряется цитированием Исайи-пророка: «Тако глаголетъ Господь: “Князя¹⁰ азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожаю я”». То есть князь Александр избран Богом для водительства народа, и его особый облик есть, можно сказать, Божественное указание: «Воистинну бо без Божия повелѣния не бѣ княжение его».¹¹

В Житии Александра Невского опущены события детского и отроческого периода жизни Александра, о новгородских эпизодах которых подробно рассказывается в Новгородской I летописи¹². Так, под 1228 г. новгородский летописец сообщает, что Ярослав Всеволодович с супругой уезжает из Новгорода в Переяславль, оставив там старших сыновей Федора и Александра как своих представителей. Малолетние дети — пусть и под присмотром боярина Федора Даниловича и тиуна Якима — оказались в напряженной обстановке: в Новгороде вскоре начались волнения. Феодор и Александр вместе с боярином Федором были вынуждены бежать из города. В декабре 1230 г. новгородцы в поисках для себя князя вновь общаются к Ярославу Всеволодовичу, а он вновь сажает в Новгороде Федора и Александра, сам то наезжая в Новгород, то возвращаясь в Переяславль. Но теперь на смену мятежам пришел страшнейший голод, который сопровождался грабежами

⁸ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 161. При всей убедительности аналогии, приведенной В.Л. Комаровичем относительно сходного визита, описанного в Девгениевом деянии (*Комарович В.Л. Повесть об Александре Невском // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. С. 53*), нужно отдать предпочтение трактовке самого автора произведения (Соломон и царица Южская).

⁹ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 162.

¹⁰ В остальных списках точнее: «князи».

¹¹ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 162.

¹² См. об этом подробнее: *Конявская Е.Л. Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 55–57.*

и людоедством. Все эти испытания, выпавшие на долю совсем юного Александра, в Житии не упомянуты. Возможно, агиограф счел, что они не сочетаются с героическим образом князя, который выходил победителем из всех сложных ситуаций.

Не сказано в Житии и о женитьбе князя, о которой мы знаем из той же летописи¹³. Автор спешит перейти к воинским и дипломатическим деяниям своего героя, составившим его славу.

Первая победа Александра в Житии — это Невская битва. О приходе шведов в русские земли говорится в традиционных формулах воинских повестей: король идет «в силе тяжце, пыхая духом ратным», «шатаясь безумием», посылает послов объявить о своем приходе: «Аще можеша противитися мнѣ, то се есмь уже зде, плѣняя землю твою»¹⁴. По информации летописей, шведы отнюдь не стремились известить Александра о своих акциях. Автор намеренно представляет дело иначе, чтобы показать агрессивные намерения и самоуверенность короля. В противоположность образу врага действия русского князя представляются как вынужденные. Князь апеллирует к Божественному установлению, согласно которому каждому народу положен «предел» (границы), и никто не должен «преступить» «в чужую часть». Он идет в храм, затем получает благословение у архиепископа, наконец, говорит знаменитые слова: «Не в силах Богъ, но въ правдѣ» — и «в мале дружине» выступает против неприятеля. Так рисуется образ нравственного правителя, идущего на военные акции лишь в ответ на внешнюю агрессию.

Дальнейшее описание событий содержит важную информацию. Повествователь сообщает, что Ярослав Всеволодович не знал о шведской экспансии, а Александр не успел послать к нему за помощью, не смогли присоединиться к нему и значительные силы новгородцев. Указывается совпадающая с летописной дата битвы (15 июля на память свв. Кирика и Улиты), а также час начала битвы (6 час.), которого нет в летописи. 6-й час мог быть и реальным временем начала битвы (в данное время года и в Новгородской земле — 8 час. 35 мин.¹⁵). Но не исключено, что

¹³ ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (далее — НПЛ). С. 77.

¹⁴ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 162.

¹⁵ Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 26. Примеч. 46.

6-й час здесь число символическое¹⁶. С 6-м часом ассоциировался некий поворотный момент (ср. схождение тьмы в шестом часу после распятия Христа)¹⁷.

В Житии передается легенда о чудесной помощи свв. Бориса и Глеба, видение которых было дано старейшине Ижорской земли Пелгусию. Сам же Александр геройствует подобно древним великим царям и полководцам: по словам автора, он лично врагов «изби множество бесчисленно» и самому королю «възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ»¹⁸. Под стать его геройству подвиги шести храбрых мужей. Этот сюжет завершается рассказом о чудесной помощи ангела Божия, который побил вражескую силу там, где «бѣ непроходно полку Александрову». Причем сам автор не скрывает сюжетного образца — библейской истории о спасении Иудеи от ассирийского царя Сеннахирима во времена правления Езекии (4-я Книга Царств). Из похода Александр «возвратися с побѣдою»¹⁹, резюмирует автор.

Агиограф умалчивает о последовавшем занятии немцами Пскова (об этом он скажет позже), об отъезде князя из Новгорода, а лишь туманно сообщает, что некие враги пришли «от Западные страны» и построили «град» (крепость Копорье). Он подчеркивает, что враги действуют «въ отечествѣ Александровѣ». Неправым действиям немцев противопоставляется благородство русского князя как победителя, который «изверже град их из основания, а самых извѣша и овѣх с собою поведе, а инѣхъ, помиловавъ, отпусти: бѣ бо милостивѣ паче мѣры»²⁰. Нужно отметить, что в Новгородской летописи о побежденных врагах сказано более конкретно: вместо «самых», «овѣх» и «иных» говорится: «Нѣмци приведе в Новгородъ, а инѣхъ пусти по своеи воли; а Вожанъ и Чюдю перевѣтники извѣша»²¹. То есть Александр частично взял в плен, а частично отпустил врагов — немцев, а представителей воды и чуди, которых считал изменниками, казнил.

¹⁶ Характерно, что подвиги в битве совершают «6 мужь храбрых», что В.П. Мансиккой убедительно трактуется как влияние сходного эпизода из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

¹⁷ См. об этом: Кириллин В.М. Четверичность как индекс таинственного содержания «Сказания о Мамаевом побоище» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 30–31, 40. Могут быть приведены и другие библейские аналогии.

¹⁸ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 166.

¹⁹ Там же. С. 168.

²⁰ Там же. С. 169.

²¹ НПЛ. С. 78.

Лишь после этого в Житии говорится: «Уже бо бяше град Псков взят, а намѣстники от Немець посажени». И тут автор пишет, что князь Александр «вскорѣ» освободил Псков, немцев пленил, а землю и «повоева и пожже». Далее агиограф переходит к подробному рассказу о Чудском сражении. Называется время начала сражения (в субботу «всъходящую солнцю»). Картина боя, видимо, рисуется по воспоминаниям участника или очевидца событий: «звукъ от сечения мечнаго» создает впечатление, что озеро замерзшее «двигнулось», «и не бѣ видѣти лѣду, покры бо ся кровию»²². Как и перед Невской битвой, Александр обращается к Богу, дабы получить помощь против «языка непреподобна». Молитва Александра не осталась не услышанной: русским полкам вновь помогали ангельские войска.

В начале своего сочинения автор формулирует афористичный тезис: «побѣжая, а непобѣдим»²³. Здесь эта мысль снова подчеркивается: «И не обрѣтесе противникъ ему въ брани никогда же». Тот, кто замышляет его пленить, оказывается в его руках: «А иже рече: “Имемь Александра руками”, сего дасть ему Богъ в руцѣ его»²⁴.

В Пскове его встречают как избавителя духовенство и народ, а слава о нем разносится до Египта, Араратских гор, Варяжского моря и Рима.

Рассказ о победе Александра Ярославича в 1245 г. над Литвой, которая напала на принадлежавшие новгородцам земли Торжка и Бежецкого Верха, казалось бы, представляет его успехи в явно гиперболическом свете: единым выездом он «изби 7 ратий». Однако примерно такую же картину полного разгрома литовских сил дает и Новгородская I летопись старшего извода. Здесь, правда, говорится не о 7 ратях, а о княжичах, которые спасались от погони Александра и новгородцев в Торопце. Их Александр настиг и «исъче или боле 8», а затем уже без новгородцев, которые почему-то вернулись назад («въспятиша»), гнался за оставшимися только «съ своимъ дворомъ, и би я подь Зижьчемь, и не упусти ихъ ни мужа, и ту изби избытокъ княжичь»²⁵.

Вторая половина Жития посвящена деятельности Александра Ярославича как правителя Северо-Восточной Руси и дипломата.

²² Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 171.

²³ Там же. 161.

²⁴ Там же. С. 171–172.

²⁵ НПЛ. С. 79.

Вызов Александра в Орду под пером автора памятника выглядит как явная угроза: «Аще хощеши съблести землю свою...» Когда же Батый видит Александра, из его уст вырывается все то же восхищение: «Истинну ми сказасте, яко нѣсть подобна сему князя»²⁶.

Автор представляет впечатляющую картину въезда Александра Невского во Владимир: он приходит на стол умершего отца «в силѣ велицѣ... и бысть грозень приездъ его»²⁷.

После Неврюевой рати, которая случилась из-за гнева Батыея на Андрея Ярославича, великий князь восстанавливает города, строит церкви, возвращает людей в их дома. Как подобает идеальному правителю, он праведный судья и защитник сирот и вдовиц, «милостилубецъ, блажь домочадцѣмъ своимъ»²⁸, принимает людей из других земель. Поэтому ему дается благоволение Божие: земля его расцветает «богатствомъ и славою».

Западные страны пытаются получить его в союзники, предлагают перейти в католичество. Однако согласно Житию папские послы получают от Александра решительную отповедь, где он демонстрирует свою книжность и незаурядные знания мировой истории: «От Адама до потопа, от патопа до разделения языкъ, от разъмѣшения языкъ до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Исраила сквозе море, от исхода сыновъ Исраилевъ до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломоня до Августа и до Христова рожества, от рожества Христова до страсти и воскресения, от въскресения же Его и на небеса възшествия и до царства Константинова, от начала царства Костянтинова до перваго збора и седмаго — сии вся добрѣ съвѣдаемъ, а от вас учения не приемлемъ»²⁹. Автор влагает в уста Александра Ярославича достаточно распространенный в древнерусской книжности текст историко-хронологических выкладок, почерпнутый из Хроники Георгия Амартола, «Летописца вскоре» патриарха Никифора и других Малых хроник. В речи Александра, однако, он в соответствии с сюжетом эпизода идет без числа лет³⁰.

²⁶ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 174.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 175.

²⁹ Там же. С. 176.

³⁰ Коляевская Е.Л. Хронологические вехи и расчеты в древнерусских летописях и актах // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика Л.В. Милова. М., 2015. С. 133–138.

С татарами Александр Ярославич договаривается о неучастии русских войск в их военных кампаниях, выкупает на собственные средства русских пленных. Но из своей последней поездки к хану князь не возвращается на Владимирский стол: «доиде Новагорода Нижняго, и ту пребывъ мало здрав, и, дошед Городца, разболѣся»³¹.

Исключительно эмоционально пишет агиограф о переживаемом им горе. Причем его собственные чувства служат как бы преамбулой к рассказу и описанию преставления князя и его похорон: «О, горѣ тобѣ, бѣднѣй человекѣ! Како можеша написати кончину господина своего! Како не упадета ти зѣници вкупѣ с слезами! Како же не урвется сердце твое от корения! ...аще бы лѣзъ, и въ гробъ бы лѣзлъ с ним!»³² Лишь после этих восклицаний говорится, что князь преставился 14 ноября на память апостола Филиппа. О смерти Александра Ярославича всему владимирскому народу сообщает митрополит Кирилл, облекая известие в яркий образ: «Уже заиде солнце земли Суздальской!» Слышавшие же это отвечают: «Уже погыбаемъ!» — видимо, страшась своего будущего без защиты не знавшего поражений князя. Автор передает в подробностях встречу тела Александра в Боголюбове, прощание с ним народа с «воплем и кричанием» и погребение его во владимирском Рождественском монастыре — «архимандритѣ велицѣи». Рассказывается о чуде, которое совершается по преставлению Александра Ярославича. Эконом Севастьян и митрополит Кирилл по обычаю хотели вложить в руку преставившегося хартию с молитвой, «он же, акы живѣ суши, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита»³³. Автор всячески подчеркивает чудесный характер этого события: тело долго везли («от далних град»), было зимнее время³⁴. Этим чудом с грамотой и заканчивается древнейшее из дошедших до нас Житие Александра Невского.

³¹ *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 177.

³² Там же. С. 177–178.

³³ Там же. С. 179.

³⁴ В качестве аналогии можно рассматривать чудо с харатьей в Житии Алексея человека Божия (характерно, что, как свидетельствуют источники, Александр принял постриг с именем Алексей). В этом чрезвычайно популярном в Древней Руси Житии также присутствует мотив харатьи в руке умершего. Правда, там, напротив, скончавшийся Алексей не отпускает харатью, но затем отдает по просьбе правителей и церковных иерархов. Причем к чуду в Житии Алексея все внутренне готовы, в то время как в Житии Александра оно вызывает «ужась» и удивление. Этот мотив повторяется в Житии Игнатия Ростовского: преставившийся святой берет рукой протянутый ему свиток с именами рукоположенных им священников и дьяконов (РГБ. Ф. 310. Унд. № 1296. Л. 238).

Обращаясь к анализу Жития Александра Невского, исследователи отмечали особый его характер как произведения агиографии. Александр тверд в вере, праведен, но Житие повествует в первую очередь о его воинских победах, дипломатической и государственной деятельности.

Дореволюционными исследователями, в первую очередь В.П. Мансиккой и Н.И. Серебрянским³⁵, была проделана большая работа по выявлению возможных литературных источников Жития. Наряду с широким использованием текстов Священного Писания обнаруживается влияние переводных «Девгениева деяния», «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрии». Из оригинальных памятников отмечались Паремии Борису и Глебу, воинские эпизоды из летописей и др. При этом В.П. Мансикка выделял разные типы влияния литературных произведений на писавшего Житие: общее сходство сюжетных эпизодов, использование общих мест и явные сюжетные и словесные заимствования. Н.И. Серебрянский обратил внимание на подробность воинских и иных светских сюжетов в Житии. Исследователь был убежден, что автор произведения был человеком церковным, поэтому он выдвинул гипотезу о существовании некоей первоначальной Повести об Александре, которая носила всецело мирской характер и была в распоряжении составителя Жития, а затем была использована при создании Жития. Однако данное предположение так и осталось предположением, доказательств существования такого этапа, как светская биография князя, не нашлось.

Обилие фактических деталей, касающихся государственной деятельности и военных подвигов Александра Ярославича, нетипичное для произведения агиографии, объясняется не неким светским источником, а тем, что автор не принадлежал к духовенству изначально, он служил князю, а писал агиографическое сочинение уже в монастыре. Что же касается интертекстуальности Жития, то едва ли продуктивно разбивать его на фрагменты, которые сходны, напоминают или являются непосредственными заимствованиями из того или иного переводного или оригинального древнерусского текста. Следование образцам, заимствование было обычным делом в работе книжников этого времени. Как составляются из букв слова, а из слов предложения, средневековые книжники зачастую составляли из «готового слова» свой текст. Но этот

³⁵ Мансикка В.П. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913; Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915.

процесс не был начетнически бездумным, использовалось только то, что было уместно, и Житие князя, написанное в столь близкое после его кончины время, может быть важным историческим источником, особенно с параллельным привлечением летописных и иных данных, корректирующих неясную или сомнительную информацию о жизни и деяниях Александра Ярославича.

Начиная с В.О. Ключевского, ученые исходят из того, что автор Жития был владимирцем³⁶. Н.И. Серебрянский уточнил, что он был монахом Владимирского монастыря³⁷. Предположение это имеет веские основания. Именно там, где святой был погребен, первоначально устанавливалось его почитание. В данном случае это Владимирский Богородице-Рождественский монастырь. Некое указание дает и сам агиограф: приступая к написанию Жития, он говорит, что уповает на «молитву Святыя Богородицы».

Однако Д.С. Лихачевым была высказана мысль о том, что создатель Жития Александра Невского был галичанином³⁸. По мнению ученого, в памятнике различима южнорусская, в частности галицкая, литературная традиция. Также Д.С. Лихачев усматривал сходство летописных текстов, посвященных Даниилу Галицкому с текстами Жития Александра Невского. Тем не менее сходствующие тексты принадлежат топики древнерусских воинских текстов вообще, текстуально же они не совпадают. Так, например, в таком ключе сравнивались фрагменты³⁹:

Житие Александра Невского

Жалостно же бѣ слышати, яко отець его, князь великий Ярославъ, не бѣ вѣдал таковаго вѣстанія на сына своего, милаго Александра, ни оному бысть когда послати вѣсть къ отцю своему, уже бо ратнии приближишася.

Ипатьевская летопись

О злая честь Татарская! Его отецъ бе царь в Русской земле, иже покори Половецкую землю и воева на инья страны все, сын того не прия чести и иньи кто можетъ прияти?

³⁶ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1981. С. 67–68; Мансикка В.П. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. С. 16–18; Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 61–64; Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.). С. 36. В.Л. Комарович называл его суздальцем (Комарович В.Л. Повесть об Александре Невском. С. 55).

³⁷ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. С. 81–82.

³⁸ Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 36–56.

³⁹ Там же. С. 48.

Как можно видеть, в этих фрагментах нет ничего общего, кроме упоминания отца.

Если же обратиться к тексту вступления, где автор говорит, что был «самовидецъ» «его възраста» (т. е. зрелых лет), а о более ранних годах «слышах от отецъ своих», то нельзя не усомниться во владимирском происхождении автора Жития. В наиболее ранних списках Первого вида ранней Первоначальной редакции в этой фразе добавлено «домочадецъ» («своих отецъ домочадецъ»). Это должно означать, что предки сочинителя служили семье князя. Стало быть, сам пишущий происходил из Переяславля (Залесского). Судя по его высказыванию о том, что он был свидетелем «възраста его», можно думать, что автор был моложе своего героя. По-видимому, вместе с дружиной и двором Александра Ярославича он был рядом с князем как в новгородский период его жизни, так и во владимирский. Об этом, например, косвенно свидетельствует приводившийся выше текст: «Жалостно же бѣ слышати...» По-видимому, автор слышал такие разговоры перед выступлением Александра против шведов, иначе не сообщил бы об этом обстоятельстве именно в этой форме. Подробности Невской битвы он знал от самого князя и других участников событий, о чем прямо заявляет: «Си же вся слышах от господина своего великого князя Олександра и от иных, иже в то время обрѣтошася в тои сѣчи»⁴⁰. После смерти господина он, скорее всего, постригся в том же Рождественском монастыре, где был похоронен Александр Ярославич, и, уже будучи иноком, взялся за написание Жития. Этим, наряду с особенностями биографии самого героя памятника, объясняется сочетание в Житии агиографических композиционных элементов и топики с традициями переводных и древнерусских воинских повестей. Исследователями неоднократно отмечалась начитанность автора — в тексте содержатся многочисленные реминисценции и ссылки на «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, Александрию хронографическую, «Летописецъ вскоре» патриарха Никифора и др.

Житие Александра Невского было чрезвычайно популярно в Древней Руси. Большое количество редакций, отличающихся друг от друга очень значительно, огромное количество списков этих редакций говорят о том, что памятник был востребован нашими предками на протяжении многих столетий. Притягательным для читателя была сама фигура

⁴⁰ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». С. 168.

прославленного полководца, не знавшего поражений, украшенного при этом христианскими добродетелями и причисленного Русской церковью к лику святых.

REFERENCES

1. *Begunov Ju.K.* Pamjatnik russkoj literatury XIII veka «Slovo o pogibeli Russkoj zemli». M.; L., 1965. 232 p.
2. Biblioteka literatury Drevnej Rusi: XI–XII veka. SPb.: Nauka, 1997. T. 1. 544 p.
3. Biblioteka literatury Drevnej Rusi: XII vek. Spb.: Nauka, 1997. T. 4. 588 p.
4. *Kirillin V.M.* Chetverichnost' kak indeks tainstvennogo sodержanija «Skazanija o Mamaevom poboishhe» // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2006. № 4 (26). P. 19–41.
5. *Ključevskij V.O.* Drevnerusskie zhitija svjatyh kak istoričeskij istočnik. M., 1981. 465 p.
6. *Komarovich V.L.* Povest' ob Aleksandre Nevskom // Istorija russkoj literatury. M.; L., 1946. T. 2. Ch. 1. P. 50–58.
7. *Konjavskaja E.L.* Obraz Aleksandra Nevskogo v rannih letopisjah // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2009. № 2 (36). P. 55–63.
8. *Konjavskaja E.L.* Politika tverskih Rjurikovičej v period stanovlenija Tverskogo knjazhestva // U istokov Rossijsko gogosudarstva. Tver': TvGU, 2015. P. 9–23.
9. *Konjavskaja E.L.* Hronologičeskie vehi i rasčety v drevnerusskih letopisjah i aktah // Rus', Rossija: Srednevekov'e I Novoe vremja. Vyp. 4. Četvertye čtenija pamjati akademika L.V. Milova. M., 2015. P. 133–138.
10. *Kuchkin V.A.* Aleksandr Nevskij — gosudarstvennyj deatel' I polkovodec srednevekovoj Rusi // Aleksandr Nevskij i istorija Rossii. Novgorod, 1996. P. 3–28.
11. *Kuchkin V.A.* Aleksandr Nevskij — pravitel' i polkovodec // Aleksandr Nevskij. Gosudar', diplomat, vojn. M., 2010. P. 61–100.
12. *Kuchkin V.A.* Mongolo-tatarskoe igo v osvешhenii drevnerusskih knizhnikov (XIII — pervaja četvert' XIV v.) // Russkaja kul'tura v uslovijah inozemnyh nashestvij i vojn. X — nachalo XX v. M., 1990. P. 15–69.
13. *Lihachev D.P.* Galickaja literaturnaja tradicija v Zhitii Aleksandra Nevskogo // TODRL. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1947. T. 5. P. 36–56.

14. *Mansikka V.P.* Zhitie Aleksandra Nevskogo: Razbor redakcij i tekst. SPb., 1913. 127 p.
15. PSRL. T. 3: Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 720 p.
16. *Serebrjanskij N.I.* Drevnerusskie knjazheskie zhitija (Obzor redakcij i teksty). M., 1915. 165 p.

Ключевые слова:

Житие Александра Невского, автор, Невская битва, Битва на Чудском озере, Владимирский Богородице-Рождественский монастырь.

Elena L. Konyavskaya

ABOUT THE LIFE OF ALEXANDER NEVSKY

The article analyzes various aspects of the Life of Alexander Nevsky. The features of the image by the author of the prince as an ideal ruler, commander and exemplary Christian are considered. At the center of the narrative are his military exploits. It is shown that the author of the Life was a citizen of Pereyaslav and served the prince both in the Novgorod and in the Vladimir period of his life. After the death of the prince and the burial of the prince in the Vladimir Rozhdestvensky monastery, the future hagiographer was tonsured in the same monastery and as a monk began to write the Life.

Keywords: Life of Alexander Nevsky, author, Battle of the Neva, Battle on Lake Peipsi, Vladimir Monastery of the Nativity of the Virgin

Elena L. Konyavskaya — Dr. Habil. in Philology, Leading Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

 Конявская Елена Леонидовна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.004

А.А. Беляев, П.А. Зыков, О.М. Иоаннисян, А.В. Сиренов

ПОГРЕБЕНИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ВО ВЛАДИМИРЕ: АРХЕОЛОГИЯ ПОЧИТАНИЯ

История почитания останков великого князя Александра Ярославича до их переноса из Владимира в Санкт-Петербург рассматривалась в науке неоднократно, но почти исключительно на основе письменных материалов¹. Правда, заметен интерес и к материальным свидетельствам, таким как каменный гроб из собрания Владимирского музея², а также, что особенно важно, к истории застройки Рождественского монастыря в целом, истории его престолов и общему контексту жизни в XV–XIX вв.³ Было

¹ См., напр., серию работ одного из авторов статьи, А.В. Сиренова.

² История его появления детально изучена, см. дополненную версию: Тимофеева Т.П. К вопросу о так называемой гробнице Александра Невского // <http://rusarch.ru/timofeeva8.htm> (посещение 22.05.2020). Первая краткая версия: Тимофеева Т.П. Владимирские гробницы и раки Александра Невского // Владимирский некрополь. Владимир, 2002. Вып. 5. Князь-Владимирское кладбище. С. 90–95.

³ Отметим серию статей и книг Т.П. Тимофеевой, заново рассмотревшей позднесредневековый этап и новое время в монастыре. См.: Тимофеева Т.П. Ансамбль Рождественского монастыря в архитектурном контексте города Владимира (XII–XVII вв.) // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен / Отв. сост. Л. Штайндорфф, А. В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 189–200.

обращено внимание и на сам объект почитания, т.е. на останки князя, до сих пор обследованные недостаточно, о чем скажем ниже⁴.

Однако существует еще один источник для исследования вопроса — само место погребения князя. То есть остатки собора монастыря Рождества Богородицы во Владимире и его некрополь. Эти подлинныя свидетельства позволяют прояснить некоторые вопросы, до сих пор получавшие лишь самые общие или предположительные ответы.

Правда, сам собор не сохранился, в прошлом неоднократно перестраивался, а его некрополь претерпевал обычные для монастырских кладбищ трансформации. Представить их историю на основе одних документальных свидетельств затруднительно. Однако более двух десятилетий назад (1997–2000 гг.) экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством О. М. Иоаннисяна вскрыла широкой площадью зону собора и часть прилегающего кладбища. Был собран материал, во многом изменивший представления о храме и его некрополе, до сих пор в науку введенный не полностью. Архитектурные остатки XII–XIII вв. представлены подробно⁵. Недавно их дополнил анализ саркофагов и ранних надгробий⁶. Но более поздние части собора и кладбища опубликованы фрагментарно. А они важны для восстановления контекста, в котором развивалось почитание памяти князя. Заполнение этой лакуны — задача данной статьи.

Рассмотрим археологические контексты собора, продвигаясь от поздних к ранним начиная с 1990-х гг., когда раскрыта большая часть площади на месте собора. Верхний слой образовался в 1930 г., это слой разрушения четверика и выборки его фундаментов. Предыдущий уровень связан со строительством собора-копии, возведенной Н.А. Артлебенюм и Д.А. Корицким в 1858–1869 гг., чему предшествовали обмер и разборка древнего собора, появление проекта для архитектурной копии и фиксационных материалов к ней. Таким образом, фундаменты, выбранные в 1930 г. одновременно, принадлежали двум периодам, отделенным друг от друга интервалом в 700 лет⁷.

⁴ *Sirenov A. V. The legitimation of the image of the Saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana 2016. 1 (19): 100–109.*

⁵ *Иоаннисян О.М. Зодчество конца XII — первой половины XIII века // История русского искусства. Т. II. Ч. 2. М., 2015. С. 132–134.*

⁶ *Беляев Л.А., Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М. Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонычева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 62–72.*

⁷ Вопрос о том, как была поставлена копия 1858–1869 гг., на старые фундаменты или с полной их заменой, не вполне ясен — основания храма в 1930 г. выбирали широ-

В 1930 г. слой внутри храма повредили мало и ниже полов не опускались. Не тронули и галерею, которая с трех сторон обнимала наос, поскольку при работах 1858–1869 гг. ее не воспроизвели, сочтя пристройкой XVII в., и просто разобрали. В результате ее остатки вместе с полами в интерьере наоса сохранились до уровня разборки и образуют третий контекст. Стены галереи были кирпичными, но заменяли изначальные каменные⁸. При перестройке галереи (в XVII в.?)⁹ линию ее внешней стены сохранили редуцированно, не повторив две экседры (абсидиолы), в оригинале выдвинутые наружу от северного и южного прясел галереи. Еще менее ясен четвертый контекст, остатки древних частей наоса XII в.: были в них изначально или нет погребальные ниши — аркосолии?¹⁰ Наконец, пятый контекст — это объявлявший собой и связавший воедино остальные слои некрополь, его погребения, надгробные плиты, саркофаги и др.

Таким образом, натурно исследовать пришлось исключительно сложный по составу архитектурно-археологический памятник, многое в котором остается до сих пор необъяснимым. Однако на целый ряд вопросов все же получили ответы. Поэтому рассмотрим прежде всего археологию некрополя, так как на ней держится общая связь контекстов¹¹. Выделим объекты, потенциально значимые для изучения формирования почитания памяти князя Александра. Затем дадим и архитектурно-археологический комментарий к письменным свидетельствам такого почитания и поставим задачи дальнейшей работы.

Погребения, плиты и саркофаги. Выявленные раскопками участки кладбища внутри и снаружи от собора (в основном к востоку, югу и западу) позволяют оценить масштаб и значимость некрополя (рис. 1).

кими траншеями, так что при раскопках конструкцию фундаментов XIX в. изучить не удалось.

⁸ На отдельных участках галереи при раскопках зафиксированы нижние части изначальной кладки стен из белого камня. Плинфа встречается в большом количестве в развалах храма, но относится она к более позднему времени, чем основной этап строительства собора с галереей (1191–1196 гг.).

⁹ Археология дала хорошее представление о планиметрии, но уточнить дату перестройки не удалось: при работах использовали типичный большемер, а в нем работали два столетия, XVI–XVII вв., а подчас и позже. Тем не менее, по мнению авторов работ, типологически, по размерам и в сравнении с другими постройками монастыря его следует датировать не ранее второй половины XVII в.

¹⁰ Археологические материалы не позволяют судить о наличии аркосолий в стенах наоса XII в. — по крайней мере, в их классическом виде.

¹¹ Подробная и полная публикация еще впереди, материал достаточно обилён и включает погребения вплоть до XVII в.

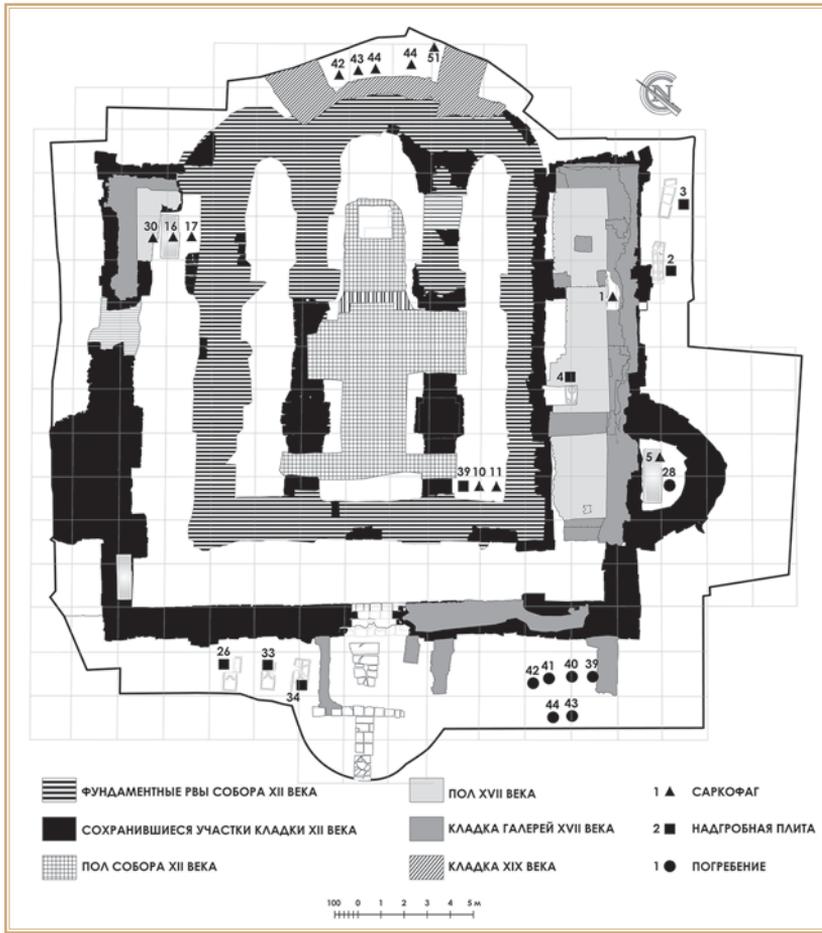

Рис. 1. Собор и некрополь монастыря Рождества Богородицы во Владимире.
Общий план раскопок 1997–2000 гг.

На нем изучены десятки погребений, но, конечно, это лишь малая часть: остается неизвестным, сколько именно могил под полами галерей, где при вскрытии наблюдались ранние погребения, и вокруг собора. В южной галерее полы были в основном сохранены, а западная пройдена только до уровня надгробных плит XV(?) — XVI вв. Судя по небольшому фрагменту наружного кладбища при южной экседре (изучен в 2000 г. до материка), общее число погребенных на некрополе следует оценить в полторы-две тысячи: на площади в 40 м² оказалось 68 могил в разных уровнях, с соблюдением рядов. Общая площадь некрополя, включая собор, не менее 1500–2000 м², а в среднем на квадратный метр приходится не менее одного захоронения¹².

¹² В реальности погребенных было еще больше, поскольку разрозненные при перекопках останки в подсчет не включены.

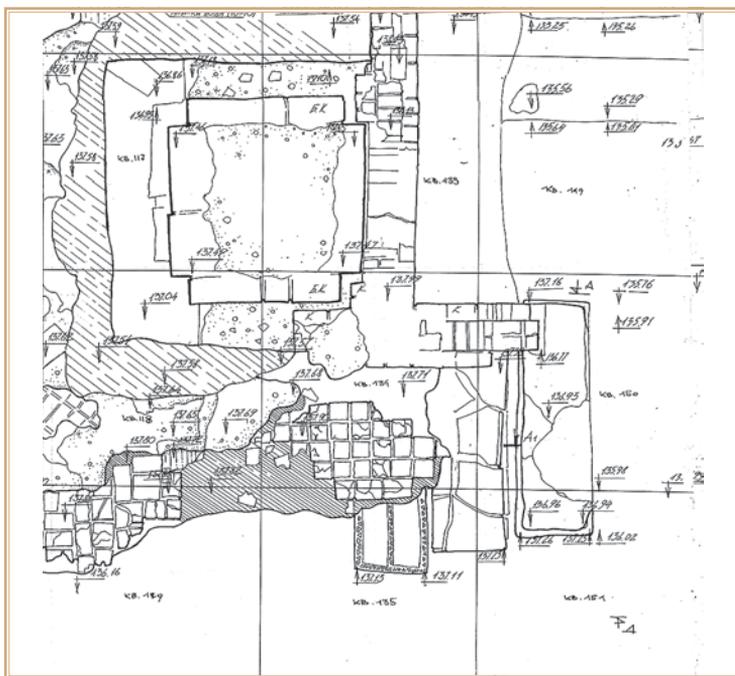

Рис. 2. Погребения в юго-западном углу собора Рождества Богородицы.
Фрагмент обмерного плана 1997 г.

Некрополь обители, вплоть до второй половины XVI в. считавшейся первой по рангу среди русских монастырей, хоть изучен он фрагментарно, стал одним из ключевых для истории погребальных сооружений XIII–XV вв., редко сохраняющихся до Новейшего времени даже в таком состоянии. Здесь есть не менее двух десятков надгробных плит ранних форм и архаических ящичных саркофагов. Только на изученной части их учтено 15, но это, конечно, далеко не все. Интересно, что снаружи от храма, несмотря на то что вскрытая там площадь невелика, их больше, и они образуют группы. Правда, не вполне четкие: восточнее апсид найдено 5 саркофагов (неясно, одна это группа или части нескольких); еще 3 стояли в ряд к востоку от экседры южной галереи¹³ (все три превратили в костницы; вторично использовали и другие каменные гробы — многие из них стали оссуариями)¹⁴.

¹³ Размеры саркофагов достаточно близки, что говорит о ремесленной работе: 1,90–2,05 x 55–60 x 60 см.

¹⁴ Такое вторичное использование хорошо известно и в более поздний период, причем для саркофагов на открытом кладбище, в земле. Ср., например, три антропоморфных каменных гроба в центре северного «клуатра» Ивановского монастыря в Москве, XVI–XVII вв.: Беляев Л.А., Батанина М.С., Глазунова О.Н., Решетова И.К., Савельев Н.И. Работы в Ивановском монастыре в 2017 году // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017 года. М., 2018. С. 40–45 (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).

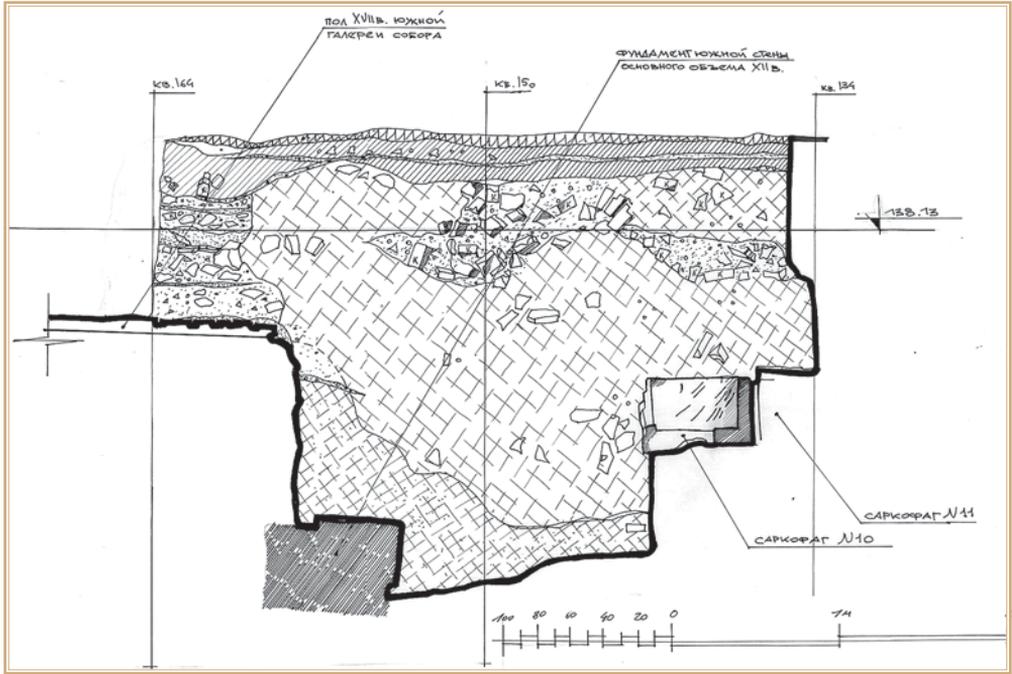

Рис. 3. Разрез север-юг через участок с погребениями в саркофагах № 10 и 11, вид с востока

Все это показывает, что подсчеты саркофагов в соборе на основе упоминаний поздних описей отражают лишь часть подлинной картины, учитывая только каменные гробы, по тем или иным причинам оставшиеся на поверхности и служившие мемориальными почитаемыми объектами.

В наосе храма саркофагов меньше (найлены если не все, то, видимо, большая часть). Они размещены логичнее и образуют четкие группы: в юго-западном углу 2 саркофага стоят рядом, и еще погребение — в том же ряду, в деревянной колоде, накрыто каменной крышкой, служащей надгробием¹⁵. В восточном конце северной галереи еще 3, тоже в ряд (рис. 2 и 3). Седьмой четко вписан в полукружие южной абсидиолы и выделен, конечно, не случайно¹⁶ (рис. 4 и 5). Все саркофаги стоят ниже уровня древнего пола или дневной поверхности XII–XIV вв., закопаны не глубоко и в основном сохранились *in situ*. Особый интерес вызвали остатки еще одного саркофага (№ 1) в кирпичной кладке вне-

¹⁵ См. предварительную публикацию погребения № 39 и саркофага № 10: *Беляев Л.А. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука, 2006. С.13, ил. 1.*

¹⁶ В симметричной северной экседре сплошной фундамент, и разместить здесь погребение можно было бы только выше уровня пола; эта экседра должна реконструироваться как башня для подъема на хоры.

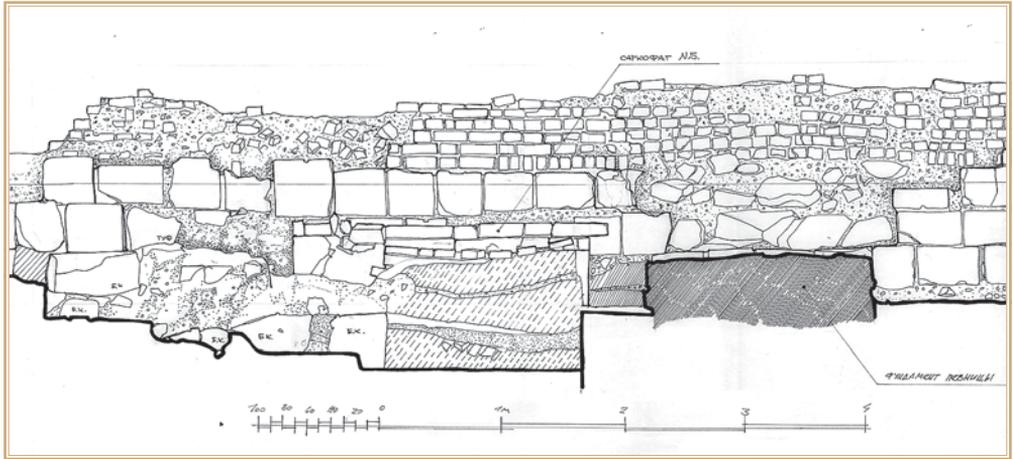

Рис. 5. Разрез запад-восток через абсидиолу, вид с севера

ных каменных гробов и просто на полу; вне храмов установка саркофага на дневную поверхность не известна, саркофаги на открытых кладбищах всегда помещали в могилы.

Изученные на некрополе Рождественского монастыря гробы ящичной формы, более или менее правильные параллелепипеды и трапециоды, с плоскими или скатными крышками. Они относятся, суммарно, к XIII–XIV вв. В них хоронили останки высшей знати, светской и церковной, в первую очередь — представителей рода Ростово-Суздальских князей. В саркофаг, вероятнее всего, положили и останки князя Александра в 1263 г.

Нет ни одной чисто археологической подсказки, где именно в храме его могли похоронить. Топография и источники показывают, что наиболее подходил бы один из саркофагов из группы у юго-западного столба. Но стоит рассмотреть и погребения в экседре, чье размещение явно наиболее статусное.

Абсидиола и саркофаг № 5 (см. рис. 4 и 5). Один из саркофагов (№ 5) стоял в абсидиоле (полукруглой в плане нише) южной галереи¹⁸. Он установлен ниже уровня пола, вдоль южной стены первоначальной галереи, на опоры из белокаменных блоков под углами, в песчаной засыпке, заполняющей пространство внутри фундамента экседры. В том случае, если абсидиола в верхней части была открыта внутрь здания, она представляла своего рода «супераркосолий» — обширную погребальную

КСИА. Вып. 255. М.: ИА РАН, 2019. С. 287–307 и более поздние, XIII–XV вв., например, в соборе Переяславля-Залесского.

¹⁸ В отчете для абсидиол постоянно применяется термин *невница*, в данном случае вряд ли уместный.

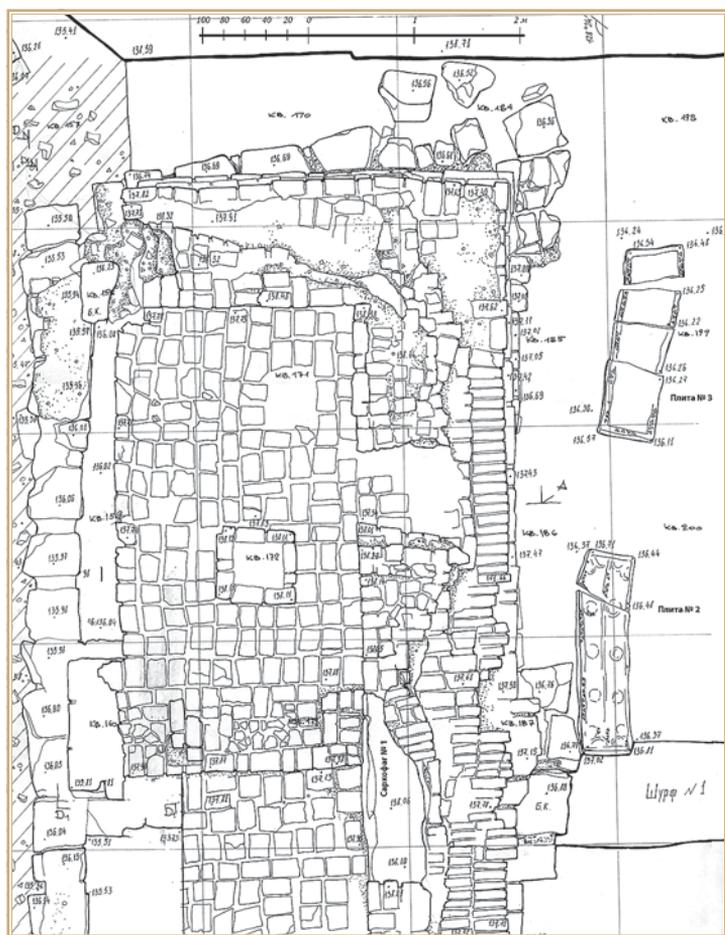

Рис. 6. Южная галерея, план восточной части с литургическими устройствами придела нишу или даже небольшую капеллу. В древнерусской архитектуре это уникальный пример. Аналогов ему нет, сколько нам известно, и в Византии — хотя как архитектурная форма абсидиола использовалась в восточнохристианском зодчестве с разными целями (так можно, в частности, описать любую неглубокую нишу для абсиды)¹⁹. Правда, у боковых фасадов наоса такие эседры (т.н. певницы) эпизодически встречаются и на Руси. Но абсидиола Рождественского собора очень отличается от них, и не только явно погребальным характером: она не в стене наоса, а в галерее, и не в центре фасада, а сдвинута на западное прясло. Важно отметить, что ей отвечает симметричный полукруглый выступ на фасаде северной галереи, который не имеет погребальных функций.

¹⁹ Об использовании полукруглых ниш в византийском зодчестве см. обзор: *Виноградов А.Ю. Абсидиола и полукруглая ниша как стилистические маркеры в средневизантийской архитектуре // Византийский временник. Т. 103. 2020. В печати.*

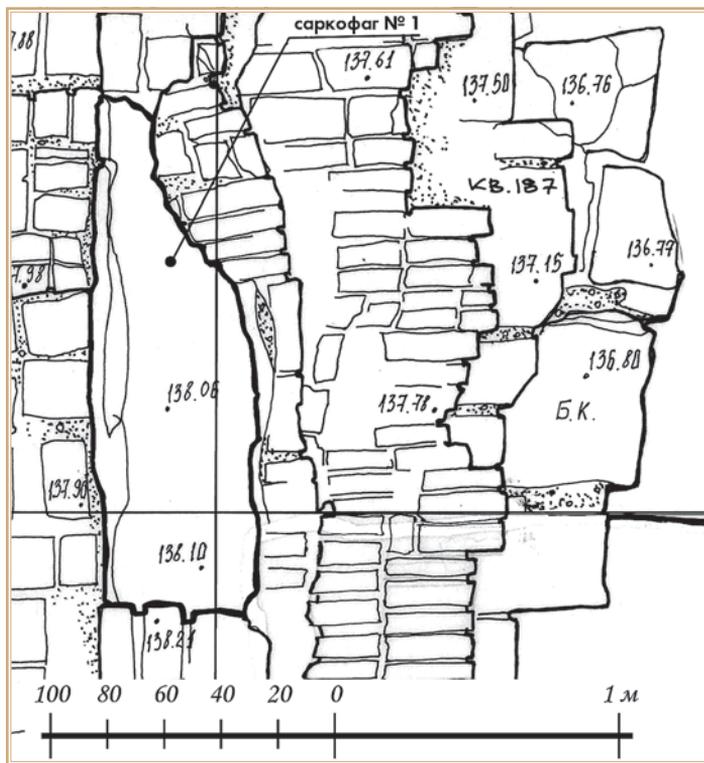

Рис. 7. Южная галерея: план южной стены с остатками дна саркофага № 1

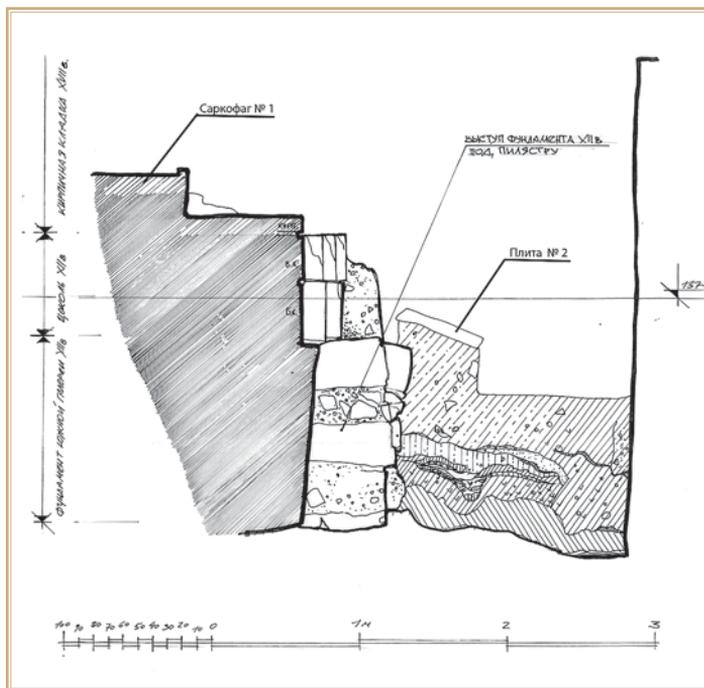

Рис. 8. Южная галерея: разрез участка кладки с дном саркофага № 1
(по оси север-юг, вид с востока)

Стоящий в южной абсидиоле саркофаг очень крупный²⁰, тщательно вытесан и подшлифован, наружные и внутренние углы скруглены²¹. Крышка составлена из трех частей, в сечении двускатная (вероятно, ее ремонтировали, возможно неоднократно)²². На дне саркофага, в изголовье, у бортов, не доходя до их верха на 12 и 17 см, стояли два белокаменных столбика, служившие, вероятно, ограничителями для головы (позднее изголовье будет включать узкую вытеску для головы); не исключены и другие объяснения (подставки для свечей?).

Погребение (по-видимому, изначальное) сохранило только половину скелета (верхняя часть, примерно до пояса). Кости сильно сдвинуты к востоку (череп почти на метр отстоит от западной стенки ящика). Их состав не полон²³: есть утраты (кости рук), но есть и лишние кости, в том числе от нижней части скелета (костей ног более чем от одного индивида)²⁴. Череп и связанный с ним состав костяка указывают на погребение мужчины в возрасте около 60–65 лет. Считается, что он погребен в иноческом облачении и обуви, но материалом это мало обосновано²⁵. Саркофаг, видимо, опустили в могилу еще в домонгольское время, но использовали и позже: выше костяка в нем располагались еще 4 черепа. Ясно, что погребение могло быть открыто и переложено в XVII в. или даже позднее²⁶.

Вряд ли стоит сомневаться, что погребенный в саркофаге — лицо высокого ранга, возможно, один из ктиторов собора; об этом, видимо, помнили довольно долго.

²⁰ Ширина в восточной части сверху — 73 см, внизу — 70 см, высота — 58 см, толщина бортика 10 см, толщина дна 9 см. Длина наружная сверху 246 см. Длина внутренняя 225 см. Ширина в западной части сверху — 75 см, внизу — 69 см, высота 59 см, толщина бортика 9,5 см, толщина дна 9 см. Толщина стенок северной 10 см, южной 8,5 см.

²¹ Состояние: много трещин, утраты в северной стенке. В юго-западном и северо-западном углах, на дне, имелись отверстия от пионов П-образной формы из железного прута ромбического сечения, возможно, это скобы для опускания саркофага.

²² Теска крышки грубая, широким и узким зубилами; без шлифовки; в ножной части суженная часть дополнена кусками белого камня, примыкавшими к стенке храма. Размеры: 242x76 и 80x11 и 13 см.

²³ Номер по отчету 27.

²⁴ Длина костяка 136 см, ширина в плечах 41 см, внизу груди 32 см. Кости из погребения были в 1997 г. взяты для дальнейшего исследования.

²⁵ На костях ног были остатки кожаной обуви, но подголовника или иных деталей, которые указывают на иноческий характер погребения, нет. В изголовье найден железный предмет; в развале костей — баранья лопатка с двумя сквозными сверлинами — возможно, они попали туда при поздних вскрытиях.

²⁶ В отчете даже крышка характеризуется как заново изготовленная в XVII в., что вряд ли справедливо.

Грунта в юго-западном углу (см. рис. 3 и 4). Группу образуют три захоронения к югу от юго-западного столба наоса: саркофаги № 10 (южный) и 11 (севернее его), а также погребение в деревянной колоде под плитой № 39 (еще севернее, ближе всего к столбу)²⁷. Они не выделяются среди других по формам. Появились они, видимо, позже, чем был построен и освящен собор: согласно данным стратиграфии, при погребениях в слой попали фрагменты фресок (в том числе — в прослойку ниже погребений). Их явно совершали в уже построенном храме. Оформление плиты № 39 также указывает на более позднюю, чем XII в., дату, вероятно, это XIII — начало XIV в., что близко по времени к эпохе князя Александра Ярославича²⁸.

Важно учесть известия письменных источников: они прямо указывают погребение князя в юго-западном углу, за столбом, в темном месте. Согласно Житию редакции Ионы Думина, «Повнегда же вшедшим им, светообразным юношам сим, во святилище Божие, за столп идоша, юду же святыи Александр положен возлежаше»²⁹, а во Вкладной книге монастыря уточнено, за какой именно: «за правым столпом, в темном месте»³⁰. В юго-западной зоне развернутся события XVII—XVIII вв., связанные с оформлением почитания мощей и их переносом. На южной стене наоса, видимо, были сооружены и аркосолии.

Все это объяснимо: юго-западный угол традиционно считают наиболее почетным, от него обычно развивается родовой некрополь ктиторов храма (что не исключает возможности устройства для них особых капелл, галерей и т.п.). Погребение князя здесь, действительно, вероятно. При раскопках на эту зону обращали особое внимание, причем сложилось мнение (П.Л. Зыков, А.В. Повелихин), что погребение Александра

²⁷ Восточный край саркофагов застроен более поздним склепом (в отчете условно назван «аркосолием»), вероятнее всего, в XVI или XVII в.

²⁸ Над плитой № 39 лежала подсыпка (30 см супеси желтого цвета) для пола; выше — проливка раствора (1 см) и по ней пол (квадратные плитки с поливой желтого, темно-зеленого и синего цвета, толщиной 1,5–3 см, в шахматном порядке). Еще выше лежал второй пол, из квадратных кирпичей (14x14 и 15x15 см) по глиняной заливке светло-коричневого цвета (4–5 см) и слою раствора извести (20 см). Следов перекладки пола и прокопа для погребения не выявлено, что позволяет датировать погребение от конца XII в. до конца XIII в. Первоначальный растворный пол с росписью на отдельных участках сменили на плитчатый, конечно, не сразу, а применение поливных плиток не ограничено домонгольским временем: на северо-востоке Руси они доживают по крайней мере до конца XIII в.

²⁹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий. М., 2008. Т. 2. С. 449.

³⁰ Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря // Труды ВГСК. Вып. III. Вл., 1864. С. 34.

Рис. 9. Белокаменный саркофаг из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника (по Т.П. Тимофеевой)

Невского можно видеть под плитой с треугольчатой резьбой (№ 39), служившей крышкой деревянного саркофага.

К сожалению, археолого-антропологическое исследование этих погребений немного добавляют к общей картине: в 1998 г. был вскрыт саркофаг № 11, в нем обнаружены потревоженные останки мужчины³¹ и погребение в «домовине» под плитой № 39³².

Архивная археология: саркофаги на чертежах, в описаниях и музейных собраниях. В научном обороте есть данные о еще четырех саркофагах. Они получены при сносе собора в 1930 г., но приведены в известность только в последние десятилетия. Ясно, что их нельзя соотносить с теми гробами, которые обнаружены при раскопках — хотя бы потому, что все или часть из них были при сносе собора извлечены. Этот сюжет подробно разобран в специальной статье Т.П. Тимофеевой два десяти-

³¹ Саркофаг № 11 прямоугольный, из цельного куска известняка, стенки чуть сужены книзу. Размеры: 217х64 см, высота 45–47 см, толщина стенок 7–11 см. Крышка цельная (толщина 7–10 см), прямоугольная, с немного выраженным ребром по длинной оси, без орнамента. При одной из перестроек собора саркофаг раскололи на крупные части. На дне сохранились остатки погребения (№ 7), но череп, ключицы и плечевые кости утрачены. Скелет мужской (длина до шейного отдела позвоночника — 157 см, ширина тазовой части — 35 см). Вещей не обнаружено. Вероятна дата погребения: XII–XIII вв.

³² Плита цельнотесаная, лицевая грань чуть скруглена по оси, но снизу плита ровная. Обработана тонким (0,5 см) зубилом и отшлифована; торцы подтесаны, углы скруглены и с них снята фаска. Размеры (в см): 197х66 (изголовье) — 65 (изножье) х 10 (толщина). Композиция лицевой грани: лента по периметру и осевая полоса. Орнамент лент: две линии противопоставленных равносторонних треугольников со стороной 3,2 см, линия графьи четкая, ширина лент (по графье) — 5 см. В центральной части слабо прочерчены граффити таких же орнаментальных лент (черновые наброски?) и просто царапины (плита выходила в уровень пола).

Рис. 10. Белокаменный саркофаг с не потревоженным скелетом внутри.
Фото 1930 г. (ГНИМА)

летия назад³³. С тех пор исследователь не раз к ним обращалась. В последней книге она привела письма руководства владимирского музея от 16.07.1930 г., которыми Главнауку и ГАИМК ставят в известность о том, что «...при разборке здания Рождественского монастыря (собора) под фундаментом обнаружены 4 гробницы хорошей сохранности, из белого камня (древних погребений XII–XIII вв.). В случае Вашей заинтересованности часть этих гробниц может быть выкопана за Ваш счет и передана Вам...». Вскоре (02.09.1930) следует письмо и в сектор науки Наркомпроса: «...разборка фундамента бывшего собора Рождественского монастыря временно приостановлена, при осмотре обнаружены под слоем кирпича нового фундамента на глубине приблизительно около 3 метров древние белокаменные гробницы (фотография прилагается). Ниже обнаружены остатки белокаменной кладки древнего фундамента, сфотографировать в данный момент не удалось из-за плохой погоды»³⁴.

³³ Кроме опубликованной версии, есть более полный текст того же исследования, за возможность ознакомиться с которым мы глубоко благодарны Татьяне Петровне Тимофеевой.

³⁴ Тимофеева Т.П. Владимирские монастыри: Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский: историко-архитектурный очерк. СПб., 2020. С. 174–175.

Рис. 11. Белокаменный саркофаг, закрытый крышкой, в фундаменте наоса собора.
Фото 1930 г. (ГНИМА)

Эти погребения следует трактовать, во-первых, как совершенные в *наосе* собора, ведь галерея не была восстановлена в 1850-х гг. и в 1930 г. ее не разбирали. Во вторых, как устроенные внутри стены: гробы найдены под слоем кирпича XIX в. и в уровне белокаменного фундамента. Тут возможно лишь одно объяснение: изначально они стояли в стеновых аркосолиях, и при строительстве 1850-х гг. их оставили *in situ*, заложив кирпичной кладкой нового фундамента.

В настоящее время известны три фотографии этих саркофагов (одно опубликовано в книге Т.П. Тимофеевой, еще два хранятся в ГНИМА им. А.В. Щусева), и, возможно, ситуационное фото (там же; поиск ведется) (рис. 9–12). Допустимо думать, что все эти гробы были извлечены — хотя бы потому, что при раскопках 1990-х гг. они не обнаружены. Возможная судьба этих каменных ящиков детально прослежена Т.П. Тимофеевой. С ее мыслью о том, что хранящийся во владимирском музее небольшой саркофаг — один из этих четырех (впервые появился в инвентарях только в 1956 г.), следует согласиться. Судя по фотографиям, эти погребения не были потревожены до 1930 г.: над одним сохранилась

Рис. 12. Белокаменный саркофаг в фундаменте наоса собора.
Фото 1930 г. (ГНИМА)

крышка, в другом (или в том же самом) видны кости верхней части скелета в естественных сочленениях.

Эти саркофаги можно соотносить с известием XVI в. о том, что в соборе имеются три каменные гробницы, которые опись не идентифицирует и не пытается связать с погребением князя Александра, погребение которого названо отдельно. Неясно, впрочем, что имеет в виду автор описания, когда говорит о «гробницах» — то ли саркофаги (в аркосолиях или без них), то ли сами аркосолии (но автор описи понимал, что это именно захоронения).

Если наши рассуждения верны, то к появившимся благодаря раскопкам 15 саркофагам следует прибавить еще 4. Но это, конечно, далеко не все каменные гробы, имевшиеся на кладбище собора.

Саркофаг № 1 (см. рис. 6–8). Особый интерес вызвало присутствие в кладке южной стены галереи остатков белокаменного «саркофага № 1», упомянутые выше. Контекст их обнаружения довольно необычен. Эти остатки — неполное днище, стоящее на известковом растворе на кирпичной кладке, но не заложенное сверху. С востока и запада от камня сохранились края кладки кирпичной ниши (?) неизвестной высоты. Предполагается, что, устраивая придел, камень вмонтировали в дно, специально оформив как основание ниши. Учитывая, что ее размеры точно соответствуют именно сохранившейся части, а не истинному, первоначальному, размеру саркофага, было предположено, что нишу выложили под имевшийся остаток, возможно, почитавшийся как святыня.

При этом очевидно, что ниша в южной стене — не аркосолий в собственном смысле слова, она не имеет заглабления для установки саркофага и, как будет сказано ниже, с памятью князя в документах XVIII—XIX вв. никогда не связывалась. Следует заметить, что стенка, отделяющая пространство алтаря от остальной галереи, упирается в восточную часть ниши, так что вся она оказывается в наосе придела.

Форма и характер обработки позволяют отнести камень к XIII—XV вв.³⁵ Расположение саркофага в приделе Александра Невского (о нем ниже) позволило связать его с памятью князя (О.М. Иоаннисян) и даже считать перемещенным остатком подлинного погребения. Если так, то любые попытки связать с погребением князя любой иной саркофаг, обнаруженный при раскопках *in situ*, следовало бы оставить (все эти гробы сохранили днища). Саркофаги вокруг и внутри собора многочисленны, и можно быть уверенным, что камень в стене принадлежал одному из тех гробов, которые до нас не дошли. Но стоит рассмотреть и возможность использования днища как подставки под раку или под иной объект, помещенный в нише (вторичное использование камней от погребений для вытески архитектурных деталей, в том числе литургических, таких как раковины для умывания и т.п. — частое явление). Интересна в связи с этим, конечно, история самой галереи.

Южная галерея: архитектурная археология. Южная галерея сохранилась хорошо: кладка кирпичных стен (размер кирпича 31x14x8 см) достигает здесь высоты 3—5 рядов над полом³⁶. Сам пол (кроме западной части) мало поврежден. Он настлан по толстой (4—9 см) известковой подушке, плоским кирпичом — плинфой (5—7 x 17,5—21,0 x 23,5—28,0 см), вероятная дата которой, согласно представлениям о развитии древнерусского кирпича, вторая половина 1210-х гг. — первая половина 1220-х гг.³⁷

³⁵ От саркофага № 1 в 1997 г. сохранялось только дно, но в значительной части. Длина фрагмента 191 см (изголовье обколото); ширина ножной части 64 см, центральной части — 66 см. Толщина дна 11–13 см, стенок (сохранились фрагменты) — 7–8 см. Стенки поднимались с расширением, под углом ото дна. Орнамента нет. Теска зубилом с широким лезвием, из цельного куска известняка. Форма восстанавливается как ящик с небольшим расширением к голове, какие известны во Владимиро-Суздальском княжестве XII–XIV вв.

³⁶ На фасаде стены галереи в интерьере перевязка кирпичей в последовательности тычок-ложок, но вертикальные швы при этом часто совпадают у двух рядов, смещается только третий; возможно, что выше перевязка приобретала более системный характер. Швы широкие, до 4 см.

³⁷ См.: Жерве А.В. К вопросу об организации плинфяного строительства в Северо-Восточной Руси в конце XII — начале XIII века // Археологические вести. № 15. М., 2008. С.181–185 и другие работы автора.

На плинфе заметны следы растворов; в ее составе много лекальных форм. Это, несомненно, повторно использованный материал, да и трудно представить, что аутентичный пол служил несколько столетий. (Внутри храма первоначальный пол был из заглаженного раствора, затем расписанного. Это, возможно, указывает на изначально статусный характер монастырского собора, в который должны были заходить только избранные представители двора и Церкви, хотя случаи фиксации расписных полов в других храмах постепенно подбираются и будут специально рассмотрены.)

Стены галереи имели внутри широкие пилястры³⁸, к которым позже приложили, как их продолжение, поперечные перегородки. От прикладок сохранились нижние ряды, стоящие непосредственно на полу галереи, без фундамента или цоколя. Следует отметить, что прикладки и, соответственно, изначальные пилястры явно выделяют абсидиолу, четко фланкируя ее края. При этом самая западная из стенок стоит по оси западной стены собора, так что пространство придела, вытянутое с запада к востоку, отделено от западной части галереи, которая образует широкий притвор-нартекс³⁹.

Пилястры с перегородками делят галерею в длину на 4 части (видимо, артикулируя зоны придела): алтарь, наос, трапезную и притвор⁴⁰. Во всяком случае, восточный компартимент отделен от остального пространства остатками алтарной преграды. Это стенка шириной 72 см (кладка в два кирпича, сохранность до двух рядов) с центральным проемом шириной 1,12 м для царских врат. Перед преградой (5 см от линии западного фаса) пол поднят на 8 см, образуя солею. В центре алтарного помещения сохранился столбик престола (77x82 см) со стенками в один ряд кирпичей.

Южная галерея и придел святого князя Александра в письменных источниках. История южной галереи выглядит перспективной для изучения почитания памяти князя Александра Ярославича: она входит

³⁸ Пилястры имели ширину 1,18–1,20 м и выступали от плоскости стены на 27–34 см.

³⁹ Входа с юга в галерею по оси подкупольного квадрата в XVII в. не было, на фиксационном чертеже фасада (Н.А. Артлебен) он отнесен в третье членение, т.е. должен был проходить через абсидиолу — видимо, при перестройке уничтоженную. Однако выделение этого прясла сохранено — оно выше как одноэтажных прясел к востоку, так и (правда, немного) — крайнего западного прясла, за которым «нартекс». Вероятно, второй уровень обоих западных членений — это внешний обход хор.

⁴⁰ Аналогичные примеры разделения галерей в связи с устройством в них приделов для XVII–XVIII вв. вполне обычны — так, например, поделена южная галерея Казанского собора в Москве, использованная в 1647 г. для устройства придела свв. Гурия и Варсонофия. См.: *Беляев Л.А. Образ, Храм и Город: раскопки участка Казанского собора на Красной площади в Москве // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. [Под ред. Н.А. Макарова] М., 2009. С. 464–473.*

ла в систему юго-западного угла наоса со статусными захоронениями, а в XIX в. в галерее помещалась придельная церковь святого князя; натурное изучение принесло предметные данные о ее структуре.

Но письменные источники, говорящие и о самой галерее, и о приделе в ней, обнаруживают ряд серьезных противоречий⁴¹. Прежде всего, непонятно, когда все-таки галерею перестроили в кирпиче. Еще в XIX в. этот акт связали сообщением Вкладной книги, под 7186 (1678) г. сообщаемой, что архимандрит Троице-Сергиевой лавры Викентий (в прошлом монах и до 1675 г. архимандрит Рождественского монастыря) пожертвовал 100 рублей «на строение каменной паперти с полатками что у трапезы». К.Н. Тихонравов и Н.А. Артлебен видели за этой записью новую пристройку к собору. Н.Н. Воронин считал, что речь скорее о замене старой галереи. Но обе трактовки можно поставить под сомнение.

Дело в том, что известна трапезная церковь монастыря как отдельное здание в северной линии ограды. По крайней мере в 1626 г. оно уже каменное («монастырь Рождествен, церковь трапеза каменная»⁴²). Видимо, о ней говорит не датированный текст (после записи от 7145/1637 г.) во Вкладной книге: «По иноке Алексее построена во святой обители трапеза каменная большая со службами»⁴³. Действительно, трапезный комплекс был устроен традиционным образом, т.е. имел и служебные подклеты, и храм. Переписная книга 1701 г. упоминает «трапезу каменную, в ней церковь пресвятые Троицы, на церкве шатер каменный. У той же трапезы две палаты каменные, служня и хлебодарня, две палаты кладовые»⁴⁴. Т.П. Тимофеева полагает, что архимандрит Викентий в 1678 г. именно к ней дал свои 100 рублей⁴⁵.

Если это так, то дата перестройки галерей «отвязывается» от 1678 г. и может быть, например, отнесена к 1680-м гг., когда после пожара появилась необходимость заново перекрыть собор: в 1681–1683 гг. архимандрит Варнава обновил главы, покрыл их черепицей и установил железные золоченые кресты⁴⁶; в 1689 г. главную (?) главу покрыли «черепицею мурамленою и с подзоры»⁴⁷. В результате Опись 1701 г. фиксирует пять

⁴¹ Они стали видны после изучения Т.П. Тимофеевой истории монастыря и строительства в нем в XVI–XIX вв.

⁴² *Артлебен Н.А.* Описная книга Владимирского кремля-города 1626 г. // ВГВ. 1877. № 1.

⁴³ Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря. С. 13.

⁴⁴ *Воронин Н.Н.* Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «чертёж» 1715 г. // Советская археология. VIII. М., 1946. С. 150–151.

⁴⁵ *Тимофеева Т.П.* Владимирские монастыри: Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский: историко-архитектурный очерк. СПб., 2020. С. 14.

⁴⁶ Вкладная книга... С. 25.

⁴⁷ Там же. С. 27.

глав, черепичные покрытия, железные кресты — это большой и серьезный ремонт. Но, конечно, перестройка могла произойти и раньше, и позже — дата превращения галерей из белокаменных в кирпичные остается неясной. Отметим, что это была не простая работа: нужно было демонтировать старую каменную кладку, соединив затем кирпичные стены с древним каменным наосом (видимо, кирпичная галерея имела не только наружную стену, но и внутреннюю, которая охватывала каменное ядро).

Итак, проблема датирования кирпичной галереи, казалось бы, решенная в XIX в., возникает вновь. Правда, лежащий под кирпичной стеной каменный фундамент с погребальной экседрой полностью исключает возможность возведения галереи *ex novo*; пол из плинфы внутри галереи в тех местах, где он разобран, показывает поверхность с надгробиями XIII—XIV вв.; наконец, галерея построена из большемера. Но уточнить дату на этих основаниях трудно.

Прояснить ее могли бы сведения о появлении в соборе придела в память св. Александра Невского, который известен в XIX в. в южной галерее. Но привычная картина, выстроенная во второй половине XIX в. местными краеведами, меняется и здесь, причем даже более кардинально. Престол изначально связан не с собором, а со Святыми вратами в северной стене монастыря. До XVII в. о нем нет известий, но логично думать, что такой престол мог появиться в обители в 1590-е гг.: здесь почивали мощи князя и появились, по крайней мере, две редакции его жития (так называемая Первоначальная и составленная монахом Рождественского монастыря Михаилом). В 1591 г. Иона Думин составил, по благословию патриарха Иова, новую редакцию, вложив рукопись в монастырь в 1594 г.; в 1595 г. придел святого князя уже был освящен в Казани. Правда, надвратная церковь (без упоминания престола) появится в записи Вкладной книги в 1607 г., в списке работ на средства митрополита Ростовского и Ярославского Ионы «в лето 7115 и в иные годы», упомянет устройство «каменной церкви на вратах» (за 250 рублей). К.Н. Тихонравов считал, что она в 1607 г. и построена (так или иначе, разница небольшая: между серединой 1590-х гг. и 1607 г.), но вклады Ионы, записанные под 1607 г., сделаны в основном в 1589—1602 гг., когда он был архиепископом Вологодским и митрополитом Ростовским.

Размещение на вратах подтверждает опись 1701 г., где названы и престол, и конструкция: «На святых вратах церковь каменная, святого благоверного великого князя Александра Невского владимирского чудотворца, на главе крест деревянный, опаян железом белым, глава и шатер покрыты чешуею деревянною». В соборе же Опись 1701 г. указывает два других придела, Георгиевский («глава крыта черепицею, крест опаян бе-

лым железом») и Рождества Христова («глава крыта черепицею ж, крест железный»). Место первого неизвестно (Тимофеева полагает, что в южной палатке именно он), так как второй помещен «вверху» (на хорах или в юго-западной башне)⁴⁸.

В 1763 и 1785 г. она оставалась на прежнем месте, в Святых вратах, ее назовут упраздненной только в 1797 г. (по мнению Тимофеевой, после перевода архиерея в Суздаль в 1788 г.). Следовательно, К.Н. Тихонравов⁴⁹ ошибался, полагая, что церковь Александра Невского сменила придел св. Георгия в южной «палатке» около 1711 г.

Итак, придел св. Александра Невского в соборе просто не существовал до конца XVIII в., его могли перенести сюда не ранее конца 1780-х гг. Есть сведения, что его устроили в южной галерее еще позднее, между 1805 и 1815 гг. (тогда в нем находилась гробница «где некогда почивали мощи св. Александра Невского»)⁵⁰. Он сохранялся до разборки собора и показан на чертеже 1850-х гг.⁵¹ Н.А. Артлебен и Д.А. Корицкий, обмеряя собор, считали, что погребение князя изначально должно быть «в юго-западном углу под хорами»⁵². Но архитекторы и краеведы застали другую ситуацию. На месте южных врат наоса помещалась сквозная арка, в которую в 1697 г. поставили раку, а против нее было широкое окно в стене галереи (на месте внешних южных врат)⁵³. Ситуация отвечала тексту Вкладной книги, где сказано, что в 1697 г. мощи переместили (не будем гадать, откуда именно), уложив в новую раку и поставив «на новоугото-

⁴⁸ Переписная книга Владимирского Рождественского монастыря 1701 г. Публикация Мартынова А.А. // ВГВ. 1879. № 27. Часть неофициальная. С. 3.

⁴⁹ Тихонравов К.Н. Церковь Рождества Богородицы во Владимирском архиерейском доме (бывшем Рождественском монастыре) // Труды ВГСК. Вып. III. Владимир, 1864. С. 41–56.

⁵⁰ Тимофеева Т.П. Владимирские гробницы и раки Александра Невского // Владимирский некрополь: Князь-Владимирское кладбище. Вып. 5. Владимир, 2002. С. 90–95.

⁵¹ Добронравов В.Г. Владимирский Рождественский монастырь в 1763 г. // ВЕВ. 1899. № 19. С. 636; ГАВО. Ф.15. Оп.8. Д.984. Л.1.

⁵² «Мощи св. князя Александра Невского в 1697 г. поставлены были в расширенной в большую арку южной двери, так что молящимся возможен был доступ к ним из церкви и из придела... Против же арки, в которой стояли мощи, было сделано широкое окно с целью, вероятно, не делать наружный вход придела прямо против мощей». Артлебен Н.А., Корицкий Д.А. Пояснительная записка к проекту возобновления в древнем виде церкви Рождества Пресвятой Богородицы при Владимирском Архиерейском доме // Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. II. М., 1962. С. 478.

⁵³ «...дабы придать этому месту более света, южная снизу дверь, вероятно, закладена была до полу, а в другую ее половину вставлено было окно» и «на место южной двери пробита была в капитальной стене арка и в ней поставлена гробница святого Александра Невского». Тихонравов К.Н. С. 22–23.

ванном месте светлом, близ южных дверей, на третьем ступени ... идеже ныне всеми приходящими в церковь святыю зрими...». Отметим, что это распространенный в строительстве второй половины XVII—XVIII вв. прием, порожденный практикой паломнического почитания святыни⁵⁴.

На плане Рождественского собора 1850-х гг. арочный проем между наосом и южной галереей показан отчетливо, а наряду с ним — и две ниши в восточной части южной стены галереи, северная — против престола, южная — перед иконостасом, против широкой солеи⁵⁵. Видимо, эта вторая ниша и открыта в 1997 г. при раскопках.

Открытое в южной галерее при раскопках литургическое устройство, видимо, изначально служило престолом церкви св. Георгия; в этом случае достройку с разделением на зоны придется отнести к началу XIX в.⁵⁶ Если вмурованное в арку днище саркофага почиталось как остатки погребения святого князя, об этом следует ожидать хоть каких-то свидетельств. Но за, примерно, 150 лет (от переноса мощей в юго-восточную арку до перестройки собора) упоминаний о факте почитания именно такой, каменной, реликвии нигде не встречено (стоит прислушаться к мнению Тимофеевой: местные ученые в XIX в. внимательны к мелочам⁵⁷).

Судьба погребения. В начале статьи мы постулировали, что воздержимся от пересмотра литературы, где анализируются источники, отражающие судьбу погребения Александра Невского. Обозначим, однако, важные для данной статьи вопросы. Например, достаточно ли оснований считать обнаруженное в 1997 г. в кладке днище саркофага принадлежащим первоначальному погребению Александра Невского, как предположили авторы раскопок?⁵⁸

Рассмотрим вкратце историю бытования останков князя вплоть до их перенесения в Санкт-Петербург в 1723–1724 гг. Скорее всего, при погребении их положили в белокаменный саркофаг, но неизвестно, стоял он при этом в аркосолии, просто у стены или даже в могиле. Наличие аркосолий в наосе Рождественского собора косвенно подтверждено упо-

⁵⁴ Напр., такая арка сделала проницаемой стену между двумя приделами при гробнице патриарха Никона в соборе Новоиерусалимского монастыря.

⁵⁵ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. Т. 1. С. 381–383.

⁵⁶ Не исключено, что не все этапы развития прослежены при раскопках. Стоит обратить внимание и на упоминание «палатки» на месте южной галереи — это все отдельные вопросы.

⁵⁷ *Тимофеева Т.П.* Владимирские монастыри... С. 162.

⁵⁸ *Глазов В.П., Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Повелихин А.В.* Раскопки собора Рождественского монастыря во Владимире // Археологические открытия 1997 года. М., 1999. С. 82.

минанием в первой половине XVI в. трех гробниц «в стене» и обнаружением саркофагов в фундаменте при сносе собора. Но полной уверенности в этом нет: при перестройках собора новые арки появились в стенах как раз там, где могли располагаться аркосолии⁵⁹.

В XVII в. гробница с мощами Александра Невского стояла в юго-западном углу собора. Вероятно, это ее первоначальное место — южная сторона храма в домонгольское время считалась наиболее почетной⁶⁰. Правда, в редакции Жития Александра Невского, написанной в середине XVI в. монахом владимирского Рождественского монастыря Михаилом, сказано, что вскоре после Куликовской битвы имело место обретение мощей Александра Невского: мощи вынули из земли и поставили на поверхности в раке⁶¹. Однако есть все основания усомниться в реальности этого события. Характерно, что агиограф, будучи сам монахом Рождественского монастыря, об обретении мощей Александра Невского узнал от священника Дмитриевского собора Прокопия, которому об этом якобы рассказывал его отец. Очевидно, что при написании жития агиографу нужно было осветить историю почитания святого, а обретение мощей — один из самых важных ее этапов. Ничего об этом не зная, агиограф обратился с расспросами к знакомым, и один из них вспомнил некое чудо от мощей Александра Невского, случившееся перед Куликовской битвой, после которого произошло обретение мощей. Именно так, со ссылкой на информатора, этот эпизод описан в Житии. Подчеркнем, что если бы обретение мощей было общеизвестным фактом, то такой пассаж был бы излишен. Скорее всего, никакого обретения мощей не было — ни в 1380 г., ни раньше, ни позднее. Самое раннее достоверное известие об останках Александра Невского — известие 1491 г. о пожаре, при котором сгорело «тело Александра Невского»⁶². Показательно, что применен термин не «мощи», а «тело», что позволяет предполагать отсутствие развитого церковного почитания князя в Рождественском монастыре в конце XV в.

Следующее упоминание мощей Александра Невского связано с казанским походом Ивана IV. Наиболее вероятно, что имеется в виду неудачный

⁵⁹ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 381.

⁶⁰ Свердлов М.Б. К изучению хор новгородских храмов XI — первой трети XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1(75). С. 104–107.

⁶¹ Мансикка В.П. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. Вторая пагинация. С. 27.

⁶² Первоначальное чтение присутствует в Сокращенных сводах конца XV в.: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 28. С. 291.

поход 1549–1550 гг., поскольку именно в тот раз взятие Казани обставлялось со всевозможной торжественностью⁶³. 7 декабря 1549 г. Иван IV прибыл во Владимир⁶⁴ и молился у гробов своих предков, в том числе у гроба Александра Невского. Об этом написал царский духовник Андрей, будущий митрополит Афанасий, в составленной им Степенной книге. Андрей-Афанасий написал, что во время посещения в составе царской свиты Рождественского собора он заметил «близ помосту церковнаго на гробе блаженнаго малу скважню»⁶⁵. Отметим, что деревянные раки для России первой половины XVI в. очень редки, а в XV в. — тем более. При описании чудесного спасения мощей от пожара 1491 г. в Степенной книге указано, что после пожара гроб Александра Невского найден неповрежденным. Автор специально сделал акцент на том, что уцелели не только сами мощи, но и пелена на них: «Чюдотворьныя же мощи святаго и праведнаго великаго князя Александра Ярославича, на них же аще и бысть видети нечто огненаго знамения, но обаче Богом тако съхранени быша, яко и пелена, иже бяше в гробе его, обретеса неврежена от непостоянаго того огня»⁶⁶. Полагаем, что если бы в середине XVI в. мощи стояли в деревянной раке, то Андрей-Афанасий описал бы чудесное спасение не только мощей и пелены, но и раки. Факт спасения от огня гроба он не воспринял как нечто необычное. С другой стороны, если бы в XVI в. имело место переложение мощей из каменного гроба в деревянную раку, это событие обязательно отметили бы составитель редакции XVI в. Михаил или авторы последующих редакций. Поэтому полагаем, что в XVI в. мощи пребывали еще в каменном гробу.

В XVII в. первое упоминание о мощах Александра Невского встречаем в тексте грамотки, которую обнаружили в его гробнице при ее вскрытии в Петрограде в 1922 г.: «189 мая в 20 день собраны сия мощи благовернаго князя Александра после церковнаго горения, тогда бо погореша вси иконы»⁶⁷. Речь идет о пожаре 1681 г., после которого на соборе меняли кровлю и заказывали иконы (см. об этом выше). Пожар был значительным, наверняка он коснулся и самих мощей, поскольку после

⁶³ См.: *Сиренов А.В.* Реликвии владимирских князей // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях: Альманах. СПб., 2016. Вып. 5. К 80-летию проф. И.Я. Фроянова. С. 286–287.

⁶⁴ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13. С. 159.

⁶⁵ Степенная книга по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 270.

⁶⁶ Там же. С. 269–270.

⁶⁷ Современное местонахождение грамотки в настоящее время неизвестно, но доступны три ее фотографии: негатив на стекле (БАН. Собр. воспроизведений, оп. 2, № 75) и отпечатки, сделанные с другого негатива (РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов) 7058; ЦГА КФФД СПб. Др. 1125). Текст впервые опубликован: *Васильева О.Ю., Кнышевский П.Н.* Красные конкистадоры. М., 1994. С. 185.

пожара их пришлось «собирать». Что же произошло с вместилищем мощей? Если это была каменная гробница, то она едва ли существенно пострадала. Если же мощи к тому времени покоились в деревянной раке, то она должна была сгореть.

В 1697 г. постриженник Рождественского монастыря патриарший ризохранитель иеродьякон Боголеп Яковлев на свои средства в Москве заказал новую раку, и 1 июля 1697 г. в нее торжественно переложили мощи Александра Невского. Основанием для этого, по свидетельству Слова на переложение мощей, послужила ветхость прежней раки: «древле люди Господни от усердия своего соделаша раку или ковчег, яже многолетством яко сущи тленна обветша, перваго же соделования повредившися, лишися доброзрачия, зане всякое соделование и вещи на земли в тление приходят и вничтожаются»⁶⁸. Ветхая от старости, поврежденная гробница — так не стали бы называть раку, установленную после пожара 1681 г. По всей видимости, речь идет о каменном саркофаге, который в середине XVI в. видел Андрей-Афанасий. Вероятно, другой гробницы Александра Невского до 1697 г. не существовало.

Характерно, что новую раку установили в другом месте. Как сказано в монастырской вкладной книге, «положены честныя и святыя мощи... на новоуготованном месте светлом, близ южных дверей, на третьем ступени; а прежде был за правым столпом, в темном месте...»⁶⁹. Согласно сакральной топографии древнерусского православного храма, в юго-западном углу погребали князей, а в юго-восточном — монахов и епископов⁷⁰. Раку с мощами Александра Невского установили в арке южного входа в наос храма, т.е. мощи сдвинули к востоку, от юго-западной к юго-восточной позиции. И это перемещение явно было осознанным актом. Александра Невского утверждали как святого преподобного, а не благоверного. В контексте перемещения мощей князя к юго-востоку представляется возможным рассматривать и обнаруженное в процессе раскопок 1997–2000 гг. днище белокаменной гробницы, вмурованной в стену южной галереи. Его местонахождение соответствует традиционным пред-

⁶⁸ Сиренов А.В. Патриарший ризохранитель Боголеп и два памятника монастырской книжности конца XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 251.

⁶⁹ Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря / Сообщ. К.Н. Тихонов // Труды Владимирского губ. стат. комитета. Владимир, 1864. Вып. 3. Приложение. С. 34.

⁷⁰ Шалина И.А. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и их символическое значение // Seminarium Bulkinianum. СПб., 2007. Вып. 2: К 70-летию со дня рождения В.А. Булкина. С. 167–200.

ставлениям о том, где должны располагаться мощи преподобного — в юго-восточном углу храма, непосредственно перед иконостасом. Таким образом, нет прямых оснований отрицать связь остатка древнего саркофага с гробницей Александра Невского, в которой он покоился до 1697 г.

Правда, о почитании этой реликвии источники ничего не сообщают. Но нужно учесть два обстоятельства. Во-первых, описания Рождественского монастыря краеведами XIX — начала XX в. весьма скупы⁷¹. Во-вторых, после перенесения в 1723 г. мощей Александра Невского в Санкт-Петербург в Рождественском монастыре устроили кенотаф, отметив место нахождения мощей до их перенесения, что сконцентрировало в дальнейшем внимание именно на этом месте. Отметим, что в монастырских храмах в разное время почиталось несколько гробниц Александра Невского. Так что память об Александре Невском и остатках его погребения сохранялась преимущественно в устной традиции. Подсчитать все сфабрикованные в XVIII—XIX вв. кенотафы князя не представляется возможным, и можно допустить, что остатки древней гробницы, где мощи святого пребывали до 1697 г., в монастыре сохранялись. Вмуровать их в стену в крайнем юго-восточном углу храма — логичное решение. Правда, в то время в южной галерее находился Георгиевский придел, и только в первой половине XIX в. там разместили придел Александра Невского. Это могло быть продиктовано общими соображениями (придел в честь местного святого часто помещали в дьяконнике), но также и наличием в южной галерее остатков древней гробницы святого.

Вся история формирования реликвий князя Александра в XVII—XVIII вв. далеко не ординарна и требует специального рассмотрения⁷². Все-

⁷¹ Возможно, это объясняется расположением в нем Архиерейского дома и, соответственно, ограниченностью доступа туда для посторонних.

⁷² Достаточно процитировать описание освидетельствования мощей 13 июня 1917 г., составленное по дневниковым записям С.П. Каблукова (опубликовано: К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 33–34), чтобы понять перспективность детального естественно-научного (и не только) изучения этого источника:

«За крышкой были сняты один за другим три покрыва, из коих два верхних оказались довольно простыми шелковыми, третий же, нижний, облекавший самые мощи, оказался дорогим, с шитым изображением князя. По удалении этого последнего покрыва увидели человеческую фигуру — целую в монашеском одеянии схимника со странно выпяченной грудью. Казалось т[аким] о[бразом], что тело оказалось сохраненным. Удаление схимы и ближайший осмотр, подробно проведенный одним еп. Серафимом при явном смущении двух других преосвященных, обнаружил следующее: вся передняя часть головы и лоб оказались сделанными искусственно и вылепленными из воска, только небольшая верхняя часть — часть черепа подлинно серого цвета. Грудь и живот оказались тоже искусственными из вагы, зашитой в шелко-

го через два десятилетия прозвучит рекомендация ростовского епископа Досифея архимандриту Рождественского монастыря Гедеону совершить благочестивую подделку останков князя: положить в раку «хотя бы простых человеческих костей и голову приложить какого ни есть человека, давно умершего»⁷³, что, однако, сделано не было (установлено во время розыска по второму Суздальскому делу царевича Алексея в 1720–1721 гг.).

При извлечении из раки в период атеизма останки описали⁷⁴, но антропологические методы к их изучению были применены лишь самые минимальные. После возвращения мощей Церкви их исследование стало невозможным.

Какова была на самом деле судьба реального погребения князя, сколько раз меняли местоположение честные останки, почитаемые как его мощи, на основании имеющихся данных судить трудно. Но сведения о контексте соборного некрополя; о зоне, в которой погребение князя должно было располагаться; о количестве и особенностях комплексов, с которыми оно могло быть связанным, безусловно, появились. Прояснилась и ситуация перестройки комплекса в конце XVII — начале XVIII в., из которого мощи были перенесены в Санкт-Петербург в 1723 г., а также развитие почитания памяти князя в соборе Рождественского монастыря во Владимире.

вые мешки. С прибавлением ваты оказались ноги и руки, т. к. подлинных костей было мало. “Чучело” князя, в которое т. о. были помещены подлинные мощи, именно часть черепа и части костей, рук и ног [и два ребра?], лежало на деревянной настилке, покрытой в несколько рядов тканями, так что ножки гроба оказались очень длинными (это — для удобства несения? — С. К.). На “чучеле” у боков оказался мешочек шелковый: с костями — мелкими в бумажке, с ароматическими веществами в виде порошка в другой. На бумаге с этими мелкими костями есть надпись, указывающая, что мощи были в церкви, подвергшейся пожару, при коем в этой церкви сгорели все дерев[янные] образа».

⁷³ Цит. по: Павленко Н.И. Царевич Алексей. М., 2008. С. 248.

⁷⁴ Деяния II Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. М., 1923. С. 10; Спиридонова Е.К. Вскрытие мощей Александра Невского в 1922 году (по материалам периодической печати) // Александр Невский и Ледовое побоище: Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища. Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г. СПб., 2014. С. 155–159.

REFERENCES

1. *Artleben N.A.* Opisnaya kniga Vladimirskogo kremlya-goroda 1626 g. [Vladimir Kremlin-city by the description book of 1626] // VGV. 1877. № 1.
2. *Artleben N.A., Korickij D.A.* Poyasnitel'naya zapiska k projektu vozobnovleniya v drevnem vide cerkvi Rozhdestva Presvyatoj Bogorodicy pri Vladimirskom Arhierejskom dome [Explanatory note to the restoration project of the Church of the Holy Mother of God at Vladimír's eparch house] // Book.: Voronin N.N. Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi [The art of building of North-East Rus']. T. II. M., 1962. P. 478.
3. *Belyaev L.A.* Novoe v izuchenii nadgrobnyh pamyatnikov Srednevekov'ya [New stage of the archeological investigations of medieval tombs] // Russkoe srednevekovoe nadgrobie XIII–XVII veka [Russian medieval towns of the XVII c.]. Materialy k svodu. Vyp. 1. M.: Nauka, 2006.
4. *Belyaev L.A.* Obraz, Hram i Gorod: raskopki uchastka Kazanskogo sobora na Krasnoj ploschadi v Moskve [Icon, Temple and the city: excavation of a section at Kazan Cathedral, Moscow] // Arheologicheskie otkrytiya 1991–2004 gg. Evropejskaya Rossiya [Archeological discoveries 1991–2004. European Russia]. Ed. N.A. Makarov. M., 2009. P. 464–473.
5. *Belyaev L.A., Batanina M.S., Glazunova O.N., Reshetova I.K., Savel'ev N.I.* Raboty v Ivanovskom monastyre v 2017 godu [Excavations at Ivanovsky monastery in 2017] // Goroda. Selishcha. Mogil'niki. Raskopki 2017 goda [Cities, settlements, tombs: excavations in 2017]. M., 2018. P. 40–45 (Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij, t. 25).
6. *Belyaev L.A., Glazov V.P., Zykov P.L., Ioannisyan O.M.* Pogrebal'nye sooruzheniya XII–XV vekov na meste sobora Rozhdestva Bogorodicy vo Vladimire (po materialam rabot 1997–2000 godov) [Tombs of the XII–XV cc. onsite the Cathedral of the Nativity of the Theotokos in Vladimir (based on the materials from 1997–2000)] // Zemli rodnoj minuvshaya sud'ba... K yubileyu A.E. Leont'eva [My homeland bygone fate... To the anniversary of A.E. Leont'ev]. M.: Institut arheologii RAN, 2018. P. 62–72.
7. Deyaniya II Vserossijskogo Pomestnogo Sobora Pravoslavnoj Cerkvi [Acts of the 2nd Local Council of the Orthodox Church of Russia]. M., 1923.

8. *Dobronravov V.G.* Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' v 1763 g. [The Cathedral of the Convent of the Nativity of the Mother of God in Vladimir in 1763] // VEV. 1899. № 19. S. 636; GAVO. F.15. Op.8. D.984. L.1.
9. *Glazov V.P., Ioannisyann O.M., Zykov P.L., Povelihin A.V.* Raskopki sobora Rozhdestvenskogo monastyrya vo Vladimire [The excavations of the Cathedral of the Convent of the Nativity of the Mother of God in Vladimir] // Arheologicheskie otkrytiya 1997 goda. M., 1999. P. 82.
10. *Ioannisyann O.M.* Zodchestvo konca XII — pervoj poloviny XIII veka [Architectural traditions at the end of the XII — first half of the XIII c.] // Istorija russkogo iskusstva [The History of Russian Art]. Vol. II. Part 3. M., 2018.
11. K istorii osvidetel'stvovaniya moshchej sv. Aleksandra Nevskogo [On the history of examination of the relics of St. Alexander Nevsky] // Sankt-Peterburgskie eparhial'nye vedomosti. 2000. Vyp. 23. P. 33–34.
12. *Mansikka V.P.* Zhitie Aleksandra Nevskogo. Razbor redakcij i tekst [Life of Alexander Nevskiy. Analysis of the edition and the text]. SPb., 1913.
13. *Pavlenko N.I.* Carevich Aleksej [The King's son Alexey]. M., 2008.
14. Perepisnaya kniga Vladimirskogo Rozhdestvenskogo monastyrya 1701 g. Publikaciya Martynova A.A. [The enumeration book of the Nativity monastery in Vladimir. Published by Martynov A.A.] // VGV. 1879. № 27. Unofficial part.
15. *Sirenov A.V.* The legitimation of the image of the Saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2016. 1 (19): 100–109.
16. *Sverdlov M.B.* K izucheniyu hor novgorodskih hramov XI — pervoj treti XII v. [On the investigation of Triforiums in the Novgorod Cathedrals of the XI — beginning of the XII cc.] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2019. № 1(75). P. 104–107.
17. *Vasil'eva O.Yu., Knyshevskij P.N.* Krasnye konkistodory [The red conquistadores]. M., 1994.
18. *Vinogradov A.Yu.* Apsidiola i polukruglaya nisha kak stilisticheskie markery v srednevizantijskoj arhitekture [An Apse and an exedra as the stylistic identity of the Byzantine architecture] // *Vizantijskij vremennik,* Vol. 103. 2020.
19. Vkladnaya kniga Vladimirskogo Rozhdestvenskogo monastyrya [Deposit book of Nativity monastery in Vladimir] / Soobshch. K.N. Tihonravov [Report by K.N. Tihonravov] // *Trudy Vladimirskogo gub. stat. komiteta.* Vladimir, 1864. Vyp. III. P. 34.

20. *Voronin N.N.* Social'naya topografiya Vladimira XII–XIII vv. i «chertyozh» 1715 g. [Social topography of Vladimir in XII–XIII cc. and «the scheme» of 1715] // *Sovetskaya arheologiya*. VIII. M., 1946. P. 150–151.
21. *Voronin N.N.* *Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi* [Architectural traditions of North-East Rus']. M., 1961. Vol. 1.
22. *Zherve A.V.* К вопросу об организациии плинфяного строitel'stva v Severo-Vostochnoj Rusi v konce XII — nachale XIII veka [On the question of the usage of the plinthiform bricks in North-East architecture in the XII — beginning of the XIII crntury] // *Arheologicheskie vesti* № 15. M., 2008. P. 180–185.

Ключевые слова:

князь Александр Невский, погребение, Средние века, почитание реликвий, монастырская археология.

Leonid A. Belyaev, Peter L. Zikov, Oleg M. Ioannisyann,
Alexey V. Sirenov

THE TOMB OF ALEXANDER NEVSKY IN VLADIMIR: ARCHEOLOGY OF VENERATION

aterials on the history of necropolis near the principal church of monastery of Nativity of Blessed Virgin where Prince Alexander Nevsky was buried in 1263 are published in the article. The main part of information was obtained during the excavation of the church remnants (excavations were performed in 1997–2000). The church was demolished in 1930. Archeologists discovered sarcophagi and tombs made of white stone and remnants of the very church built in 1198 of white stone and of its gallery that was rebuilt completely of bricks in the 17th century. A niche was discovered in the brickwork and contained a lower part of a sarcophagus. That served (probably) as relic of Alexander upon his remnants transfer to Saint-Petersburg. Traditional sources telling fate of Prince Alexander's nternment are considered in light of archeological data and new archive documents and photos including photos of stone sarcophagi found during demolition of the church in 1930.

Key words: Middle Ages, prince Alexander Nevsky, veneration of relics, monastic archeology, burial, cemetery.

Leonid A. Belyaev — D.Sc. (History), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Moscow archaeology at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.

Peter L. Zikov — Senior Researcher at the Architectural Archeology Sector of the State Hermitage Museum, Saint Petersburg.

Oleg M. Ioannisyann — Ph.D., head of a sector ?, the State Hermitage Museum, Saint Petersburg.

Alexey V. Sirenov — D.Sc. (History) corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor at the Saint Petersburg State University.

 Беляев Леонид Андреевич

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН,
заведующий отделом Института археологии РАН

 Зыков Петр Леонидович

старший научный сотрудник сектора архитектурной археологии
Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург

 Иоаннисян Олег Михайлович

кандидат исторических наук, заведующий сектором,
Государственный Эрмитаж

 Сиренов Алексей Владимирович

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.005

А.С. Усачев

ВЛАДИМИРСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ПОЧИТАНИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РОССИИ XVI в.

опряженное с целым рядом самых разнообразных фактов из области церковной, социальной, экономической, а в ряде случаев и политической истории почитание святых в эпоху Средневековья трудно свести лишь к истории прославления того или иного лица. Почитание, в частности, влияло, а в некоторых случаях и определяло статус и материальное положение обители, являвшейся его главным центром. Впрочем, последнее было лишь одним из целого ряда факторов, определявших положение обители в церковной иерархии. Хотя их набор, как правило, был стабильным, влияние каждого в конкретном случае могло различаться, порой весьма существенно. Стремясь нащупать их соотношение на конкретном материале, свое внимание мы сосредоточим на ряде фактов из истории весьма значимой обители эпохи русского Средневековья — Владимирского Рождественского монастыря, с XIII в. ставшего главным центром почитания великого князя владимирского Александра Ярославича. Специально не рассматривая литературную историю целого ряда памятни-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

ков, посвященных этому святому, а также историю его почитания в целом — данным вопросам посвящено немало работ², — мы рассмотрим возможную связь между почитанием Александра Невского, а также некоторыми другими слагаемыми известности и влияния монастыря, с одной стороны, и статусом владимирской обители — с другой.

Сразу напомним читателю общеизвестный факт: Владимирский Рождественский монастырь длительное время занимал 1-е место в иерархии русских обителей. Его архимандрит возглавлял перечни настоятелей, присутствовавших на Освященном соборе.

Лишь с 1561 г. 1-ю строку в иерархии занял Троице-Сергиев монастырь. Это было обусловлено беспрецедентным ростом популярности Сергия Радонежского среди представителей всех слоев населения. В XVI в. по историческим меркам относительно недавно скончавшийся святой наряду с князьями-страстотерпцами Борисом и Глебом возглавил перечень наиболее почитаемых русских святых³. Владимирская обитель заняла 2-е место в иерархии. Оно за ней закрепилось на долгие годы⁴.

Очевидно, что Владимирский Рождественский монастырь в рассматриваемый период — как до, так и после 1561 г. — занимал исключительно высокое место в церковной иерархии. В поисках объяснения данного казуса обратим внимание на ряд факторов, в период Средневековья

² См.: Мансикка В.П. Житие Александра Невского (Разбор редакций и текст). М., 1913; Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Brill; Leiden; Boston, 2006; Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007; Комявская Е.Л. Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 55–63; Она же. Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 209–218; Сиренов А.В. Александр Невский в культуре России Средневековья и Нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук. 2016. М., 2017. С. 368–380.

³ Так, согласно подсчетам А.Г. Мельника, по числу освященных во имя Сергия церковей основатель радонежской обители уступал лишь Борису и Глебу (см.: Мельник А.Г. Самые популярные русские святые в XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 83–84). Подробнее о почитании Сергия см.: Тихонравов Н.С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892; Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. М., 1998; Мельник А.Г. К истории почитания св. Сергия Радонежского в XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2012. С. 23–31; Он же. Почитание Сергия Радонежского в русских монастырях XVI в. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 152–156.

⁴ В 1720 г. Владимирский Рождественский монастырь в иерархии русских обителей опустился на 3-е место, пропустив вперед основанный Петром I Александро-Невский монастырь (см.: Тихонравов К.Н. Владимирский Рождественский монастырь XII века, где почивали св. мощи в. к. Александра Невского, до перенесения в С.-Петербург. Владимир, 1869. С. 13).

определявших как формальный статус обители, так и ее реальный внутрицерковный и экономический «вес» (первый и второй далеко не всегда совпадали). К их числу относились персональный состав иноков, статус и материальные возможности вкладчиков, история обители и, конечно, святых, которыми она располагала.

Состав вкладчиков и насельников

Помимо русских государей, которые в той или иной мере покровительствовали едва ли не всем более или менее значительным обителям страны, судя по сохранившимся актам, с Владимирским Рождественским монастырем по преимуществу вкладами были связаны мелкие служилые люди: Басаргины⁵, Бородины⁶, Всеволожские (Всеволоцкие)⁷, Выповские⁸, Лимоновы⁹, Копнины¹⁰, Недюревы¹¹, Опочинины¹², Симоновы¹³, Сушевы¹⁴, Тумские¹⁵, Шамшовы¹⁶ и др. Среди вкладчиков монастыря, представлявших титулованную знать, выделяются князья Гундоровы¹⁷, Ковровы¹⁸, Кривоборские¹⁹ и Ромодановские²⁰. Некоторые из представителей

⁵ Антонов А.В. Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 187 (№ 41), с. 190 (№ 66), с. 191–192 (№ 81); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — нач. XVII в. // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. № 10.

⁶ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 16.

⁷ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 196 (№ 116).

⁸ Там же. С. 191 (№ 79).

⁹ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 193 (№ 94); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 18, 21.

¹⁰ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 15, 20.

¹¹ Там же. № 14, 32.

¹² Там же. № 31.

¹³ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 196 (№ 124); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 35, 37.

¹⁴ Маштафаров А.В. Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 40–41 (№ 2); Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 199 (№ 146); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 22.

¹⁵ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 197 (№ 132).

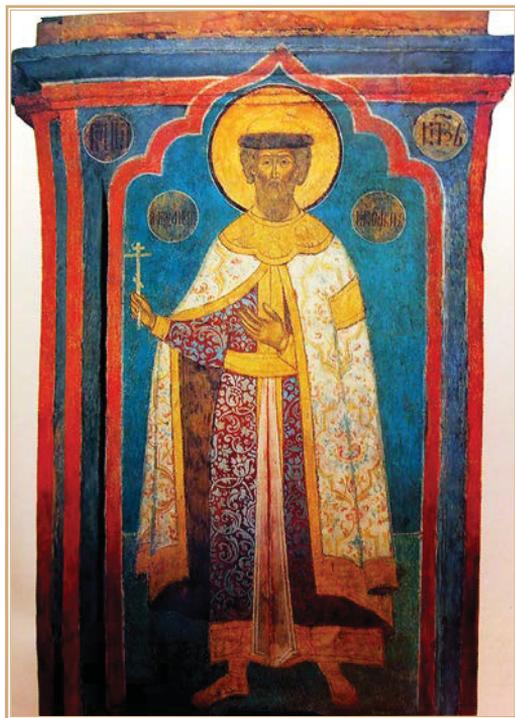
¹⁶ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 197 (№ 133); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 27, 29.

¹⁷ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 17, 25.

¹⁸ Там же. № 12.

¹⁹ Маштафаров А.В. Вновь открытые монастырские акты... С. 39–40 (№ 1).

²⁰ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 195 (№ 107–108), с. 201 (№ 158); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 43.

Святой Александр Невский. Фреска, 1666 г.
Москва, Кремль, Архангельский собор, роспись юго-восточного столпа

этих родов приняли постриг в стенах Владимирского Рождественского монастыря²¹. Статус в миру большинства его насельников, как, впрочем, и насельников иных монастырей, неизвестен.

Нетрудно заметить, что в случае с вкладчиками и некоторой частью иноков речь шла далеко о не самых значительных и состоятельных родах русской знати рассматриваемого периода. Среди них редко можно встретить роды уровня Государева двора и тем более Боярской думы. Как правило, речь шла о родах сравнительно небогатых служилых землевладельцев. Подобных родов в каждом уезде было по несколько десятков. Счет таким служилым людям в России XVI в. шел на десятки тысяч. Очевидно, что в случае с вкладчиками этой обители (разумеется, за исключением великих князей) речь не идет о родах, представители которых занимали высшие ступени в служебной иерархии Московской Руси XVI в.²² Среди

²¹ Напр., А.И. Басаргин, Варлаам (Сущев) и кн. А.И. Ковров (см.: *Кустерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь...* № 10, 12, 15).

²² Единственное известное нам исключение — относящийся к самому концу XVI в. (к 25 декабря 1599 г.) вклад князя Ивана Шуйского (серебряная чаша для освящения воды весом в 13 фунтов 30 золотников) (см.: *Тихонравов К.Н. Владимирский Рождественский монастырь...* С. 68–69).

знатных лиц, связанных с монастырем, мы не находим князей Бельских, Мстиславских, Воротыньских, Сицких, Курбских, а также Романовых, Шереметевых, Морозовых или Сабуровых. Статус ктиторов владимирской обители существенно ниже²³. Очевидно, что с точки зрения статуса иноков и вкладчиков Владимирский Рождественский монастырь трудно поставить в один ряд как с мужскими монастырями — Чудовым, Симоновым, Кирилло-Белозерским и тем более Троице-Сергиевым²⁴, — так и с женскими — суздальским Покровским и столичным Новодевичьим²⁵.

Роль в церковном управлении

Занимаемая сначала 1-я, затем 2-я строка в иерархии монастырей обеспечивала архимандриту владимирской обители *de facto* статус «постоянного» члена Освященного собора, который в XVI в. отличал лишь архиереев и настоятелей очень немногих монастырей (Троице-Сергие-

²³ В силу сравнительно плохой сохранности архива владимирской обители (об этом, напр., см.: *Кистерев С.Н.* Владимирский Рождественский монастырь... С. 90) сравнивать ее экономические возможности с другими монастырями на данном этапе не представляется возможным.

²⁴ О социальном и персональном составе лиц, связанных с этими обителями, см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977; *Ивина Л.И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979; *Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г.* / Подг. текста С.Н. Богатырева. М., 1996; *Dykstra T.E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006; *Дайкстра Т.* Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 238–298; *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009; *Дмитриева З.В.* Старцы-вкладчики Кирилло-Белозерского монастыря (1540–1610-е годы) // Историк и источник: сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. М.; СПб., 2018. С. 238–255; *Добровольская М.В.* Московская знать по антропологическим материалам некрополя Чудова монастыря // Археология Московского Кремля. Раскопки 2016–2017 гг. М., 2018. С. 130–137; *Алексеев А.И.* Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 5–239.

²⁵ О составе их вкладчиков и насельниц см.: *Марголина Т.А.* К вопросу о связи московского боярства с Новодевичьим монастырем // Новодевичий монастырь в русской культуре. Мат. науч. конф. 1995 г. М., 1998 (Труды ГИМ. Вып. 99). С. 70–72; *Шведова М.М.* Царицы-инокини Новодевичьего монастыря // Там же. С. 73–93; *Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV — начало XVII в.* М., 1998; *Курганова Н.М.* Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007. С. 35–62; *Акты Покровского суздальского Девичьего монастыря XVI — начала XVII века.* М., 2019.

ва, Новоспасского, Симонова и Чудова). В некоторых случаях настоятель владимирской обители не принимал участие в работе Собора, что, впрочем, в большинстве случаев, по-видимому, обуславливалось отсутствием архимандрита в самом монастыре в данный момент²⁶.

Конечно, влияние обители на церковное управление определялось не только участием ее настоятеля в работе Освященного собора. Порой гораздо важнее было общее число выходцев из этой обители, ставших настоятелями других монастырей и архиереями. Например, именно многочисленные выходцы из Иосифо-Волоколамского монастыря, возглавившие целый ряд монастырей и кафедр, долгие годы обеспечивали ему определяющую роль в церковном управлении²⁷. Сколько руководителей Русской церкви вышло из стен Владимирского Рождественского монастыря?

В 1517–1531 гг. Суздальскую кафедру занимал Геннадий. Ранее на протяжении ряда лет он являлся архимандритом владимирской обители. До этого Геннадий возглавлял московский Богоявленский монастырь. Согласно Макарию (Веретенникову), он мог являться его постриженником²⁸. Судя по всему, Геннадий возглавил владимирскую обитель около 1510/11 г. В этом году Василий III адресовал грамоту «в монастырь строителю с братиею»²⁹ (т.е. архимандрита в обители в этот период, по-видимому, не было). Не позднее июня 1511 г. Геннадий уже точно являлся архимандритом Владимирского Рождественского монастыря. К этому времени относится его вклад Сударя в Архангельский собор Московского Кремля³⁰.

Есть основания предполагать, что из стен владимирского монастыря вышел еще один суздальский владыка — Пафнутий, занимавший кафедру в 1567–1569 гг. Архимандрит данной обители с именем Пафнутий фиксируется под 1565/66 г.³¹ и в апреле 1566 г.³² Учитывая то, что в пе-

²⁶ Так, по-видимому, на момент составления Приговорной грамоты Собора 1566 г. во владимирской обители не было настоятеля. Подробнее об этом см.: Усачев А.С. О составе Освященного собора в 1566 г. // Представительные институты в России в контексте европейской истории. XV — середина XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 2017. С. 110–115.

²⁷ Подробнее см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 281–319; Усачев А.С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97–113.

²⁸ О нем подробнее см.: Макарий (Веретенников). Суздальский епископ Геннадий 1517–1531 гг. // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 215–222.

²⁹ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 188 (№ 47).

³⁰ Маясова Н.А. Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М., 2004. С. 106–107 (№ 13).

³¹ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... С. 111 (№ 18).

³² Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 662.

речне соборных старцев Владимирского Рождественского монастыря 1559/60 г. Пафнутия нет³³ (как правило, настоятелем становился кто-то из них), можно предположить, что, скорее всего, он прибыл во Владимир, как и Геннадий, «со стороны» (возможно, из московской или подмосковной обители).

С 1578 по 1602 г. Тверскую кафедру занимал Захария. Ранее — между 1572/73 г. и осенью 1578 г. — он являлся архимандритом Владимирского Рождественского монастыря³⁴.

Пожалуй, самым известным выходцем из монастыря стал вологодский (1588–1603 гг.), а позднее (1603 — ок. 1604–1605 гг.) ростовский владыка Иона (Думин). Это единственный из настоятелей Владимирского Рождественского монастыря, о котором точно известно, что он являлся его постриженником (постриг он принял у Захарии). В роли архимандрита Иону (Думина) источники фиксируют с 1580 г.³⁵ по 1587/88 г.³⁶ (учитывая упоминание под 18 марта 1585 г. архимандрита Германа³⁷, можно предположить, что Иона возглавлял монастырь с некоторым перерывом; не позднее 22 сентября 1586 г. он вновь стал архимандритом³⁸).

Весьма тернистым был путь Варлаама (Рогова) к Ростовской кафедре, которую он занимал в 1587–1603 гг. Будучи уроженцем Карелии, он возглавлял с перерывами несколько обителей: в 1560, 1563–1564 и 1584–1587 гг. — Кирилло-Белозерский, в 1569 г. — около 1580 г. Соловецкий, в 1583 г. — Зосимов Ворбозомский Благовещенский и в 1583–1584 гг. — Владимирский Рождественский монастыри. На Ростовскую кафедру он был поставлен из кирилловских игуменов³⁹. Очевидно, что Варлаама, связанного в большей степени с обителями Севера страны, нежели ее Центра, в полной мере выходцем из Владимирского Рождественского монастыря именовать трудно. Эта обитель была лишь одной из многочисленных остановок на его весьма длительном пути к кафедре.

³³ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 15.

³⁴ О нем см.: Макарий (Веретенников). Захария // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 695.

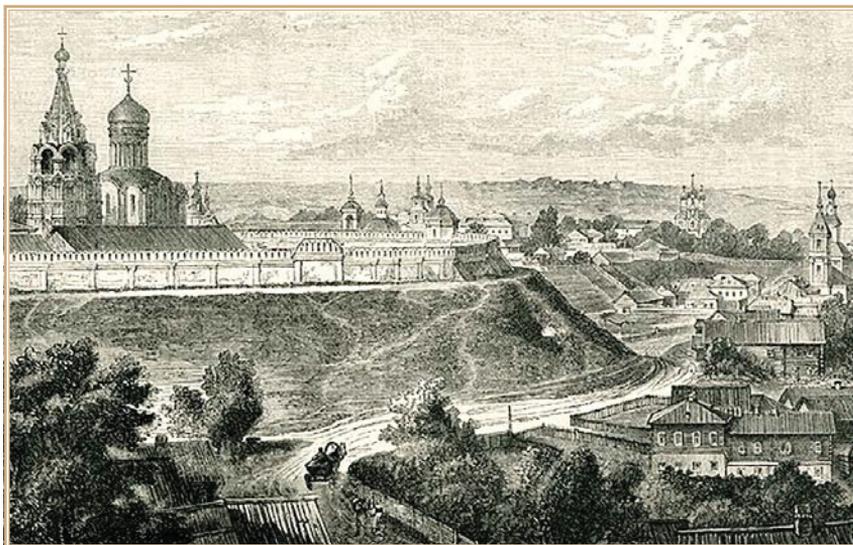
³⁵ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 59 (№ 40); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 29.

³⁶ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 199 (№ 142) (14 февраля 1587 г.); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 34 (1587/88 г.).

³⁷ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 31.

³⁸ Там же. № 33.

³⁹ Основные факты биографии Варлаама см.: Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Варлаам (Рогов) // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 597–598.

Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Гравюра XIX в.

Как видим, за рассматриваемый период из стен Владимирского Рождественского монастыря вышло пять архиереев (с учетом Варлаама)⁴⁰. Принимая во внимание то, что, согласно нашим подсчетам, в XVI в. кафедры занимали 122 лица (некоторые возглавляли последовательно две и более кафедр), это не так мало. Однако, оценивая степень влияния владимирской обители на управление Русской церковью, следует обратить внимание на ряд обстоятельств.

Во-первых, ставшие архиереями выходцы из владимирской обители по своему числу существенно уступают выходцам из главных «кузниц» архиереев XVI в. — Иосифо-Волоколамского (не менее 18 архиереев), Троице-Сергиева (не менее 11) и Кирилло-Белозерского (не менее 10) монастырей.

Во-вторых, обратим внимание на статус занимаемых кафедр. «Владимирцы» возглавляли Ростовскую, Тверскую, Суздальскую и Вологодскую кафедры. При всей их значимости по своему статусу они значительно уступали Всероссийской, Новгородской и Казанской кафедрам, а по реальному влиянию на управление Церковью — Крутицкой (ее архиерей,

⁴⁰ Руководителей значимых обителей, которые бы происходили из стен Владимирского Рождественского монастыря, нам выявить не удалось. Конечно, в условиях горизонтальной мобильности населения (вопрос о ее масштабах требует отдельного исследования) некоторые иноки владимирской обители уходили в другие, подчас занимая там весьма заметное место. Так, известен постриженник Владимирского Рождественского монастыря Дорофей, который 15 марта 1549 г. упоминается в роли казначея столичного Чудова монастыря (см.: *Кистерев С.Н.* Владимирский Рождественский монастырь... № 11).

фактически будучи вторым московским архиереем, являлся ближайшим помощником руководителя Русской церкви в управлении обширной Митрополичьей (позднее — Патриаршей) областью⁴¹).

В-третьих, обратим внимание на то, что три выходца из пяти — Захария, Иона (Думин) и Варлаам (Рогов) — заняли кафедры в конце 70-х — 80-е гг. Речь шла о периоде резкого ослабления Иосифо-Волоколамского монастыря и некоторых других значимых обителей Центра страны. В период эпидемий рубежа 60–70-х гг. XVI в. они потеряли значительное число насельников, тем самым значительно облегчив путь к занятию кафедр выходцам из других обителей⁴². При «нормальной» ситуации кафедры занимали, как правило, выходцы из монастырей Москвы и Подмосковья.

В-четвертых, обратим внимание на то, что, судя по всему, значительная часть — возможно, все (за исключением, конечно, Ионы Думина) архимандриты являлись «мигрантами»⁴³. По крайней мере, Геннадий и Варлаам (Рогов) являлись выходцами из других обителей; относительно происхождения Пафнутия и Захария трудно сказать что-либо определенное. Судя по всему, руководство (как правило, относительно непродолжительное) Владимирским Рождественским монастырем, занимавшим 1–2-е место в иерар-

⁴¹ Особое положение крутицкого владыки, в частности, закрепляет гл. 68 Стоглава (см.: *Емченко Е.Б.* Стоглав: исследование и текст. М., 2000. С. 360).

⁴² О влиянии эпидемий на ослабление ряда монастырей Центра страны, а также на изменение структуры епископата Русской церкви последней трети XVI в. см.: *Усачев А.С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония»... С. 109–113; *Он же.* Вологодский епископ Антоний и Русская Церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // *Российская история.* 2018. № 6. С. 136–146; *Он же.* Книгописание и проблемы социально-экономического развития в России XVI в. // *Российская история.* 2019. № 6. С. 190.

⁴³ Возможно, с этим связано то, что единственным известным нам выходцем из Владимирского Рождественского монастыря, который, заняв кафедру, не порывал с ним связь, являлся Иона (Думин). Известно, что он, с одной стороны, «бил челом» государю, защищая его имущественные интересы (см.: *Кистерев С.Н.* Владимирский Рождественский монастырь... № 41). С другой — Иона сделал в обитель целый ряд вкладов — деньгами, книгами и церковной утварью (см.: *Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря* // *Труды Владимирского губернского статистического комитета.* Владимир, 1864. Вып. 3. С. 9–10; *Флоря Б.Н.* О реконструкции состава древнерусских библиотек // *Древнерусское искусство.* Рукописная книга. Сб. 1. М., 1972. С. 57–59; *Буланин Д.М.* Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // *Труды отдела древнерусской литературы.* Л., 1981. Т. 36. С. 73–74, 77–78; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 170–200; *Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 345–350). Кроме того, на средства Ионы (на тот момент ростовского митрополита) в монастыре была построена надвратная церковь стоимостью 250 руб. (см.: *Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря.* С. 10).

хии, для них всех или какой-то их части являлось значимым карьерным «трамплином» перед занятием какой-либо кафедры. Известно, что в XVI в. сходную функцию выполняли и другие исключительно статусные монастыри — столичные Новоспасский (3-е место в иерархии) и Симонов (4–5-е). Их архимандритами становились пользовавшиеся покровительством влиятельных духовных и светских лиц выходцы из менее статусных монастырей (Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, старицкого Успенского, костромского Ипатьева), прокладываявшие себе тем самым путь к занятию значимых кафедр. Это в свою очередь означает, что какой-либо самостоятельной влиятельной группы владимирская обитель не создала.

История обители

Владимирский Рождественский монастырь являлся одним из старейших в Северо-Восточной Руси⁴⁴. Он был основан владимирским князем Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо в конце XII в. Огромное значение имело и место расположения монастыря. Он находился в главном городе великокняжеского домена, за обладание которым московские князья вели длительную и напряженную борьбу.

Трудно сомневаться в том, что расположенный в древней столице великого княжения, пусть и потерявшей свой реальный административный, экономический и тем более политический «вес», монастырь многие годы в традиционном обществе эпохи Средневековья выглядел гораздо более выигранно по сравнению с относительно недавно основанными монастырями, даже располагавшими немалым влиянием. Очевидно, что с точки зрения древности с Владимирским Рождественским монастырем за редкими исключениями⁴⁵ иные наиболее значительные обители России рассматриваемого периода в одном ряду не стояли. Они были, по меркам того времени, еще слишком «молоды»: Троице-Сергиев монастырь был основан в середине XIV в., Чудов — в 1360-е гг., Симонов — в 1370-е гг., Кирилло-Белозерский — в 1390-е гг., Пафнутьев Боровский — в 1440-е гг., Иосифо-Волоколамский — в 1470-е гг.

Однако одной истории было мало для сохранения статуса и положения. Пример исключительно «молодого» монастыря — Иосифо-Во-

⁴⁴ Подробнее об истории обители см.: *Тихонравов К.Н.* Владимирский Рождественский монастырь... С. 5–18.

⁴⁵ Новгородские Юрьев, Антоньев (основаны не позднее первой четверти XII в.) и Спасо-Хутынский (середина XII в.) монастыри.

Вид церкви Рождества Пресв. Богородицы.
До возобновления. Изображение XIX в.

локоламского — за три-четыре десятилетия после своего основания занявшего ключевую роль в церковном управлении, показывает, что только длительной и славной истории еще было недостаточно для удержания обителью своих позиций. Требовались иные преимущества.

Главная святыня

Особый авторитет монастыря обеспечивала уникальная святыня, дающая ему возможность стать главным центром ее почитания. Такой святыней для Владимирского Рождественского монастыря стали мощи едва ли не самого прославленного великого князя владимирского XIII в., младшему сыну которого было суждено основать династию московских государей. Особое внимание к Александру Ярославичу в рассматриваемый период определялось соображениями церковного и политического порядка. Очевидно, что для русского государя, в 1547 г. принявшего царский (по сути, императорский) титул, поставивший его в один ряд с правителями Римской и Византийской империй, наличие святого среди его прямых предков имело исключительное значение. Обратим внимание на ряд обстоятельств.

Вид церкви Рождества Пресв. Богородицы.
По возобновлению по Высочайшему Повелению. *Изображение XIX в.*

Во-первых, прочие достаточно давно почитаемые святыми предки московских государей — киевские князья Ольга и Владимир — положили начало многим династиям. Среди их потомков были как московские князья, перешедшие к ним на службу потомки суздальских, ярославских, белозерских, тверских и черниговских князей, так и целый ряд родов, представители которых проживали на территории главного противника Русского государства в конце XV — в XVII в. — Польско-Литовского государства (с 1569 г. — Речи Посполитой).

Во-вторых, самые популярные, если судить по числу освященных церквей, русские святые — князья-мученики Борис и Глеб⁴⁶, — а также некоторые другие святые князья (Всеволод Псковский, Евфросиния Полоцкая и др.) к числу прямых предков московских государей не принадлежали. Конечно, наличие святого князя в роду потомков крестителя Руси Владимира — святого «сродника» московского государя, пусть и не являвшегося его прямым предком, — повышало авторитет династии в целом. С этим и была связана предпринятая вскоре после принятия царского титула Иваном IV автором Степенной книги (рубеж 50–60-х гг. XVI в.)

⁴⁶ Мельник А.Г. Самые популярные русские святые... С. 83–84.

попытка в рамках одного произведения исторической литературы собрать все известные памятники княжеской агиографии и приближенные к ним по стилистике произведения. В памятник были включены Жития Ольги, Владимира, Бориса и Глеба, Николая Святоши, Всеволода Псковского, Евфросинии Полоцкой, Александра Невского. Рассказы о многих других князьях, еще не причтенных к лику святых — в первую очередь о прямых предках Ивана IV, также были выдержаны в агиографических тонах и при наличии соответствующего материала сопровождалась похвалой и чудесами⁴⁷. В сходной тональности были выполнены и иконографические портреты русских государей в росписи Архангельского собора Московского Кремля⁴⁸.

В-третьих, следует отметить, что почитание непосредственно московских князей — прямых предков Ивана IV — еще только начиналось. Это касалось как первых московских князей⁴⁹, так и отца первого русского царя — Василия III⁵⁰. Конечно, представляя выполненные в агиографических тонах портреты русских князей, некоторые книжники XVI в. выражали надежду на то, что их святость будет признана «еще не здесь, то в будущий век» (Степенная книга)⁵¹. Эта оговорка, впрочем, не могла заслонить очевидный факт: до официально признанной Освященным собором Русской церкви святости, конечно, было еще очень далеко⁵².

В-четвертых, интерес к Александру Невскому подогревался и сложной внешнеполитической ситуацией середины — второй половины XVI в. В условиях тяжелейшего противостояния с осколками Золотой Орды — Казанским и Крымским ханствами, а также начала Ливонской

⁴⁷ Подробнее см.: *Lenhoff G. Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus' // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 391–416; Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 375–393.*

⁴⁸ *Сизов Е. С. «Воображены подобия князей»: Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969; Самойлова Т. Е. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004.*

⁴⁹ Об этом подробнее см.: *Lenhoff G. Unofficial Veneration... С. 391–416.*

⁵⁰ Напр., см.: *Розов Н. Н. Похвальное слово великому князю Василию III // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 278–289; Самойлова Т. Е. Новооткрытый «портрет» Василия III и идея святости государя и государева рода // Искусствознание. 1/99. С. 39–58.*

⁵¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 334.

⁵² Достаточно вспомнить, что отдельные московские князья были канонизированы в XVII в. (основатель династии Даниил Александрович), другие лишь в конце XX в. (Дмитрий Донской) или даже в начале XXI в. (Евдокия-Евфросиния), а большинство не были канонизированы вовсе.

войны фигура являвшегося прямым предком Ивана IV непобедимого полководца, одерживавшего победы над шведами и немцами, умевшего договариваться с татарами, служила зримым примером для подражания первого русского царя. Не случайно в 1550 г., отправляясь в очередной казанский поход, Иван IV посетил именно Владимирский Рождественский монастырь, в котором помолился у гроба своего прародителя⁵³, а также принял меры по восстановлению целого ряда владимирских святынь⁵⁴. Внешнеполитическая актуальность образа Александра остро ощущалась и полтора столетия спустя. Так, в 1723 г. далеко не самый богомольный русский государь — Петр I — приказал перенести мощи великого князя из владимирской обители в специально основанную в новой столице Александро-Невскую лавру.

Очевидно, что почитание Александра имело особое значение для великого князя владимирского, а позднее московского. Вместе с тем следует отметить, что, судя по всему, Александр даже спустя какое-то время после его канонизации не входил в число наиболее почитаемых святых в России XVI в. Так, например, А.Г. Мельник, представивший сводку сведений о случаях посвящения церквей во имя русских святых в XVI в., Александра Невского не отнес к числу 11 наиболее известных русских святых⁵⁵. Конечно, отчасти это можно связывать со сравнительно поздней канонизацией Александра Невского — умерший в 1263 г. князь был прославлен лишь на Соборе 1547 г., состоявшемся почти одновременно с венчанием Ивана IV на царство. При этом, однако, нельзя не заметить, что в XVI в. известно немало число церквей, освященных во имя Зосимы и Савватия Соловецких, также причтенных к лику святых в 1547 г.⁵⁶ Первые известные случаи освящения церквей во имя Александра Невского относятся лишь к концу XVI — началу XVII в.⁵⁷

Конечно, в ситуации, когда почитание владимирского князя еще не слишком широко распространилось по стране, ключевая роль в формировании культа принадлежала обители, в стенах которой покоились его мощи. В актах начиная с XIV в., исходящих от столичных светских и церковных властей, монастырь прочно связывался с фигурой Алексан-

⁵³ Лицевой летописный свод. Кн. 8: Шумиловский том, научный аппарат. М., 2006. С. 73; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М., 2008. С. 270.

⁵⁴ Подробнее см.: *Сиренов А.В.* Александр Невский... С. 372–373.

⁵⁵ См.: *Мельник А.Г.* Самые популярные русские святые... С. 83–84.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Сиренов А.В.* Александр Невский... С. 376.

дра. В документе 1399 г., подтверждающем вклады московских князей в монастырь, он именуется «монастырем Рождества святяга Богородица в Володимери и гробом деда... [московского князя. — А.У.] великого князя Александра»⁵⁸. «Гробом великого князя Александра» обитель именуется и позднее⁵⁹. Во второй половине XVI в. — уже после канонизации Александра — в актах Владимирский Рождественский монастырь именуется «домом Рождества Пречистой и чудотворца/великого чудотворца Александра Невского»⁶⁰. В актах более раннего времени речь шла о монастыре «Пречистой Рождества монастыре», доме «Рождества Пречистой Владимирской», «Пречистой во Владимире» и т.д.⁶¹

Именно с Владимирским Рождественским монастырем было связано происхождение главных литературных памятников, посвященных Александру Невскому. В его стенах уже в 80-е гг. XIII в. была составлена Повесть о Житии Александра. Там же написаны Служба и Слово похвальное. Последнее в середине XVI в. было включено в главный агиографический свод Московской Руси — в Великие Четьи-Минеи. Они составлялись по поручению митрополита Макария — главного идейного вдохновителя венчания Ивана IV на царство. Несколько лет спустя на основе Слова похвального было создано Житие Александра Невского для Степенной книги. В 1591 г. с привлечением рассказа об этом князе, представленного в Степенной книге, несомненный выходец из владимирской обители Иона (Думин) составил Пространную редакцию Жития.

С особым вниманием к фигуре Александра великих князей следует связывать и их вклады во владимирскую обитель, которую, как отмечалось выше, не жаловали своим вниманием представители крупных боярских родов. На протяжении всего XVI в. московские государи не забывали обитель, в которой заботливо хранились мощи их предка. В 1505 г. великий князь Василий III дал монастырю «на Высокой реке деревни и починки»⁶². В 1551/52 г. его сын дал другой крупный вклад — 900 руб. «по опальных людях», а также еще 250 руб. «да десять кобылиц ногайских за 50 руб.»⁶³. Спустя несколько лет по царице Марии Темрюковне

⁵⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. С. 118 (№ 86).

⁵⁹ Напр., см.: Там же. Т. 3. С. 119 (№ 87) (1430-е гг.).

⁶⁰ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 20, 22, 25–27, 29, 31–34, 37, 38, 40, 42–43.

⁶¹ Там же. № 3, 4, 6 и др.

⁶² Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря. С. 7.

⁶³ Там же. С. 7–8.

был дан вклад в 70 руб.⁶⁴ Царь Федор Иванович в 1594/95 г. дал Владимирскому Рождественскому монастырю земельные владения⁶⁵. Впрочем, эти вклады уступали по своему размеру тем вкладам, которые поступали в Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри. Реальный «вес» владимирского монастыря понемногу снижался, но формальный статус в иерархии удерживался еще очень долго.

* * *

Подводя итоги, зафиксируем, что как формальный статус, так и реальный «вес» монастыря складывался из ряда факторов. Главными среди них были статус вкладчиков и постриженников, влияние выходцев из обители на церковное управление, история обители и святыни, которыми она располагала. По сути, во всех монастырях эти факторы были одинаковыми. Различался лишь их удельный вес. Если влияние такого относительно «молодого» монастыря, как Иосифо-Волоколамский, основывалось в первую очередь на активности его постриженников, игравших значимую роль в церковном управлении, и отчасти поддержке ктиторов, то статус владимирской обители обеспечивался иными ресурсами. Исключительно высокое — сначала 1-е, затем 2-е место Владимирского Рождественского монастыря в церковной иерархии не было связано с составом вкладчиков и братии или с какой-то исключительной активностью выходцев из обители. Особое положение обители определялось, во-первых, ее древностью, во-вторых, прославлением своей главной святыни — мощей святого государя, по сути, являвшегося основателем правящей династии.

⁶⁴ Там же. С. 8.

⁶⁵ Там же.

REFERENCES

1. Akty Pokrovskogo suzdaľ'skogo Devich'eva monastyrya XVI — nachala XVII veka [Acts of the Pokrovsky woman's monastery in Suzdal of the XVI — beginning of the XVII centuries]. M., 2019.
2. Akty Rossijskogo gosudarstva. Arhivy moskovskih monastyrej i soborov, XV — nachalo XVII v. [Acts of the Russian State. Archives of the Moscow monasteries and cathedrals, the XV — beginning of the XVII cc.]. M., 1998.
3. Akty social'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV — nachala XVI v. [The acts of the social-economic history of the North-Eastern Russ of the end of XIV — the beginning of XVI c.]. Vol. 3. M., 1964.
4. *Alekseev A.I.* Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremle [Necrology of the Chudov Monastery in the Kremlin] // Vestnik cerkovnoj istorii. 2019. № 3–4 (55–56). P. 5–239.
5. *Antonov A.V.* Votchinnye arhivy vladimirskih monastyrej i soborov XIV — nachala XVII v. [Manorial archives of monasteries and cathedrals of Vladimir, the XIV — beginning of the XVII cc.] // Russkij diplomatarij. M., 1998. Vyp. 4. P. 181–219.
6. *Bulanin D.M.* Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' kak kul'turnyj centr Drevnej Rusi [Vladimir Rozhdestvensky Monastery as a Cultural Center of Old Rus'] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. L., 1981. T. 36. P. 71–79.
7. *Daystra T.* Inocheskie imena v Moskovskoj Rusi i problemy identifikacii ih obladatelej (na materiale istochnikov Iosifo-Volokolamskogo monastyrya, 1479–1607) [Monastic names in Moscow Russia and the problems of identification of holders (based on the sources from Joseph-Volokolamsk Monastery, 1479–1607)] // Imenoslov. Istoricheskaya semantika imeni. Vyp. 2. M., 2007. P. 238–298.
8. *Daystra T.E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006.
9. *Dmitrieva Z.V.* Starcy-vkladchiki Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1540–1610-e gody) [Startsy-contributors of Kirillo-Belozersky Monastery (1540–1610)] // Istorik i istochnik: sb. st. k yubileyu Sergeya Nikolaevicha Kistereva. M.; SPb., 2018. P. 238–255.

10. *Dobrovol'skaya M. V.* Moskovskaya znat' po antropologicheskim materialam nekropolya Chudova monastyrya [Moscow nobility according to anthropological materials from the necropolis of the Chudov Monastery] // *Arheologiya Moskovskogo Kremlya. Raskopki 2016–2017 gg.* М., 2018. P. 130–137.
11. *Emchenko E. B.* Stoglav: issledovanie i tekst [Stoglav: Study and Text]. М., 2000.
12. *Florya B. N.* O rekonstrukcii sostava drevnerusskikh bibliotek [About the reconstruction of the Old Russian libraries structure] // *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga. Sb. 1.* М., 1972. P. 52–59.
13. *Hozyajstvennye knigi Chudova monastyrya 1585/86 g.* [Household books from chudov Monastery 1585/86] / Podg. teksta S. N. Bogatyreva. М., 1996.
14. *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Brill; Leiden; Boston, 2006.
15. *Ivina L. I.* Krupnaya votchina Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV — pervoj poloviny XVI v. [Large Votchina of North-East Russia at the end of the XIV — first half of the XVI cc.]. L., 1979.
16. *Kisterev S. N.* Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' v dokumentah XVI — nach. XVII v. [The Nativity Monastery in Vladimir depicted in the documents of the XVI — beginning of the XVII cc.] // *Russkij diplomatarij.* М., 2000. Vyp. 6. P. 90–147.
17. *Kloss B. M.* Izbrannye trudy [Selected Works]. Vol. 1. М., 1998.
18. *Konyavskaya E. L.* Aleksandr Nevskij v istoricheskikh istochnikah [Alexander Nevsky as depicted in historical sources] // *Aleksandr Nevskij. Gosudar', diplomat, vojn. Kollektivnaya monografiya. Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet)* [Aleksandr Nevskij as ruler, diplomat, warrior. Collective monography. Moscow State Institute of International Relations]. М., 2010. P. 209–218.
19. *Konyavskaya E. L.* Obraz Aleksandra Nevskogo v rannih letopisyah Alexander Nevsky depicted in Russian chronicles // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2009. № 2 (36). P. 55–63.
20. *Kurganova N. M.* Stranicy istorii nekropolya goroda Suzdalya [Pages from the history of necropolis of the city of Suzdal]. М., 2007.
21. *Lenhoff G.* Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus' // *Moskovskaya Rus' (1359–1584): kul'tura i istoricheskoe samosoznanie.* М., 1997. P. 391–416.
22. *Licevoj letopisnyj svod. Kn. 8: Shumilovskij tom, nauchnyj apparat* [The «Illuminated Chronicle». Book 8]. М., 2006.

23. *Makarij (Veretennikov)*. Suzdal'skij episkop Gennadij 1517–1531 gg. [Macarius (Veretennikov). Gennady, Bishop of Suzdal 1517–1531]// Vestnik cerkovnoj istorii. 2007. № 2. P. 215–222.
24. *Makarij (Veretennikov)*. Zahariya [Macarius (Veretennikov). Zahariya]// Pravoslavnaya enciklopediya. T. 19. M., 2008. P. 695.
25. *Mansikka V.P.* Zhitie Aleksandra Nevskogo (Razbor redakcij i tekst) [The Life of Alexander Nevsky (analysis of the edition and texts)]. M., 1913.
26. *Margolina T.A.* K voprosu o svyazi moskovskogo boyarstva s Novodevich'im monastyrem [To the question of a connection between the boyars of Moscow and Novodevichiy Monastery]// Novodevichij monastyr' v russkoj kul'ture [Novodevichiy Monastery in Russian culture]. Mat. nauch. konf. 1995 g. M., 1998 (Trudy GIM. Vyp. 99). P. 70–72.
27. *Mashtafarov A.V.* Vnov' otkrytye monastyrskie akty XV — nachala XVII v. [The newly discovered monastery acts from the XV — beginning of the XVII cc.]// Russkij diplomatarij. M., 1998. Vyp. 4. P. 36–52.
28. *Mayasova N.A.* Drevnerusskoe licevoe shit'e [Old Russian Embroidery]. Katalog. M., 2004.
29. *Mel'nik A.G.* K istorii pochitaniya sv. Sergiya Radonezhskogo v XVI v. [On the history of honouring of Sergius of Radonezh in the XVI c.] // Troice-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i duhovnoj zhizni Rossii [Trinity Lavra of St. Sergius in history, culture and spiritual life of Russia]. Sergiev Posad, 2012. P. 23–31.
30. *Mel'nik A.G.* Pochitanie Sergiya Radonezhskogo v russkih monastyryah XVI v. [Honouring of St. Sergius of Radonezh in Russian monasteries in the XVI c.]// Voprosy istorii. 2015. № 1. P. 152–156.
31. *Mel'nik A.G.* Samye populyarnye russkie svyatye v XVI v. [The most popular Russian saints in the XVI c.] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2011. № 3 (45). P. 83–84.
32. *Nikolaeva P.V.* Troice-Sergiev monastyr' v XVI — nachale XVIII v. Vklady, vkladchiki, sostav monasheskoj bratii [The Trinity Monastery of St. Sergius in the 16th Through Early 18th Centuries. Investments, Investors, and the Composition of the Brethren]. Sergiev Posad, 2009.
33. *Parfent'ev N.P., Parfent'eva N.V.* Varlaam (Rogov) // Pravoslavnaya enciklopediya. T. 6. M., 2003. P. 597–598.
34. *Rozov N.N.* Pohval'noe slovo velikomu knyazyu Vasiliyu III [Commendation of the Grand Prince Vasily III]// Arheograficheskij ezhegodnik za 1964 god. M., 1965. P. 278–289.
35. *Samojlova T.E.* Knyazheskie portrety v rospisi Arhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremlya [The Images of Princes in Murals of Archangel

- Michael Cathedral of the Moscow Kremlin]. Ikonograficheskaya programma XVI veka. M., 2004.
36. *Samojlova T.E.* Novootkrytyj «portret» Vasiliya III i ideya svyatosti gosudarya i gosudareva roda [The newly discovered «image» of Vasily III and the idea of holiness of the ruler and his family] // *Iskusstvoznanie*. 1/99. P. 39–58.
  37. *Shenk F.B.* Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroj (1263–2000) [Alexander Nevsky in the Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, National hero]. M., 2007.
  38. *Shvedova M.M.* Caricy-inokini Novodevich'ego monastyrya [Princesses-nuns at Novodevichy Convent]// *Novodevichij monastyr' v russkoj kul'ture* [Novodevichy Convent in Russian Culture]. Mat. nauch. konf. 1995 g. M., 1998 (Trudy GIM. Vyp. 99). P. 73–93.
  39. *Sirenov A.V.* Aleksandr Nevskij v kul'ture Rossii Srednevekov'ya i Novogo vremeni [Alexander Nevsky in the medieval and the new time history of Russia]// *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk*. 2016. M., 2017. P. 368–380.
  40. *Sirenov A.V.* Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv. [The Book of Degrees and Russian historical thought of the XVI–XVIII cc.]. M.; SPb., 2010.
  41. *Sizov E.S.* «Voobrazheny podobiya knyazej»: Stenopis' Arhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremlya [«Depicting similarities of the princes»: Murals of Archangel Michael Cathedral of the Moscow Kremlin]. L., 1969.
  42. *Stepennaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam* [The Book of Degrees of the Tsar Genealogy]. T. 1. M., 2007.
  43. *Stepennaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam* [The Book of Degrees of the Tsar Genealogy]. T. 2. M., 2008.
  44. *Stroev P.M.* Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej rossijskoj cerkvi [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. SPb., 1877.
  45. *Tihonravov K.N.* Vladimirskij Rozhestvenskij monastyr' XII veka, gde pochivali sv. moshchi v. k. Aleksandra Nevskogo, do pereneseniya v S.-Peterburg [Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir in the XII c., where the saint relics of Alexander Nevsky rested before transition to St. Petersburg]. Vladimir, 1869.
  46. *Tihonravov N.S.* Drevnie zhitiya prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo [Ancient Life of St. Sergius of Radonezh]. M., 1892.
  47. *Trudy Vladimirskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Proceedings of the Vladimir statistical governorate committee]. Vladimir, 1864. Vyp. 3. P. 1–46.
  48. *Usachev A.S.* Knigopisanie i problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossii XVI v. [The production of manuscripts and the problems of social

- and economic development of Russia in the 16th century] // Rossijskaya istoriya. 2019. № 6. P. 180–201.
49. *Usachev A.S.* Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannyh vyhodnyh zapisej [The Writing of books in Russia in the 16th Century: on Materials of Dated Colophons]. T. 1. M.; SPb., 2018.
  50. *Usachev A.S.* O sostave Osvyashchennogo sobora v 1566 g. [On Participants of the 1566 Osvyashchennii sobor (Church Council in 1566)]// Predstavitel'nye instituty v Rossii v kontekste evropejskoj istorii. XV — seredina XVII v. / Otv. red. V.D. Nazarov. M., 2017. P. 101–117.
  51. *Usachev A.S.* Pochemu zakonchilas' «volokolamskaya gegemoniya» v Russkoj cerkvi XVI v.? [Why did the «Volokolam hegemony» in the Russian church of the 16th century come to an end?] // Rossijskaya istoriya. 2017. № 5. P. 97–113.
  52. *Usachev A.S.* Steppennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya [The Book of Royal Degrees and Old Russian Book Culture of the Time of Metropolitan Makarii]. M.; SPb., 2009. P. 375–393.
  53. *Usachev A.S.* Vologodskij episkop Antonij i Russkaya Cerkov' v period bor'by za vlast' pri dvore v seredine 1580-h gg. [St. Anthony Bishop of Vologda and Russian Church during the period of struggle for power at court in the middle of 1580s] // Rossijskaya istoriya. 2018. № 6. P. 136–146.
  54. Vkladnaya kniga vladimirskogo Rozhdestvenskogo monastyrya [Book of contributions to the Vladimir Rozhdestvensky monastery]// Trudy Vladimirskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Vladimir, 1864. Vyp. 3. P. 1–46.
  55. Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI — pervoj poloviny XVII veka. Teksty. [Legislative acts of the Russian state of the second half of the 16th century — the first half of the 17th century. Texts]. L., 1986.
  56. *Zimin A.A.* Krupnaya feodal'naya votchina i social'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konec XV–XVI v.) [Large Feudal Fiefdom and Socio-Political Struggle in Russia in the Late 15th–16th c.]. M., 1977.

Ключевые слова:

Александр Невский, Владимирский Рождественский монастырь, Русская церковь, церковная иерархия, почитание святых, канонизация, епископат.

Andrey S. Usachev

THE NATIVITY OF THE VIRGIN MONASTERY IN VLADIMIR AND THE VENERATION OF ALEXANDER NEVSKY IN RUSSIA IN THE 16th CENTURY

The article analyzes the factors that determined the formal status and the actual «power» of monasteries in Medieval Russia. It is noted that, basically, the set of factors was the same for different monasteries. It included the status and wealth of inhabitants and supporters, prominent religious personalities among former inhabitants, the monastery's history, and shrines in possession. The only thing that was different is the degree of impact of the factors. For example, the dominant status of the Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir, being ranked first in the formal «hierarchy» of Russian monasteries (the second after 1561), was determined by two factors. The first one is the age of the monastery. Placed in the medieval capital of the North-Eastern Rus' and the Grand Duchy of Vladimir, it was founded much earlier than other essential Russian monasteries that existed in the 16th century: Trinity Lavra of St. Sergius, Novospassky Monastery, Chudov Monastery, Simon Monastery, Kirillo-Belozersky Monastery, Pafnutiev Borovsky Monastery, and Joseph-Volokolamsk Monastery. The second factor was the emphasis that the church and political authorities laid upon the personality of Alexander Nevsky who essentially established the dynasty of the Moscow princes. It was done specifically to enhance the dynasty's prestige. And, since the veneration of Prince Alexander was not yet widespread in the 16th century, the Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir holding his ossuary dominated at the time. Thus, the monastery was under close attention from the Moscow church and authorities.

Key words: Alexander Nevsky, the Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir, Russian Church, church hierarchy, veneration of the Saints, canonization, episcopacy.

Andrey S. Usachev — D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities.

 Усачев Андрей Сергеевич

доктор исторических наук, профессор РГГУ

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.006

А.А. Булычев

ОБ ИМПЕРАТОРСКОМ ОРДЕНЕ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО И О ФЕНОМЕНЕ ПОВТОРНОГО КАВАЛЕРСТВА В ОРДЕНСКОЙ КОРПОРАЦИИ В РОССИИ XVIII в.

ервоначально членство дворянина-мирянина в духовно-рыцарском ордене представляло собой служение, сходное с монашеским послушанием братии классических иноческих орденов, «честность» пребывания в которой всецело зависела от общественной репутации и известности конкретной корпорации. Принципиальных изменений не произошло даже с развитием секуляризационных процессов в духовной жизни Европы, запущенных в эпоху Ренессанса, в результате которых военно-монашеские ордены из вооруженной силы Римско-католической церкви превратились в закрытые элитарные сообщества аристократов, более не обремененных религиозными обетами. Положение их членов всецело зависело от прежде завоеванного, как правило, весьма высокого статуса в постсредневековом социуме.

Принадлежность к такой корпорации служила прекрасной и едва ли не главной социальной рекомендацией человека даже в Новое время — эпоху, весьма удаленную от времени образования подобных институций. В послед-

нем не дают усомниться не только исторические источники, но и памятники мировой художественной литературы. Например, один из главных персонажей комедии великого венецианского драматурга Карло Гольдони «Трактирщица / Хозяйка гостиницы» (1753 г.)¹ Рипафратта снабжен исчерпывающейся краткой характеристикой — Кавалер. Причем она подчеркивает не столько дворянское достоинство героя пьесы, сколько его особое положение в благородном сословии, благодаря принадлежности к рыцарской орденовой корпорации. Общеизвестно, что прообразом Рипафратта был флорентийский патриций и сенатор Джулио Ручеллаи (ум. 10 февраля 1778 г.), кавалер Святого Военного ордена Святого Стефана Папы и Мученика². Причем с первых дней своего существования рыцари Св. Стефана составляли элитарное аристократическое сообщество, лишь формально обремененное духовными обязательствами (*quasi religio*). Вступить в орден можно было только при наличии четырех поколений благородных предков по отцовской и материнской линиям. Трансформация старинной рыцарской военной корпорации в тривиальный орден заслуг Великого Герцогства Тосканского произошла уже после смерти Дж. Ручеллаи³.

Именно в качестве элитарной организации «для немногих» создавались практически все известные светские рыцарские орденовые институты, учреждавшиеся европейскими монархами для консолидации вокруг трона избранных лиц благородного сословия из числа наиболее известных аристократов и менее родовитых приверженцев. Рядовым дворянам членство в ордене предоставляло возможность возвыситься и обрести новый социальный статус.

Столетиями светская рыцарская корпорация, наряду с военно-монашескими объединениями, представлялась единственной возможной формой существования орденовой организации. Однако с наступлением Нового времени появляется еще одна категория орденов, предназначенных исключительно для награждения за заслуги. Поводом для выдачи конкретному лицу орденовых инсигний становятся его личные достижения — храбрость на поле боя, усердие при исполнении служебных обязанностей и т. п. деяния, выслуга лет на военной и гражданской службе. При этом ордена нового типа

¹ См.: Гольдони К. Комедии / Пер. с итал. под ред. и с вступ. ст. А. К. Дживелегова. М., 1933. Т. 1. С. 232 и след.

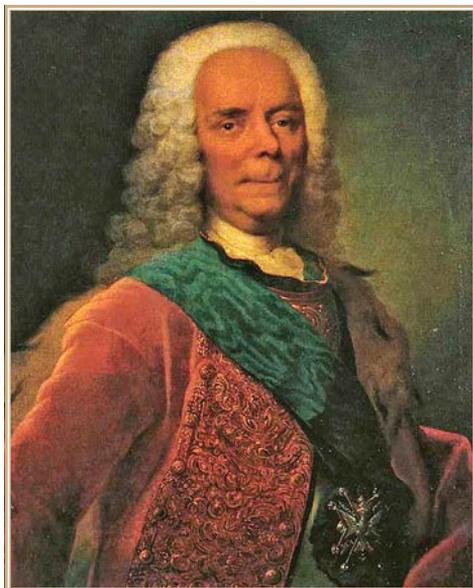
² См.: *Novelle Letterarie Pubblicate in Firenze. L'anno MDCCLXXVIII (=1778 A. D.). Vol. Nono (=9). № 20 (15. Maggio 1778). P. 305–307.*

³ Подробнее об ордене Св. Стефана см., напр.: *Bernardini R. Il Sacro Militare Ordine di Santo Stefano Papa e Martire. Pisa, 1990; Guarnieri G. G. L'Ordine di Santo Stefano nei suoi aspetti organizzativi interni e navali sotto il Gran Magistero Lorenese. Firenze, 1965.*

перестают быть сообществами избранных и вообще теряют всякую корпоративность. Как следствие, необходимым признаком такой орденской институции оказывается ее всесословность (как вариант, формальная нобилизация претендента на награду перед пожалованием ему фалеронима<-ов>). Дабы избежать неизбежной в ходе массового награждения опасности умаления достоинства ордена заслуг в общественном сознании, с первого дня их существования учредитель разделял их на классы. Причем в подавляющем большинстве случаев вручение старшей степени непременно предполагало прекращение реципиентом публичной демонстрации младшей. Как уже доводилось отмечать автору этих строк, вопреки господствующему в историографии мнению, генеалогическая связь между орденами заслуг и средневековыми духовно-рыцарскими корпорациями исчерпывалась лишь заимствованиями номенклатуры орденских классов и копированием креста в качестве идеальной формы регалии в христианском государстве. Главными маркерами государственной награды за заслуги по сей день остаются деление ее на степени и установление особых специализированных дивизионов.

Кроме того, учреждение орденов заслуг сразу в нескольких степенях, да еще без каких-либо ограничений в членстве, по крайней мере, в нижнем(-их) классе(-ах), резко увеличило число награжденных. К тому же подобная институция весьма часто была не единственной в государстве. В результате возникла насущная необходимость, дабы не допустить хаоса в наградном деле в отдельно взятой стране, озаботиться созданием национальных органов управления и контроля в этой области — орденских капитулов или организаций с похожими функциями. Образцом для новых государственных институтов послужили именно капитулы светских рыцарских орденов-корпораций. Управление военно-монашескими объединениями, из-за разности удаленных от орденского центра баляжей (приорств), имело ярко выраженную «территориальную» специфику, отсутствующую у подавляющего большинства орденов заслуг даже формально.

Между тем применительно к отечественным реалиям формирование высшего эшелона национальной наградной системы — орденов — имело свою специфику. «Европеизация» России, на деле заключавшаяся в принудительной имплантации в политический, общественный, культурный и даже религиозный строй православной страны элементов чуждой западнохристианской цивилизации, разумеется, не могла не затронуть такую важную сферу, как награды. Любопытно, что еще до начала системного преобразования Московского царства, затеянного августейшим реформатором, отечественная наградная система отличалась от европейских, по сути, лишь отсутствием светской орденской рыцарской корпорации

Василий Владимирович Долгоруков. Худ. Георг Кристоф Гроот

да внешним видом жалуемых венценосцем регалий. Русские наградные *золотые*, представлявшие собой классический вариант прото-ордена / медали заслуг, можно с известными поправками на культурную традицию сопоставить со знаменитыми западноевропейскими *пфеннигами милости* (*Gnadenpfennig*) конца XVI в. — XVII в. Различие состояло, да и то не всегда, только в способах ношения наград⁴.

Решение Петра I Алексеевича учредить, по примеру других государей Старого Света, собственную орденскую институцию европейского образца — *орден Святого апостола Андрея Первозванного* (1698 или 1699 г.) отнюдь не было осознанным актом устранить отсутствие местной рыцарской корпорации. Побудительным мотивом, по мнению большинства историков, стали впечатления молодого российского самодержца, полученные им во время европейского турне *quasi-incognito* в составе московского Великого посольства. Тогда, по иронии судьбы, Петру Алексеевичу довелось, хотя и весьма поверхностно и бессистемно, познакомиться с организацией и, возможно, статутами именно светских орденских рыцарских корпораций — британского *Наиблагороднейшего ордена Подвязки* (1348 г.) и бургундско-«цесарского» *ордена Золотого руна* (1430 г.). Эрзац-информацию о первом ему, очевидно, предоставил британский монарх Вильгельм (Уильям) III на

⁴ И в допетровской России *золотые* крупного размера могли носить на цепи, однако последняя, в отличие от западноевропейской Европы, в ту пору не воспринималась ни награждающей стороной, ни реципиентами как самостоятельный фалероним, наделенный собственной наградной семантикой. — А. Б.

совместной экскурсии в орденскую Капеллу Св. Георга в Виндзорском дворце 26 марта 1698 г. Справки о второй институции Петр мог навести в Вене летом того же 1698 г.⁵ При этом, благодаря открытию Л.М. Гавриловой материального свидетельства награждения бранденбургским курфюрстом Фридрихом III (будущим королем Пруссии Фридрихом I) царя Петра под маской бомбардира Петра Михайлова рыцарским орденом *Великодушия* (*Orden de la Générosité*) летом 1697 г., которое августейший гость фактически проигнорировал⁶, создается впечатление о полнейшем равнодушии того к орденской тематике. Иными словами, царственный «москвит», очевидно, не понял и не оценил истинного значения врученной ему Звезды, снятой курфюрстом с собственного кафтана, а затем дополненной кавалерским крестом «с алмазы», присланном десять дней спустя, 27 июня⁷.

В результате знакомства и первых впечатлений Петра I от европейских орденов в нашем Отечестве периода монархии сложилась устойчивая традиция, по которой каждая создаваемая новая орденская организация, начиная с «кавалерии» Св. Андрея, внешне напоминала классический рыцарский орден со всеми свойственными ему атрибутами. А именно: орденской церковью, ежегодным празднеством (празднествами) в установленный день (дни), особыми парадными орденскими облачениями⁸ и даже первоначальными

⁵ Подробнее см.: Булычев А.А. Первые русские ордена в свете карнавальной культуры Петровского времени // Факты и Знаки: Исследования по семиотике истории. М., 2020. Вып. 4. С. 271–273.

⁶ См.: Гаврилова Л.М. Иностранные ордена российских императоров в собрании Музеев Московского Кремля. М., 2018. С. 47, 49, 52–54, 56–57.

⁷ В связи с этим совсем иной смысл приобретает инцидент с нежеланием чрезвычайного посланника Маркварда Людвиг фон Принцена, прибывшего в Московию с вестью о принятии бранденбургским курфюрстом королевского титула, носить пожалованные Петром инсигнии ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Во-первых, немецкий дипломат не обнаружил на российском самодержце регалий ордена Великодушия (в понимании награждающей стороны не отвергнутые сразу иностранным реципиентом фалеронимы автоматически делали его почетным членом орденской корпорации). Во-вторых, его сюзерен, король Фридрих I, в ответ не был награжден единственным орденом Московского царства (скорее всего, Петр I не осознавал непрременную необходимость ононого, с одной стороны, и не понимал, что может просто передать наградные артефакты с посланником — с другой). В конкретном этом случае демарш Принцена выглядит не столько актом публичного умаления российского ордена, сколько ответом на пренебрежение Петром Алексеевичем бранденбургской наградой и невольно нанесенной обидой прусскому королю (Гаврилова Л.М. Иностранные ордена российских императоров... С. 51. Ср.: Булычев А.А. Первые русские ордена... С. 275–277).

⁸ Впрочем, справедливости ради, необходимо заметить, что парадное орденское облачение нередко камуфлировало орден заслуг под классическую светскую рыцарскую корпорацию и за рубежами России. Например, Статут австрийского (венгерского) ордена Святого Стефана Апостолического Короля, учрежденного императри-

Звезда ордена Святого Александра Невского. Вышита серебряной нитью на подложке из белой кожи; диаметр 82 мм, аверс, выдача около 1840 г.

ограничениями числа кавалеров / кавалерственных дам⁹. При этом монарх-меритократ Петр с первых дней существования ордена Святого апостола Андрея Первозванного умудрился в наградной практике сочетать, казалось бы, не сочетаемое. С одной стороны, институция выполняла функцию благородного сообщества избранных, а с другой — весьма успешно выступала в роли награды за выдающиеся достижения или совокупность заслуг.

Несколько в тени высшего ордена страны оказался задуманный Петром I Императорский орден Святого Благоверного князя Александра Невского, первые награждения которым пришлось уже на правление его вдовы императрицы Екатерины I (1725 г.). Притом судьба обеих институций оказалась в чем-то похожей — на момент создания и позднее у них отсутствовали уставные документы. Если в отношении ордена Св. Апостола Андрея в 1720 г. была предпринята попытка, хотя и с ничтожными юридически-

---

цей Марией Терезией в трех классах в мае 1764 г., предписывал кавалерам иметь парадное одеяние с уставным шитьем, разработанным специально для каждого класса (Constitutiones insignis ordinis equitum S. Stephani Regis Apostolici. Viennae, MDCCLXIV <=1764 A. D.>. P. 14–15 (главы 9 и 10) и след.).

⁹ «Число кавалеров предоставляется на волю гроссмейстера; однакож природных или российских кавалеров должно быть не более 12; а с иностранными, без важных и к особенной чести нашего царского Дома и Ордена служащих причин, не свыше 24...» (Проект Устава Ордена Св. Апостола Андрея Первозванного <1720 г.> // Замысловский Е.Е., Петров И.И. Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статут. М., 2008. С. 10 <четвертая пагинация; репринт>). Установившуюся традицию, разумеется, без ограничения числа кавалеров, продолжила и императрица Екатерина II, учреждая новые ордена, жалуемые исключительно за заслуги, — Свв. Великомученика и Победоносца Георгия (1769 г.) и Равноапостольного Князя Владимира (1782 г.). — Прим. авт.

Знак ордена Святого Александра Невского.
Изготовлен в 1820–1830-е гг.

ми последствиями, принять Устав, то ордену Св. Александра Невского не досталось даже проекта Статута. Поэтому, несмотря на весьма активную наградную практику на протяжении всего XVIII столетия, формальные моменты организации, основ бытования, равно как и квалификационные требования к потенциальным кавалерам ордена Св. Александра остаются сокрытыми и от немногих заинтересованных профессиональных историков, и от куда более многочисленного сообщества коллекционеров.

Ныне в специальной фалеристической литературе господствует мнение, что обе орденские инсигнии получили уставные документы после упоминания их в «Установлении для российских орденов», утвержденном императором Павлом I 5 апреля 1797 г.¹⁰ Из текста преамбулы этого интереснейшего памятника можно почерпнуть сведения о типологической принадлежности ордена Святого Благоверного князя Александра Невского: «Тот же бессмертно-славный монарх (Петр Алексеевич. — А. Б.), приуготовляясь к походу в Персию, в награду подвигов предопределил Орден Кавалерский Св. Князя Александра Невского, благочестием и мужеством знаменитаго. Смерть вскоре его постигшая не допустила произвести в действие такое установление, но супруга и преемница его (Екатерина I. — А. Б.) исполнила и сие намерение в 1725 году учреждением помянутаго Кавалерскаго Чина *в воздаяние трудов для Отечества подъяемых* (выделено мной. — А. Б.)». Иными словами, как следует из процитированного отрывка, император Петр I, замыслив создать орден Св. Александра, отводил ему роль первой в России специализированной награды за заслуги. Причем награды универсальной, равно доступной и военным, и гражданским чинам. Третья по достоинству

¹⁰ См., напр.: *Вилинбахов Г. В. Награды России. Ордена.* СПб., 2006. С. 25.

Знак ордена Святого Александра Невского. Изготовлен в 1865 г.
Мастерская К. Никольса и Плинке. Размер 61 x 56 мм. Золото, черная эмаль

в иерархии задуманного Павлом Петровичем единственного Российского Кавалерского Чина (Ордена) Александровская орденская институция, низведенная до статуса одного из классов, получила в Установлении 1797 г. удручающе лаконичное описание: «Знаки различных именовании Российского Кавалерского Ордена суть следующие: <..> Святаго Александра Невскаго. Лента красная, чрез левое плечо. Крест красный, имеющий в промежутках двуглавных (здесь и далее переданы лексические особенности текста. — А. Б.) орлов, а в середине изображение Св. Александра на коне; на другой стороне в белом поле его вензель с княжескою короною. Звезда серебряная, в середине которой в серебряном поле вензловое имя Св. Александра Невскаго под княжескою короною. В окружности на красном поле орденский девиз *За Труды и Отечество* изображен золотыми буквами. Орденское одеяние составляют епанча длинная, красная, бархатная, подбитая белую тафтою с серебряным гласетовым крагеном¹¹. На левой стороне звезда более обыкновенной. Супервест¹² серебряный, гласетовый, как выше о таком Св. Андрея сказано (с галуном и бахромой уставного цвета, «и с нашитым на груди крестом». — А. Б.). Шляпа черная, бархатная, с пером белым с красным, и с нашитым из узкой красной ленты крестом» (Статья 6). Отрывочные сведения об орденской институции содержали еще несколько статей документа. Статья 12 определяла ее иерархическое положение внутри Российского Кавалерского Чина: «Класс Ордена Российскаго, именуемый Св. Александра Невскаго, следуя в общем порядке за вышеупомянутым именованием

¹¹ Краген — отворот, воротник, брыжи (Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1998. Вып. 10. С. 218).

¹² Супервест — безрукавый кафтанчик (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 361 <репринт>).

Св. Екатерины, должен почитаться для особ мужеского пола вторым». Далее в Статье 14 устанавливался день ежегодного орденского праздника: «Кавалеры Российского Ордена различных именованій празднуют дни установления своего <..> 3) 30-го августа, в день Св. Александра Невского...» В следующей Статье 15 назывался православный храм, отданный орденской организации: «Присвоаем различным классам Кавалерскаго Российскаго Ордена следующие церкви в столице нашей (Санкт-Петербурге. — А. Б.): <..> третьему, Святаго Александра Невского — соборную церковь в Троицком Александро-Невском монастыре, где и мощи сего угодника Божия почивают...» Остальные упоминания об ордене фрагментарны и сделаны в связи с попытками Павла создать свой универсальный Кавалерский Чин. Так, кавалеры Св. Александра должны были участвовать в общем орденском празднестве, который устанавливался на память Св. Архистратига Божия Михаила 8 ноября. «В процессии идут сперва кавалеры Св. Анны по степеням, младшие наперед, потом таким же образом кавалеры Св. Александра Невского, за сими кавалеры Св. Андрея, и каждый класс предшествуемый своими орденскими официалами». На торжественном обеде («публичном столе») членам ордена Св. Александра отводилось место ниже кавалеров высшей орденской институции империи, посаженных по правую руку от монарха (Статья 17). Непосредственное управление Александровским «классом» препоручалось церемониймейстеру из числа тех, кто отправлял эту же должность при Императорском дворце. Ему предлагалось носить орденский крест на шейной ленте надлежащей расцветки и короткие епанчи «цветом противу кавалеров». Секретарю, равно как и двум герольдам, полагались кресты на *петличной* ленте. Собственного казначея «классу» Св. Александра не полагалось (Статья 18). Для его содержания учреждалось 24 командорства (шесть по 600, восемь по 500 и десять по 400 душ с общим доходом 11600 рублей). Штат командорства первого типа состоял из одного лица, второго и третьего — из двух лиц духовного звания и в общей сложности 19 светских особ (Статья 25)¹³. Очень многие организационные вопросы существования орденской институции — нюансы процедуры награждения (Статьи 19 и 20), запрещение несанкционированного украшения регалий бриллиантами (Статья 7), судьба инсигний после смерти кавалера (Статья 21), параллельное бытование печатей единого Ордена и отдельных «классов» (Статья 22) — прописывались в Уставлении 1797 г. в самых общих выражениях в рамках статута Российского Кавалерскаго Чина. Предпо-

¹³ Замысловский Е.Е., Петров И.И. Исторический очерк российских орденов... С. 60, 63, 64–65, 67, 68, 69–71, 74 (четвертая пагинация).

жение, что в сем юридическом памятнике сокрыты полноценные статуты орденов Свв. Андрея и Александра, основано на недоразумении. «Установление для российских орденов» посвящено революционному преобразованию национальной фалеристики, а не ликвидации прорех в наградной системе, доставшихся Павлу Петровичу в наследство от столь почитаемого им пращура. В реальности до последних дней существования исторической России полноценного уставного документа, где были бы сформулированы и описаны правила существования **суверенного ордена Святого Благоверного князя Александра Невского**, создать не получилось.

* * *

Разумеется, членство в орденской институции было знаковым в судьбе награжденного и оттого уникальным. Однако в истории отечественной фалеристики XVIII в. известны случаи, когда представители местной правящей элиты эпохи «дворцовых бурь» становились кавалерами одного и того же ордена более одного раза.

Единственный в истории европейских рыцарских сообществ казус с троекратным возложением орденских инсигний на одного и того же человека произошел с русским кавалером датского *ордена Слона*. Речь идет о генерал-поручике, на момент первого награждения, а позднее генерал-фельдмаршале, князе Василии Владимировиче Долгорукове. Первый раз он получил знаки ордена в один день с генералом князем Аникитой Ивановичем Репниным 16 июня 1713 г. Однако через пять лет блестящая карьера одного из фаворитов самодержца-преобразователя, командира старейшего гвардейского Преображенского полка, неожиданно прервалась. Князь, вместе с некоторыми умеренными оппозиционерами петровским методам реформирования государства, вступил в чересчур доверительные политические и личные контакты с царевичем Алексеем Петровичем, которые после бегства того за границу оказались весьма предосудительными. В 1718 г. Долгоруков в оковах был доставлен в Москву на расследование дела первенца Петра. В результате следователи признали Василия Владимировича виновным, приговорив его к «вечной» ссылке в Казань с разжалованием и лишением наград. В следующем, 1719 г. курьер доставил орденские инсигнии, принадлежавшие осужденному, в Данию. Незадолго до своей кончины Петр вернул опального аристократа из ссылки, позволив ему вновь вступить в службу с понижением в чине до бригадира. В 1726 г. новая императрица Екатерина I вернула князю Долгорукову ордена и пожаловала

генерал-аншефом, отправив служить в Персию. В тот же год, 27 августа, датский король, через секретаря Ордена, вновь прислал Василию Владимировичу кавалерские регалии: Знак в виде фигурки слона, Ленту, Звезду, Орденское одеяние и, вероятно, Цепь. Так недавний ссыльный вторично вступил в *орден Слона*. В кратковременное правление императора Петра II, в 1728 г., Долгоруков, благодаря хлопотам родни, «по болезни» был возвращен в столицу, произведен в генерал-фельдмаршалы и подполковники гвардии с повторным назначением командиром Преображенского полка. Одновременно он стал членом Верховного тайного совета. После смерти молодого российского венценосца князь В.В. Долгоруков поддержал сенатора князя Дмитрия Михайловича Голицына, предложившего трон вдовствующей герцогине Курляндской, Анне Иоанновне. По восшествии на престол Анны фельдмаршал-«верховник» стал сенатором, а после смерти 10 декабря 1730 г. другого «ограничителя самодержавия», генерал-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына-Старшего, был назначен на его место президентом Военной коллегии. В помощники Долгоруков получил генерал-поручика принца Людвига Гессен-Гомбургского, по доносу которого его арестовали 23 декабря 1731 г. Анна Иоанновна инкриминировала князю Василию то, что он «дерзнул не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносными словами оскорблять». Суд приговорил В.В. Долгорукова к смертной казни, замененной затем на заключение в крепости. Перед этим его лишили титула, чина и наград. В следующем, 1732 г. повторилась старая история — орденские инсигнии князя в который раз покинули Россию, отправленные обратно секретарю Ордена в Копенгаген. Только десятилетие спустя, 4 декабря 1741 г., императрица Елизавета Петровна, по вступлении своем на всероссийский престол, вызвала опального вельможу, заточенного в ту пору в тюрьме Соловецкого монастыря, ко двору. Новая государыня вернула недавнему заключенному княжеское достоинство, восстановила в прежнем чине и «кавалерствах», назначив с некоторой заминкой вновь президентом Военной коллегии. 10 июля 1742 г. датчане возвратили князю Василию Владимировичу Долгорукову регалии *ордена Слона* — это было третье и последнее его пожалование в рыцари высшей орденской корпорации Королевства Дания¹⁴.

¹⁴ См: [Бантыш-Каменский Д.Н.] Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1. С. 155–170; Жерве В. Князь Василий Владимирович Долгоруков, фельдмаршал // РБС. СПб., 1905. Т. Дабелов–Дядьковский. С. 507–510; Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 284–439; Курукин И.В. Эпоха «дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетров-

Датский орден Слона

Впрочем, в истории России XVIII столетия это был не единственный случай многократного вступления в один и тот же орден. Единственный выживший из сыновей сподвижника Петра I светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, светлейший князь Александр, в тринадцатилетнем возрасте получил чины поручика лейб-гвардии Преображенского полка и камергера императрицы Екатерины I. Одновременно, 5 февраля 1727 г., государыня пожаловала своему новообретенному придворному и **дамский**¹⁵ орден *Святой Екатерины*¹⁶. После смерти Екатерины российский престол унаследовал сын царевича Алексея Петровича, Петр II. Меншикову-старшему показалось, что наступил час исполнения его честолюбивых мечтаний. Он перевез юного императора в свой дворец в Петербурге, где тот обручился с его старшей дочерью Марией. На следующий день после обручения, 25 мая того же года, венценосец произвел брата невесты в оберкамергеры с возведением в кавалеры орденов Свв. апостола Андрея Первозванного и Александра Невского. Однако уже 8 сентября первый светлейший князь Ижорский пал. Александр Александрович вместе с сестрами

ской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 106 и след. Ср.: *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 54; *Российские кавалеры иностранных орденов: Кавалеры высших европейских орденов // Гаврилова Л.М., Левин С.С.* Европейские ордена в России: конец XVII — начало XX века. Из собраний Музеев Московского Кремля и Государственного Исторического музея. Приложение. М., [2007]. С. 54.

¹⁵ О строгой гендерной ориентации этой «кавалерии» ясно свидетельствуют преамбула и статьи Статута 1714 г. (*Замысловский Е.Е., Петров И.И.* Исторический очерк российских орденов... С. 29–36 <четвертая пагинация>).

¹⁶ См.: *Левин С.С.* Женские награды Российской империи. М., 2013. С. 57. Ранее, 22 марта 1726 г., Екатерина I наградила инсигниями того же дамского ордена графа Антона-Казимежа Сапегу (Там же. С. 56).

Марией и Александрой, матерью Дарьей Михайловной (в девичестве Арсеньевой), как ближайшие сородичи, разделили опалу некогда всесильного сановника. Осужденных сослали сначала в крепость Ранненбург, принадлежавшую светлейшему, а потом в Западную Сибирь в город Березов. Еще на пути в Ранненбург, 14 октября 1727 г., члены опального семейства — кавалеры и кавалерственные дамы — лишились российских орденов. В январе 1728 г. у них изъяли и «чужестранные» награды. В 1731 г. новая всероссийская государыня Анна Иоанновна вернула из ссылки уцелевших после оспы Александра и Александрю Меншиковых, однако о возвращении отобранных ранее «кавалерий» речь не шла. Молодой аристократ с понижением в чине (из поручиков в прапорщики) возвратился в родной гвардейский Преображенский полк, в рядах которого участвовал в штурме Очакова (1737 г.) и Хотина (1739 г.). Отличившись на полях сражений Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., он сначала снова стал поручиком, а закончил кампанию уже в чине капитан-поручика гвардии. В 1748 г. императрица Елизавета Петровна пожаловала храброго офицера гвардейским секунд-майором (в 1753 г. — армейским генерал-майором), а в 1757 г. она произвела светлейшего князя Александра в генерал-поручики с новым награждением его инсигниями *ордена Святого Александра Невского*, состоявшимся 30 августа того же года. Закончил военную карьеру Меншиков-младший в чине генерал-аншефа армии и премьер-майора гвардии при Екатерине II¹⁷. Так еще одному представителю российской правящей элиты, теперь уже из числа молодой петровской знати, довелось вступить в один и тот же орден дважды. История Александра Александровича Меншикова интересна для истории отечественной фалеристики не только курьезным вручением мужчине регалий дамской орденской институции, но стоящим за этим представлением монархини, от имени которой и был опубликован Статут Ордена, в полном праве распоряжаться им по своему усмотрению, подобно иной другой личной собственностью.

¹⁷ См.: [Бантыш-Каменский Д.Н.] Биографии российских генералиссимусов... Ч. 1. С. 116–119; Марков С.Л. Меншиковы. 1). Александр Данилович Меншиков, светлейший князь Ижорский // Военная энциклопедия. Пб., 1914. С. 262; Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 150–184 и особенно с. 160–161, 165–166, 171. Ср.: Генералы и штаб-офицеры Русской регулярной армии 1729–1796 гг.: Сведения о службе из списков по старшинству / Сост. К.В. Татарников. М., 2019. Т. 1. С. 1317.

REFERENCES

1. *Bantysh-Kamenskij D.N.* Biografii rossijskih generalissimusov i general-fel'dmarshalov [Biographies of Russian generalissimos and general-field marshals]. SPb., 1840. CH. 1. P. 155–170.
2. *Bulychev A.A.* Pervye russkie ordena v svete karnaval'noj kul'tury Petrovskogo vremeni [First Russian orders as a part of the Carnival Culture in times of Peter the Great] // *Fakty i Znaki: Issledovaniya po semiotike istorii* [Facts and Signs: Studies in Semiotics of History]. M., 2020. Vyp. 4. P. 271–273, 275–277.
3. *Bushkovich P.* Petr Velikij. Bor'ba za vlast' (1671–1725) [Peter the Great: the Struggle for Power 1671–1725]. SPb., 2008. P. 284–439.
4. *Vilinbahov G.V.* Nagrady Rossii. Ordena [Peoples of Russia. Medals]. SPb., 2006. P. 25.
5. *Gavrilova L.M.* Inostrannye ordena rossijskih imperatorov v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya [Foreign Orders of Russian Emperors: collection of Moscow Kremlin Museuns]. M., 2018. P. 47, 49, 51, 52–54, 56–57.
6. *Gavrilova L.M., Levin S.S.* Evropejskie ordena v Rossii konec XVII — nachalo XX veka. Iz sobranij Muzeev Moskovskogo Kremlya i Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya. Prilozhenie [European Medals in Russia at the end of the XVII — beginning of the XX c. Amongst the collections of Moscow Kremlin Museums and State Historical Museum]. M., [2007]. P. 54.
7. *General'y i shtab-oficery Russkoj regul'arnoj armii 1729–1796 gg.: Svedeniya o sluzhbe iz spiskov po starshinstvu* [Generals and field-officers of Russian regular Army of 1729–1796: service records from ranking lists] / Sost. K. V. Tatarnikov. M., 2019. T. 1. P. 1317.
8. *Gol'doni K.* Komedii [Comedies]/ Per. s ital. pod red. i s vstup. st. A.K. Dzhivelegova. M., 1933. T. 1. P. 232 i sled.
9. *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. M., 1955. T. 4. P. 361 (reprint).
10. *Zherve V.* Knyaz' Vasilij Vladimirovich Dolgorukov, fel'dmarshal [Prince Vasily Vladimirovich Dolgorukov, Field-Marshal] // RBS. SPb., 1905. T.: Dabelov–Dyad'kovskij. P. 507–510.
11. *Zamyslovskij E.E., Petrov I.I.* Istoricheskij ocherk rossijskih ordenov i sbornik osnovnyh ordenских statutov [The historical essay of Russian Orders and the

- collection of main order's statutes]. М., 2008. P. 10, 29–36, 60, 63, 64–65, 67, 68, 69–71, 74 (chetvertaya paginaciya; reprint).
12. *Kurukin I.V.* Epoha «dvorcovyh bur'»: Oчерki politicheskoy istorii poslepetrovskoy Rossii, 1725–1762 gg. [The Epoch of «Court Blizzards»: Sketch book on political history of Post-Petrine Russia, 1725–1762]. Ryazan', 2003. P. 106 i sled.
  13. *Levin S.S.* Zhenskie nagrody Rossijskoj Imperii [Women's awards of the Russian Empire]. М., 2013. P. 56, 57.
  14. *Markov S.L.* Menshikovy. Aleksandr Danilovich Menshikov, svetlejshij knyaz' Izhorskij [Alexander Danilovich Menshikov, Prince of the Russian Empire and Duke of Izhora] // Voennaya enciklopediya. Pb., 1914. P. 262.
  15. *Pavlenko N.I.* Aleksandr Danilovich Menshikov [Alexander Danilovich Menshikov]. М., 1981. P. 150–184 i osobenno P. 160–161, 165–166, 171.
  16. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. SPb., 1998. Vol. 10. P. 218.
  17. *Spasskij I.G.* Inostrannye i russkie ordena do 1917 goda [Foreign and Russian orders until 1917]. L., 1963. P. 54.
  18. *Bernardini R.* Il Sacro Militare Ordini di Santo Stefano Papa e Martire. Pisa, 1990.
  19. Constitutiones insignis ordinis equitum P. Stephani Regis Apostolici. Viennæ, MDCCLXIV (=1764 A. D.). P. 14–15.
  20. *Guarnieri G.G.* L'Ordine di Santo Stefano nei suoi aspetti organizzativi interni e navali sotto il Gran Magistero Lorenese. Firenze, 1965.
  21. *Novelle Letterarie Pubblicate in Firenze. L'anno MDCCLXXVIII (=1778 A. D.). Vol. Nono (=9). № 20 (15. Maggio 1778). P. 305–307.*

Ключевые слова:

Российская империя, Королевство Дания, царь, император, императрица, король, Петр I, Екатерина I, Павел I, орден, орден заслуг, орден Слона, орден Святого Благоверного князя Александра Невского, князь Василий Владимирович Долгоруков, светлейший князь Александр Александрович Меншиков.

Andrey A. Bulychev

ON THE IMPERIAL ORDER OF SAINT PRINCE ALEXANDER NEVSKY AND THE PHENOMENON OF THE REPEATED COMPANIONAGE IN THE ORDER CORPORATION IN RUSSIA IN THE 18th CENTURY

The article lists and analyzes a few details of the Imperial Order of Saint Alexander Nevsky that are available from the Statute of Russian Orders of 1797. This juridical artifact owes its advent to the failed attempt of Paul I of Russia to establish the only Knights Hospitaller in Russia which was aimed at providing the sovereign status of Saint Alexander Nevsky. Since the Statute of 1797 was not intended to establish the absent orders of St. Andrew the First-Called (Andrew the Apostle) and Alexander Nevsky, laconic and fragmentary mentions of both phaleronyms in the document left many gaps in the description of the order organization. Particularly, the Order of Saint Alexander Nevsky conceived by Peter the Great as the first unified themed award of merit of such a high rank did not receive clearly stated recipient specifications. Following the failure of Paul I's project of Russian Knights Hospitaller, the order institution of Saint Alexander Nevsky retained its sovereignty until the last days of historical Russia; however, a full-fledged statute was not developed.

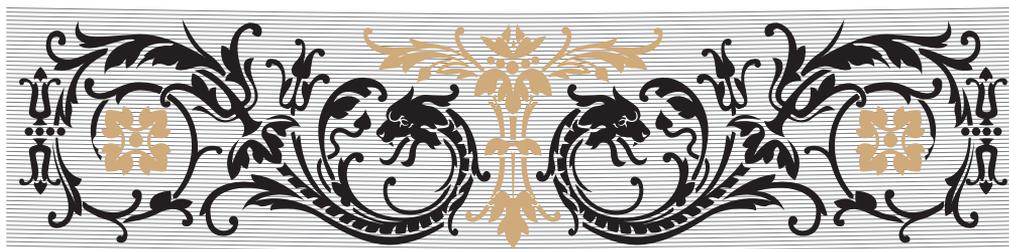
During the Era of Palace Coups, the social disturbance resulted in a series of defeats in the rights of the elite political class forcing some representatives to repeatedly re-enter the same order. In the article, the phenomenon of Russian phaleristics is studied on the example of Prince Vasily Vladimirovich Dolgorukov triply awarded insignia of the Danish Order of the Elephant and Prince Alexander Alexandrovich Menshikov awarded the regalia of the Order of Saint Alexander Nevsky twice.

Key words: Russian Empire, Danish Realm, Tsar, Emperor, Empress, King, Peter the Great, Catherine I, Paul I, order, order of merit, Order of the Elephant, Order of Saint Alexander Nevsky, Prince Vasily Vladimirovich Dolgorukov, Prince Aleksandr Aleksandrovich Menshikov.

Andrey A. Bulychev — Head of the archival repository of early-printed and rare publications at the Russian State Archive of Ancient Acts.

 Булычев Андрей Алексеевич

заведующий Архивохранилищем старопечатных
и редких изданий РГАДА

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.007

А.Б. Мазуров

К ИСТОРИИ ПОЧИТАНИЯ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ НИКОЛЫ ЗАРАЗСКОГО

реди почитаемых древнерусских икон особое место занимает икона Николы Заразского¹, чье происхождение и чудеса описаны в «Цикле повестей о Николе Заразском»². Иконографический тип Николы Зарайского считается одной из ярких национальных примет русской иконописи.

Между тем вопрос об истории почитания иконы разработан недостаточ-

¹ В литературе иконографический тип этой иконы условно именуется «Николой Зарайским». Впервые последнее название зафиксировано документально в надписях на иконах в конце XVI в. и окончательно закрепилось в следующем столетии. До этого в ходу было другое название конкретной иконы — Никола Заразский, что было связано с названием урочища (Заразы), где располагался в XIII — начале XVI в. деревянный храм с почитаемой святыней. Во избежание путаницы и с учетом закрепления имени города Зарайска только в XVII в. древние иконы и изображения типа «Николы Зарайского» следовало бы более точно именовать по-другому — «Николы Заразского». Изначально же, как показал И.Г. Добродомов, скрупулезно изучивший эволюцию названий, икона называлась Никола Корсунский (по происхождению ее из Херсонеса). См.: *Добродомов И.Г. Никола Корсунский — Заразский — Зараский — Зарайский // Правило веры и образ кротости... Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии.* М., 2004. С. 182–196.

² *Лихачев Д.С. Повести о Николе Заразском (тексты) // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 257–406.*

но. Можно выделить два противоположных взгляда на данный вопрос. Одни полагают, что икона Николы Зарайского стала особо почитаться к концу периода независимости Рязанского княжества, и отказывают ей в большой древности, прослеживая культ не ранее чем с конца XV в.³ Другие (в основном искусствоведы) считают, что, несмотря на утрату подлинника, можно довольно уверенно говорить о почитании Николы Зарайского не позднее чем в начале — первой половине XIV в., свидетельством чему являются многочисленные памятники иконописания.

А.С. Преображенский продуктивно занимался выяснением истоков иконографии Николы Зарайского, имеющей византийские истоки и западноевропейские параллели. Не отрицая возможности отражения в «Повести о перенесении образа Николы Зарайского» каких-то реальных событий XIII в., он не видит возможности возведения всех древнерусских икон этого типа к древнему домонгольскому образцу. Даже если зарайская икона появилась накануне монгольского нашествия, она была частным примером, а не источником универсального по смыслу иконографического типа. Исследователь отметил, что все данные о почитании конкретного образа носят поздний характер. К тому же, с его точки зрения, нельзя всякий иконографический извод считать повторением определенного чтимого образа⁴.

Автором настоящей статьи предпринята попытка более конкретно представить раннюю историю почитания образа Николы Зарайского⁵. Выяснилось, что древнейшее в русском искусстве (и достаточно узко датированное) достоверное изображение иконографического типа Николы Зарайского дошло на найденной в Новгороде вислой свинцовой печати 1210-х гг. Имеется также группа литых энколпионов медного сплава, распадающихся на два типа и датирующихся серединой — второй половиной XIII в. (использование в начале XIV в. не исключается). Каменная двусторонняя резная иконка «Богоматерь Одигитрия с Николой Зарайским» датируется кануном монгольского нашествия. Все это свидетельствует о том, что почитание Николы Зарайского началось в первой поло-

³ *Поптэ А.В.* К начальной истории культа св. Николы Зарайского // *Essays to Honor of A.A. Zimin*. Columbus, 1983. С. 294.

⁴ *Преображенский А.С.* О происхождении и смысле иконографического типа св. Николы «Зарайского» // *Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы*. Вып. 4 (XXXV). Материалы научной конференции. 2011. М., 2012. С. 216–217.

⁵ *Мазуров А.Б.* Существовала ли в XIII–XV вв. чудотворная икона Николы Корсунского (Зарайского) // *Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 140–158.

вине XIII в. О почитании вывезенной из Херсонеса византийской иконы XIII столетия говорят также обобщенные нами сведения о ранних вкладах, хранившихся в ризнице Никольского собора г. Зарайска. Это двусторонняя резная каменная круглая иконка «Деисус с Вознесением Александра Македонского» предмонгольского времени, Зарайское Евангелие 1401 г., сударь середины — третьей четверти XV в., киот рубежа XV—XVI столетий. Сам по себе набор перечисленных фактов свидетельствует о почитании чтимого образа Николы Заразского на протяжении нескольких веков — с XIII по XV столетие.

В настоящей работе мы ставим задачу проследить на материале конкретных памятников иконописания «историческую глубину» почитания и иконографические особенности образа Николы Зарайского XVI в., ныне почитаемого как «первообраз». Ранее находившаяся в собрании Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева икона «Святитель Николай Мирликийский (Никола Зарайский), с житием» теперь возвращена в Зарайский кремль и находится в специальном воздухонепроницаемом ковчеге справа от Царских врат Иоанно-Предтеченского собора. К большому сожалению, и сама эта икона мало изучена. Являя собой большой по размеру образ (115 x 83 см), она обычно датируется 1513 г.⁶ До революции 1917 г. она находилась в Никольском соборе Зарайского кремля постройки 1681 г., составляя его самую главную святыню и храмовый образ. Известно, что именно эта икона в начале XVII столетия почиталась как чудотворная (а не как список), ибо именно на нее по повелению Василия Шуйского был изготовлен золотой оклад.

В связи с этим встают вопросы о том, каким временем датируется этот список, в связи с чем он мог быть написан и каково может быть его соотношение с древним оригиналом.

С датировкой 1513 г. этой иконы вряд ли можно согласиться. Называя указанную дату в качестве опорной, исследователи опираются на повествование так называемых «Коломенских чудес», входящих в Цикл Повестей о перенесении образа Николы Заразского⁷. Там говорится о том, что осенью 1512 г. (сентябрьский 7021 г.) священники Николы Заразского принесли свою родовую святыню в Коломну из-за приближающегося набега крымских татар. Здесь начали происходить чудотворения. В следующем 1513 г. великий князь Василий III приказал поста-

⁶ *Нечаева Т.Н.* Святитель Николай Мирликийский (Никола Зарайский), с житием // Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007. С. 228–231. Кат. № 35.

⁷ *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Заразском... С. 343–349.

вить каменную церковь на центральной площади Коломенского кремля. С древнего корсунского образа некоторое время спустя изготовили список. С этим-то списком через 2 года и 15 недель после своего прихода священники с берегов Осетра отправились назад, в свой родовой погост. Все исследователи под этим списком подразумевали сохранившуюся и находящуюся ныне в Зарайске икону⁸. Между тем такое воззрение ошибочно. В другом варианте «Коломенских чудес», на который не обратили внимания, содержится продолжение истории. Вскоре (в рамках 1515 г. — середины 1518 г.) случилось «чудо перемены икон», когда непостижимым образом на погосте в Заразах оказался древний корсунский подлинник, а в Коломну, в храм Николы Заразского, вернулся список. Последний упомянут в Писцовой книге по Коломне 1577/78 г. как находящийся в церкви Николы Заразского⁹. Очевидно, вновь в Зарайске он оказаться не мог¹⁰. Какой же может тогда быть история появления сохранившейся зарайской иконы?

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к топографии Зарайска. Ею продуктивно занимался Н.Н. Годлевский, на реконструкцию которого мы и опираемся (рис.1). Для постройки Зарайского кремля в 1528–1531 гг. зодчими было выбрано ровное плоское плато недалеко от течения р. Монастырки. По правилам «золотого сечения» здесь и был возведен достаточно миниатюрный кремль строго геометрических пропорций, а внутри него поставлена «церковь каменная» — городской Никольский собор¹¹. Как соотносился этот новый городской храм с ранее существовавшей погостской церковью Николы Заразского? Ответ на этот вопрос может быть дан вполне определенно. К западу от Зарайского кремля, вне территории острога XVI–XVII вв. находится понижение рельефа к руслу р. Осетр в несколько уступов-террас. На одном из таких естественных уступов, значительно ниже кремлевской площадки, в XVI–XVII вв. стояла деревянная церковь Николы Чудотворца,

⁸ Эта традиция восходит к статье: Антонова В.И. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. XIII. С. 380.

⁹ Извлечение из приправочного списка с писцовой книги г. Коломны и Коломенского уезда Д.П. Житова и Ф. Камынина 1577/78 г. [1618 г.?] // Города России XVI века: материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 20.

¹⁰ К тому же этот список не имел житийных клейм — см. об этом ниже.

¹¹ Н.Н. Годлевский ошибался, считая, что он до 1681 г. был деревянным (Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / Под ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994. С. 184). Упоминание «церкви каменной» находится в тексте «Коломенских чудес», написанных до завершения строительства Зарайского кремля, и в самом летописном сообщении о закладке последнего.

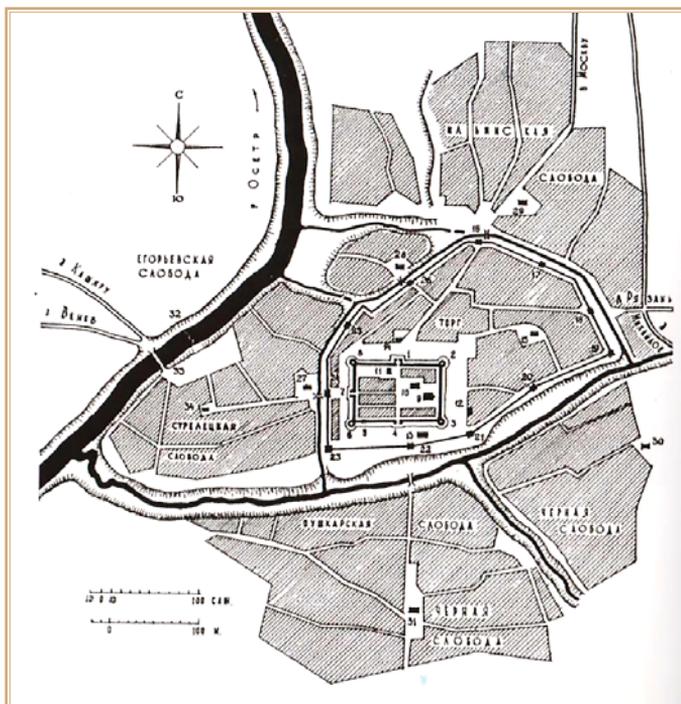

Рис. 1. План города Зарайска в конце XVII в. Реконструкция Н.Н. Годлевского. (Источник: Воротникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII вв. Крепости Центральной России. М., 2013. С. 782.) Объекты, упомянутые в тексте: 9 — Никольский собор в кремле; 27 — церковь Св. Николы Чудотворца (позднее — Богоявления Господня)

позднее, во второй половине XVII в. переосвященная в Богоявленскую (рис. 1:27). Очевидно, в ней и надо видеть первоначальный деревянный погост Николы Заразского. Подобную идентификацию подтверждает штат священников, служивших у храма — два попа и диакон¹². Между тем из «Коломенских чудес» 1510-х гг. мы знаем, что именно два священника и диакон пришли, в поисках защиты от татар, в Коломну в 1512 г. Включить эту территорию и древний храм с чудотворной святыней в пределы укрепленной части строители Зарайского кремля не посчитали возможным из-за изломов рельефа, значительно усложнявших строительство. Старая церковь оказалась вне защиты кирпичных стен. Для нового собора, одноименного по посвящению, и был заказан (вполне возможно, что в Коломне) в интервале 1528–1531 гг.¹³ новый сохранившийся список. Старый же корсунский образ «Николы Зараз-

¹² Зарайск. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1888. С. 4.

¹³ Дата определяется временем строительства Зарайского кремля (1528–1531 гг.) и «церкви каменной» в нем. Вполне возможно, что утварь для последней изготовлялась ближе к окончанию строительства и освящения кремля и собора, т.е. к 1531 г.

ского» остался на своем месте¹⁴. Он упомянут в писцовой книге 1625 г. г. Зарайска при описании деревянной церкви Николы Чудотворца: «образ месной Николы Чуд. в киоте с деянием, обложен серебром, венце резной, оклад басман позолочен, прикладу у образа 5 гривен басмяных, в деянии венцы басмяны позолочены»¹⁵. Можно предположить, что именно с этой иконы¹⁶ «с деянием» (т.е. с житием) и исполнялись списки для Коломны в 1510-е гг. и позднее — для городского кремлевского собора Зарайска. Наличие киота, позолоченного серебряного оклада, приклада (т.е. привесов) в виде гривен (шейных украшений) подтверждает интерпретацию именно этого образа как древнего чудотворного подлинника. О судьбе его остается только строить предположения. По-видимому, постепенно на протяжении XVI столетия центром культа Николы Зарайского становился новый каменный Никольский собор со своим храмовым образом. Почитание списка 1528–1531 гг. как святыни фиксируется по вкладу 1591 г. кн. Ф.И. Мстиславского (он вложил полученный за победу на крымскими татарами золотой португал XV в.)¹⁷. В 1606 г. новоизбранный царь В.И. Шуйский пожертвовал в Никольский собор Евангелие. А в 1608 г. по просьбе зарайского протопопа Дмитрия Леонтьева царь Василий Иванович украсил список 1528–1531 гг. драгоценным золотым окладом, весом 6 фунтов (почти 2,5 кг!), со 133 разноцветными камнями, 3 бурмицкими зернами и 1600 жемчужинами. Об изготовлении оклада говорилось в надписи на специальной золотой пластине ромбовидной формы¹⁸. По-видимому, инициатива по плавной перемене древнего намоленного места и чудотворной святыни исходила от зарайских протопопов «с братиею», сделавших ставку на более пре-

¹⁴ Нельзя согласиться с Т.Н. Нечаевой в том, что в Коломне остался древний корсунский образ, где и был впоследствии утрачен (*Нечаева Т.Н.* Указ. соч. С. 228). Об этом вполне определенно говорит один из вариантов «Коломенских чудес». После чуда перемены икон великому князю Василию III пришлось покаяться в намерении насильно удержать древнюю святыню в Коломне и вернуть ее назад.

¹⁵ Зарайск. Материалы для истории города... С. 3.

¹⁶ Разумеется, мы не можем полностью исключать возможности утраты древнего оригинала во время пожара, нашествий и т.п. обстоятельств и последующего возобновления образа. Однако кажется несомненным, что он древнее сохранившейся иконы первой трети XVI в.

¹⁷ Сохранилось только цветное фото. См.: Древности Зарайского кремля. К 100-летию ГМЗ «Зарайский кремль». Каталог выставки. Зарайск, 2018. С. 32.

¹⁸ Оклад и пластина сохранились в собрании Оружейной палаты Московского Кремля. Благодарю за сведения об этом главного хранителя ГМЗ «Зарайский кремль» Л.И. Максимова. Изображение по литографии XIX в. см.: Древности Зарайского кремля... С. 4–5, 33–34.

стижный каменный кремлевский собор. После смены главного престола в старом деревянном храме с Никольского на Богоявленский следы местной святыни оказались утрачены.

От обстоятельств появления обратимся к анализу самого списка. Встает интересный вопрос о том, насколько точно он отображает оригинал и каковы были особенности древней корсунской иконы. Т.Н. Нечаева высказала очень важное предположение о том, что «корсунский образ святителя не имел рамы с житийным циклом». Аргументация ее вполне убедительна. Во-первых, искусствоведы давно обратили внимание, что состав житийных клейм на иконах Николы Зараского XIV–XV вв. всегда различен¹⁹. Такого просто не могло бы быть в случае существования оригинала XIII в. с житием. Во-вторых, иконы Николы Зараского без житийных клейм XIV в. и последующих веков хорошо известны²⁰. Добавим, что в существующем виде размер иконы немалый — 115 x 83 см. Э.С. Смирновой подмечено, что «переносимые иконы обычно бывали небольшого или среднего размера, “портативные”»²¹. Если мы возьмем только средник (полагая, что список 1528–1531 гг. выполнен «в меру» — т.е. по размеру оригинала), то его размер окажется как раз средним: 65–70 x 40–45 см. Отголоском отдельного существования средника — оригинала корсунской иконы является и порядок изготовления золотого оклада при Василии Шуйском. Он был выполнен в два приема. Сначала в 1608 г. чеканным золотом покрыли лишь один средник, пластины полей и фоны клейм. На житийные клейма изготовили венцы, а на поля — дробницы. На самих клеймах серебропозлащенный оклад появился в позднейшее время в XIX в.²² Есть и еще один аргумент, на который ранее не обращалось внимания. Средник иконы от клейм жития отделяет довольно широкая красно-алая рамка. Аналогии с репликами Николы Великорецкого XVI столетия говорят о том, что так мог подчеркиваться именно составной характер образа²³.

Таким образом, можно предполагать, что из Херсонеса в первой четверти XIII столетия была перенесена средняя (меньшая, чем сейчас)

¹⁹ Соловьева И.Д. К вопросу о житийной иконографии святителя Николая Мирликийского в русской иконописи XIV столетия // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М., 2007. С. 132–133.

²⁰ Нечаева Т.Н. Указ. соч. С. 231.

²¹ Смирнова Э.С. Иконопись и рукописная миниатюра // История русского искусства. Т.4: Искусство середины XIII — середины XIV века. М., 2019. С. 228, прим. 68.

²² Нечаева Т.Н. Указ. соч. С. 228, 231.

²³ Маханько А.Н. Почитание и собирание древних икон в истории и культуре Московской Руси XVI века. М., 2015. С. 217–218.

по размеру икона, не имевшая поначалу житийных клейм. Лишь на каком-то этапе бытования появилась рама с сюжетами из Жития Николая Чудотворца. Древнейшая сохранившаяся житийная икона в русском искусстве — псковский образ Илии Пророка в пустыне середины XIII в. из Государственной Третьяковской галереи²⁴. Судя по распространению житийных икон Николая Чудотворца (не только типа Заразского) в XIV в., можно думать, что в этом столетии чудотворный образ Николая Заразского раму с повествовательными клеймами, окружающими средник, уже приобрел.

В качестве аналогии можно привести достаточно хорошо известную историю другой почитаемой иконы Николая Чудотворца уже XVI в. — Николая Великорецкого. Точно так же, как и у Николая Заразского, оригинал иконы Николая Великорецкого, явившийся в 1383 г., утерян. О нем можно судить по спискам XVI в. и более поздним. На иконе «Никола Великорецкий» работы Андрея Васильева 1558 г. из Сольвычегодска поясной Николая представляет собой отдельную небольшую самостоятельную икону, вставленную в раму из 8 житийных клейм. Все это дало основание А.А. Рыбакову предполагать, что «первоначальный чудотворный оригинал вятской иконы был небольшим пядничным образом с поясным изображением святителя»²⁵. Мнение А.А. Рыбакова поддержала и Т.Н. Нечаева²⁶. Более поздние примеры подобного рода также хорошо известны. Они представлены среди иконописных памятников XVI—XVII вв. Северной Руси. Так, из северо-западного Прионежья происходит двусоставная икона. Вставной средник «Никола оплечный» более ранний — позднего XVI в., а рама из 10 клейм относится уже к концу XVII в.²⁷

²⁴ Смирнова Э.С. Иконопись и рукописная миниатюра... С. 242.

²⁵ Рыбаков А.А. Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в искусстве (канон, извод, образ) // Образ Святителя Николая Чудотворца в живописи, рукописной и старопечатной книге, графике, мелкой пластике, деревянной скульптуре и декоративно-прикладном искусстве XII—XXI веков: Каталог выставки. М., 2004. С.12.

²⁶ Нечаева Т.Н. Иконография Великорецкого образа святителя Николая Чудотворца в русской иконописи XVI в. // Правило веры и образ кротости... Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. Любопытно, что на миниатюрах Лицевого летописного свода, изображающих перенос иконы в Москву, представлен именно поясной средник, без житийных клейм (Маханько Н.А. Указ. соч. С. 44, 76–78). Не исключено, впрочем, что это лишь проявление общего приема (изображение всегда поясного Николая) миниатюристов Лицевого свода.

²⁷ Платонов В.Г. Житийные циклы на иконах святителя Николая из Обонежья и Западного Поморья (к проблеме формирования локальных иконографических традиций в северной иконописи // Почитание святителя Николая... С. 136. Табл. XIV–7.

Возможность разделения рамы с житийными клеймами и более древнего средника Николы Заразского можно подтвердить и документально. В Коломне при описании в 1577/78 г. ружной церкви Николы Заразского упомянуты два местных образа Николы Чудотворца. Оба имели серебряные оклады, но один из них хранился в киоте и имел золочение. Очевидно, что по меньшей мере один из образов представлял собой список древнего средника иконы Николы Заразского. Все дело в том, что писцы внимательно отмечали наличие житийных клейм. У наиболее почитаемого образа в киоте (имевшего множество привесов — золотые монеты, серебряные позолоченные гривны «с камнями», каменные в серебряной оправе и серебряные кресты и др.) имелась пелена, на которой был вышит образ Николы Чудотворца уже «з деяньем»²⁸. Не приходится сомневаться, что в шитье была представлена полная копия (средник + рама) прославленного образа в том виде, в каком он существовал в 1510-е гг.

В собрании ГМЗ «Зарайский кремль» сохранилась икона 1812 г. «Принесение образа святого Николая Чудотворца в Зарайск» письма художника П.П. Шкутникова-Петрова, являющаяся списком с иконы конца XVII столетия. На ней изображена икона Николы Зарайского именно без клейм²⁹. Таким образом, прямые и косвенные указания источников свидетельствуют о том, что древняя икона Николы Заразского была двусоставной: первоначально существовавший как отдельный образ средник был на каком-то этапе почитания святыни вставлен в раму с клеймами жития. В дальнейшем мы подкрепим это заключение анализом памятников XIV — первой трети XVI в.

Обратимся теперь к иконографическим особенностям средника на списке 1528–1531 гг. (рис. 2). Т.Н. Нечаева считала вполне вероятным, что он «восходит к образу, бытовавшему в рязанских землях и, возможно,

²⁸ Извлечение из приправочного списка... С. 20. (Некорректную трактовку этого места писцовой книги см. у А.В. Поппэ: *Поппэ А.В.* К начальной истории культа св. Николы Заразского... С. 301, примеч. 31.) Ср. в описании храма Воскресения на Соборной площади, что на княжеском дворе, специально отмеченную особенность: «да за столбом на правой стороне оброз месной Николы Чюдотворец з деяньем» (Извлечение из приправочного списка... С. 15).

²⁹ Город Зарайск и его твердыня / Под общ. ред. К.В. Кондратьева. М., 2017. С. 35. К большому сожалению, мастера Лицевого летописного свода, составляя рисунок к рассказу о посещении с богомольем в 1533 г. Василием III Николы Заразского, поместили типовой поясной образ Николы Угодника, никак не соответствующий местной святыне (Там же. С. 10). Знаменщиков миниатюр Лицевого летописного свода, судя по всему (в том числе эпизодам с другими чудотворными иконами), не волновали вопросы точной передачи реалий.

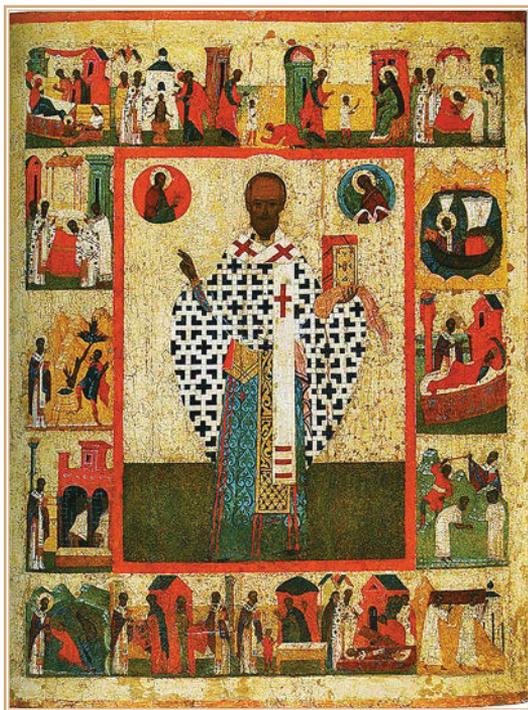

Рис. 2. Икона Николы Зарайского, почитавшаяся с начала XVII в. как чудотворная древняя «корсунская» святыня. Первая треть XVI в. (около 1528–1531 гг.). До 1918 г. хранилась в Никольском соборе г. Зарайска, затем попала в собрание Зарайского музея, а оттуда — в коллекцию Центрального музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева. В 2013 г. возвращена в Зарайск, ныне находится в Иоанно-Предтеченском соборе в центре кремля Зарайска в воздухонепроницаемом киоте

сохранившему некоторые особенности корсунского прототипа»³⁰. По моему мнению, «пропорции фигуры святого с довольно крупной головой и узкими плечами» уже несколько архаичны для начала XVI в. и, возможно, «также сохраняют особенности древнего оригинала». Несколько примет (наиболее важные мы обозначили цифрами) отмечают своеобразие этой житийной иконы «Николы Зарайского»:

1) Первое, что привлекает внимание, — крестчатая фелонь-полиставрий. Ровные ряды разомкнутых прямоугольников, образованных уголками-«гаммами», внутри которых заключены равноконечные кресты, создают совершенно особую ритмику образа. Вне всякого сомнения, это, наряду с позой «оранта», один из главнейших признаков иконографии Николы Зарайского как конкретной иконы вообще (притом что хорошо известны памятники типа Николы Зарайского без полиставрия). Отметим специально древнюю колоколовидную форму фелони. Именно подобные

³⁰ Нечаева Т.Н. Указ. соч. С. 231.

формы имеют древнейшие сохранившиеся русские фелони-полиставрии: а) приписываемая архиепископу Новгородскому Моисею (1326–1330 и 1352–1359 гг.), но на самом деле имеющую монограмму митрополита Фотия (1410–1431 гг.) и б) приписываемая Леонтию Ростовскому (XI в.), но в действительности относящаяся к концу XV — началу XVI в.³¹ Право на полиставрий имели далеко не все православные епископы и архиепископы. На Руси же до второй трети XIV в. облачаться в полиставрий мог только один человек. До митрополита Максима (1283–1305 гг.) включительно это были предстоятели Русской церкви. Следует специально отметить, что фелонь-полиставрий в XIII — первой трети XIV в. прямо соотносила святителя Николая Чудотворца на корсунской иконе с фигурой правящего Русской церковью митрополита. Как заметил В.Г. Пуцко, «очевидно, мыслилось, что как архиепископ [Мир Ликийских. — А.М.] он имеет на это право»³². Одна из примечательных особенностей фелони на списке 1528–1531 гг. — ее наполненность воздухом снизу. Края фелони не свободно спадают с воздетых рук святителя, а вопреки законам физики как бы раздуваются ветром.

2) С правого бока святителя на поясе закреплена архиерейская палица (еписгонатий) с одной красной кистью. Своеобразие в том, что палица развернута плоскостью к зрителю, а левый край ее завернут — видна как будто подкладка (это нюанс, на котором мы остановимся ниже). Характерен и орнамент-бордюр, идущий вдоль края и состоящий из двух параллельных линий.

3) В левой руке святителя под Евангелием находится плат (енхерион), свободные концы которого изящными складками спускаются вне общего контура фигуры. Такой же изысканно вьющийся плат закреплен на поясе на левом боку архиепископа. Наличие подобных деталей отсылает нас, как отметила Е.В. Гладышева³³, к обычаю омовения рук на литургии. Таким образом, вся фигура святителя Николая предстает перед нами в момент совершения Евхаристии, когда архиерей на Малом входе выносит Евангелие к народу и благословляет его.

4) Еще одна деталь, на которую обращали незаслуженно мало внимания, подтверждает подобное наблюдение. При внимательном рассмотрении фигура Николая Чудотворца оказывается совсем не статичной. Она

³¹ Пуцко В.Г. Фелонь-полиставрий св. Леонтия Ростовского // Сообщения Ростовского музея. Вып. XV. Ростов, 2005. С. 402, 409, рис. 1–2 на с. 410.

³² Там же. С. 404.

³³ Гладышева Е.Н. К вопросу об иконографии Николы Зарайского // Иконы Русского Севера. Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. Статьи и материалы. М., 2005. С. 134–135.

движется на зрителя, о чем свидетельствуют едва видные из-под облачения ножки. Сам нижний обрез облачения скошен, чтобы передать динамику. Правая ступня святителя выдвинута вперед, а левая готовится сделать шаг.

5) Наиболее светлое пятно на иконе образует большой омофор с тремя крестами, край которого через область сердца асимметрично спускается вниз. Три параллельные полосы — это так называемые малые «источники». Право ношения омофора исторически изначально принадлежало далеко не всем епископам, а только первоиерархам, что и подчеркивает эта деталь. Затем это право делегировалось высокопоставленным митрополитам и архиепископам. М.А. Юдаков предполагает, что в греческих церквях с X в. омофор носили уже все архиереи. На Руси же данный порядок, по его мнению, утвердился лишь к XV столетию³⁴. Древнейшие сохранившиеся древнерусские омофоры принадлежали новгородскому архиепископу Моисею (на кафедре был в 1325–1330 и 1352–1359 гг.)³⁵.

Архиерейский статус Николы подчеркивают детали голубовато-бирюзового подризника, украшенного изысканным орнаментом из сердечек с узором внутри. При внимательном рассмотрении оказывается, что поверх «узорок» сверху вниз идут три сдвоенные красные полосы. Это архиерейские источники (струи)³⁶, символизировавшие истечение крови из тела пригвожденного к Кресту Христа. Под фелонью поверх подризника надета епитрахиль (к нижней ее части прикреплена красная кисть), мотивы орнамента которого из вьющихся стеблей с завитками Т.Н. Нечаева возводит к памятникам XIII столетия (миниатюре «Иоанн Златоуст» из Соловецкого служебника³⁷). Чудотворец благословляет народ двухперстным жестом правой руки, отведенной в сторону и вовне. Наконец, на уровне чуть выше лика Николая Мирликийского помещены два круглых медальона с Христом и Богородицей, вручающих ему знаки епископского достоинства (Евангелие и омофор) и напоминающие о так называемом «Никеийском чуде». Нимб святителя слегка заходит на рамку средника.

Характерная черта именно этой иконы — граница позема (земной поверхности, на которой стоит святитель) и фона («света»), проходящая

³⁴ Юдаков М.А. Порядок употребления архиерейского омофора за Божественной литургией в Русской церкви (исторический анализ) // Богословские труды. Вып. 45. М., 2013. С. 323.

³⁵ Преображенский А.С. Прикладное искусство... С. 625–631.

³⁶ Источники (струи) архиерейские // Православная энциклопедия. Т. 28. М., 2015. С. 23.

³⁷ Последняя по времени цветная качественная публикация: История русского искусства... С. 287. Ил. 433.

в районе соприкосновения крестчатой фелони и подризника архиерея. В дальнейшем мы не единожды увидим ее повторение.

Полагая, что все основные черты рассмотренного нами списка «Никола Зарайский с житием» 1528–1531 гг. так или иначе (степень подобия будет обсуждена ниже) восходят к древнему корсунскому образу, попробуем теперь методом нисхождения от более позднего к более раннему определить по копиям-спискам и повторениям чтимого оригинала — к какому именно времени он может быть возведен. Мы далеки от мысли, что все перечисленные памятники являются непосредственным повторением (хотя среди них есть, несомненно, и такие). В основном речь идет об опосредованном восхождении. Для исследования привлечено 43 иконографических памятника с изображением Николы Зарайского в фелони-полиставрии³⁸ (сам список 1528–1531 гг. в это число не входит), которые так распределяются по времени и разновидностям:

Период	Иконы		Фреска	Шитье Пелена	Искусство «малых форм»	
	Живописные	Деревянная резная			Крестомощевик	Каменная резная иконка
Первая треть XVI в.	14		1	1		
XV в.	15				1	
XIV в.	9	1				
XIII в. или кон. XIII — нач. XIV в.						1

Все иконографические источники представлены в своде, прилагаемом в настоящей статье (Приложение)³⁹. Заслуживает внимания прежде

³⁸ Иные (без крестчатой фелони) памятники здесь не анализируются (по причине необходимости выявления именно максимально сходных со списком 1528–1531 гг. вариантов). Предполагается посвятить им отдельную работу.

³⁹ Ниже при обсуждении конкретных памятников для облегчения научно-справочного аппарата в скобках будут указываться лишь номера свода. Датировки и атрибуции памятников основываются на принятых в искусствоведческой литературе и научных каталогах данных. Памятники, датированные XV — началом XVI в., условно отнесены в группу XV в., а конца XV — начала XVI в. — в группу первой трети XVI в. Высококачественные цветные иллюстрации для подавляющего большинства памятников доступны на ресурсе «Христианство в искусстве: Иконы, фрески, мозаики...» (www/icon-art.info/topic.php — дата обращения 31.12.2020).

всего количественное распределение. От XIII столетия до нас дошла всего одна каменная резная иконка, от XIV в. — 10 артефактов, от XV в. — 16, а от первой трети XVI в. — 16 памятников. Даже если принимать во внимание зависимость сохранности древностей от близости к нам по времени (чем древнее — тем меньше количество), можно констатировать постепенное увеличение почитания образа Николы Заразского, особенно очевидное для первой трети XVI в. В сопоставимых цифрах популярность этого извода в XVI столетии оказалась в три раза больше, чем в предшествующем XV в. В свою очередь, в XV в. запросов на написание подобных икон было в полтора раза больше, чем в XIV столетии.

Начнем наш обзор с наиболее поздней и самой представительной группы памятников первой трети XVI в. География их очень обширна. Здесь представлен как центр России — Москва и ее округа, Коломна, Рязань, Тверь, Ростов, так и Северная Русь: округа Новгорода, Обонежье, Белоозеро, Вологда, Великий Устюг. Среди них есть несколько точно датированных (№ 30, 41–43) и подписных (№ 31, 41, 43). Для ретроспекции очень важна шитая пелена (№ 41) с точной датой (1518 г.), исполненная по заказу игумена Николо-Угрешского монастыря Тихона (в дальнейшем епископа Коломенского) (рис. 3)⁴⁰. Она была выполнена, скорее всего, с вернувшегося в Никольский Заразский погост после коломенских чудотворений древнего оригинала. Мы видим тут мастерски набросанный опытным знаменщиком копияный образ Николы Чудотворца. Все перечисленные признаки (№ 1–5) наличествуют на этом произведении древнерусского шитья, даже линия позема и фона точно (как и на списке 1528–1531 гг.) проходит близ соприкосновения фелони и подризника святителя. Впрочем, есть и некоторые исключения. Изящно сложенный плат в левой руке Николы округлой частью направлен вовне (а не внутрь, как у списка 1528–1531 гг.), а концы-складки обращены вовнутрь контура фигуры. Кроме того, отсутствует дополнительный плат на поясе с левой стороны фигуры архиепископа, кисти на палице и епитрахили, «источники» на подризнике и медальоны с Христом и Богородицею. Очевидно, эти детали можно понимать как авторскую трактовку мастера, знаменовавшего пелену перед работой вышивальщиц.

Особенности поздних икон позволяют раскрыть загадку своеобразной формы палицы на списке 1528–1531 гг. На иконах 1531 г. из Обонежья и Вологды на правом боку Николая Угодника помещен только плат

⁴⁰ Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006. С. 184–185. № 73.

Рис. 3. Шитая пелена (плащаница) 1518 г., выполненная по заказу игумена Николо-Угрешского монастыря Тихона и вложенная им в Никольский собор обители.

Камка, холст, шелковые, золотые и серебряные нити.

Из собрания Государственного Русского музея

(№ 29 и 43), а на тверской иконе 1526 г. (?) (№ 42) и плат, и палица «с отворотом». Вероятно, мы в последнем случае имеем дело с реликтом, когда мастер-иконник, повторяя или творчески перерабатывая образец, не до конца осознавал то, что он изображает. Либо это две разные вещи, либо одна. Рассмотрим первый вариант. Теоретически заворот края палицы вряд ли возможен. Она шьется из ткани на жесткой подкладке и может иметь только плоскую форму, без каких-либо складок. Возникает предположение, что изначально здесь сочетались две отдельные вещи — палица и плат. Со временем они как бы слились в один предмет — от плата остался небольшой треугольник, накинутый на палицу. Второй вариант предполагает, что перед нами завернувшаяся алая подкладка самой палицы (в этом случае она не должна быть жесткой). Эти предположения мы проверим в дальнейшем на материалах более ранних хронологических периодов.

Некоторые иконы первой трети XVI в. (№ 38–39) повторяют даже такие мелкие детали, как кисти бахромы на палице и епитрахили. На наш взгляд, это говорит о копировании чтимого прототипа. За ис-

ключением трех (№ 29, 31–32) все поздние житийные иконы имеют медальоны, напоминающие о «Никеийском чуде». Наличие икон без житийных клейм (№ 36, 40 — вместе со св. Георгием Победоносцем, № 43) подтверждает бытование древнего прототипа в разделенном виде — средник + рама с клеймами жития. Средник на образе из с. Григорово близ Весъегонска (№ 19), относимом к ростовской школе, специально выделен особой киноварной орнаментальной рамкой. Фон на этой иконе не имеет аналогов среди других икон Николы Заразского. Он «облачный»: подобные ощущения создают ряды горизонтальных волнообразных линий белил, оттененных полосой с легкой пробелкой. Л.М. Евсева парадоксально отмечает, что такой фон подражает зеленому облачному фону среднерусских икон «Николы Можайского» XVI в., которые имели более ранний протограф⁴¹. Интересно, что среди 11 икон с житийными клеймами ни одна по составу и порядку клейм (в том числе и Коломенский список около 1515 г. — № 35, здесь 22 клейма — максимальное количество среди учтенных) не повторяет другой, в том числе и зарайскую икону 1528–1531 гг.⁴²

Некоторые размеры икон близки к оригиналу. Икона из Троицкой церкви с. Ручейки близ Боровичей (№ 38) практически идентична размеру списка 1528–1531 гг., но клейма их различны. Иконы первой трети XVI в. различны по размеру, причем разброс метрики велик: крупные 106–138 x 77,5–105 см (более метра высотой; самая большая для данного периода — Коломенский список № 35, 138 x 105 см), средние (61,5–94 x 43,8–66 см) и малые (49–52,8 x 39–46 см). Икона из собрания В.А. Бондаренко (№ 36) (65 x 45,7 см), не имеющая клейм, практически совпадает по размеру со средником списка 1528–1531 гг.

Благословляет Никола почти всегда (за исключением двух случаев с именованным сложением — № 32–33) двумя перстами. На многих (но не всех!) иконописных памятниках просматриваются «источники» на подризнике (№ 29, 31, 33, 36–40, 42–43).

В целом поздняя группа копий (или подбоек) иконы Николы Заразского характеризуется достаточно высоким уровнем сходства. Практически везде, например, повторена такая деталь, как три горизонтальные полосы («малые источники») на окончании омофора святителя. Однако ни на одной иконе мы не наблюдаем элегантно вьющегося плата на его

⁴¹ Иконы Москвы XIV–XVI вв. Каталог собрания ЦМИАР. Вып. II. М., 2006. Кат. № 11, С. 83–84, 86 (автор описания Л.М. Евсева).

⁴² О возможных причинах подобного явления на материалах иконы Николы Велико-рецкого см.: *Маханько М.А.* Указ. соч. С. 239–240.

Рис. 4. Крест-мощевик. Л.с.: Никола Зарайский и Спас Нерукотворный в оглавии.
 О.с.: Святой князь Михаил Черниговский, его боярин Феодор и сотник Корнилий.
Серебро, золочение, чернь, резьба, литье. Конец XV в.
Оружейная палата Московского Кремля

левом боку, закрепленного у пояса. На наш взгляд, можно предположить, что эта деталь добавлена исполнителем списка 1528–1531 гг. при копировании древней святыни. Уже в 1502 г. поясной вариант Николы Зараского был размещен знаменитым иконописцем Дионисием в конхе Никольского придела собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (№ 30, его особенность — отсутствие плата в руке под Евангелием). И это нельзя трактовать иначе как факт особого почитания образа.

Перейдем теперь к группе памятников, имеющих изображение Николы Зараского с фелонью-полиставрионом, относящихся к XV столетию. Географически это Северная (Новгород и его ближняя округа, окрестности Старой Ладоги, не идентифицированные точно по происхождению так называемые «Северные письма») и Средняя Русь (Москва, Владимир, Ростов, Суздаль, Рязань).

Первым надо рассмотреть древний памятник ювелирного дела — серебряный позолоченный крест-мощевик с черневым изображением фигуры Николы Зараского (№ 26) (рис. 4). Он относится к концу XV столетия, времени великого князя Ивана III (происходит из собрания ГИМ). Николай Чудотворец помещен на более почетной лицевой стороне реликвария. Интересно, что на оборотной стороне находится изображение князя Михаила Черниговского, его боярина Федора и сотника Корнилия.

Указанные выше признаки образа Николы Заразского (№ 1–5) присутствуют тут почти в полном объеме. Абрис плата в левой руке повторяет особенности списка 1528–1531 гг. Имеются «источники» на подризнике (правда, размещенные очень плотно в районе епитрахили и омофора), также отсутствует плат на поясе. Из особенностей укажем авторскую трактовку (что неудивительно для малого по размеру мощевика) орнаментов на палице, ниспадающем конце омофора и епитрахили. Фигура (как и лик) святителя тут выглядит более полной по сравнению со стройной и подтянутой на копии 1528–1531 гг. Часть изнанки фелони ниже левой руки святителя мастером-ювелиром, вероятно, недоделана. Здесь должен быть характерный декор полиставрия из образованных уголками-«гаммами» прямоугольников с крестами в центре, однако его мы не наблюдаем. Изготовление в Москве серебряного с позолотой черневого мощевика с признаками копирования древнего оригинала Николы Заразского является прямым свидетельством почитания местночтимого образа в великокняжеской среде при Иване III, когда Рязанское княжество прочно вошло в орбиту влияния его державы.

Среди икон XV в. мы вновь встречаем несколько икон, подтверждающих раздельное существование средника и клейм у чтимого образца. Очевидно, по желанию заказчика мог быть выбран как один средник (№ 12, 17, 21), так и житийный вариант, и даже средник с Деисусом и избранными святыми (№ 24). На целом ряде икон как первой, так и второй половины и конца столетия (№ 15, 22, 24) прослеживается имеющееся на списке 1528–1531 гг. изображение «источников» на подризнике в виде трех сдвоенных полос, важное для иконописцев и в первой трети XVI в. Памятники второй половины — конца XV в. подтверждают трактовку «загиба» палицы как реликта раздельного существования плата и палицы. Так, на иконах № 18, 20–21, 24–25 они вполне различимы как отдельные предметы. Икона из Палехского музея (№ 18) дает нам небольшой уголок в основном скрытой на тыльной стороне палицы и свисающую фронтально тряпицу-плат такого же цвета, как и плат в левой руке. На иконе из собрания К.В. Воронина (№ 14) на правом боку святителя имеется только плат без палицы, что подтверждает наличие в прототипе плата на правом боку.

В XV в. в Новгороде бытовал особый тип иконографии Николы Заразского, в котором низ омофора закинут на левую руку святителя (№ 18, 21, 25). Именно так трактован образ Николы (в числе трех святых) на новгородской иконе-таблетке конца XV в. (№ 27). Уникальны две иконы из собрания Владимиро-Суздальского музея. На одной из них левая рука

вообще не видна (она прикрыта фелонью, соответственно, плат в ней и не мог быть изображен) — № 21. На крупноформатной иконе (самой большой из всех привлеченных) (№ 25) в левой руке Николы находится замечательный крупный белый плат с каймой из двух линий, прихотливо и пышно ниспадающий крупными складками на две стороны. Ни одна другая икона Николы Заразского рассматриваемого периода не имеет такой особенности.

Особое почитание иконографического типа Николы Заразского в Новгороде фиксирует образ Николы Вяжищского (ок.1411–1417 гг.) (№ 13), ныне находящийся в иконостасе Успенского собора Московского Кремля, куда он был привезен во время «собрания» икон в столице в середине XVI в. Это также одна из самых больших из дошедших до нас древних икон типа Николы Зарайского. Ее особенностью по сравнению с эталонным для нас списком 1528–1531 гг. являются раскрытое Евангелие и именованное благословение (как и на иконе конца XV в. из Владимиро-Суздальского музея — № 25). Последнее отмечается и на другой более ранней иконе из того же собрания (№ 21), иконах из Великоустюжского музея (№ 24), из собрания К.В. Воронина (№ 14), а также на иконе-таблетке из новгородского Софийского собора (№ 27). Перечисленные и некоторые другие признаки (именованное благословение, раскрытое Евангелие, фронтально развернутая палица, выход нимба Николы за рамку — на лузгу и поле, иногда коврик под ногами) являются приметами, как это уже отмечено исследователями, особого новгородского иконографического варианта Николы Зарайского, сформировавшегося в XV столетии. Тип благословляющего жеста — еще одна деталь, которая допускала вариативность трактовок. Все остальные иконы среднерусского происхождения повторяют двуперстное благословение эталонного списка, восходящего к древней корсунской иконе Николы Чудотворца.

Плат в левой руке святителя может быть обращен округлой стороной как вовне (складками вовнутрь), так и наоборот. Большинство икон повторяют эталон 1528–1531 гг. (исключения — № 12, 17, 25). Видимо, можно полагать, что эта деталь отражает особенности древнего оригинала.

Размеры икон малые⁴³ 51–62 x 41–44 см (икона из ГТГ № 17, не имеющая житийных клейм, размерами 62 x 44 см, восходит к реконструируемым размерам средника Николы Заразского), средние 77–98,7 x 51,5–71,2 см (причем среди них есть и без житий — № 12 и 21) и крупные

⁴³ Икона-таблетка из Софийского собора Новгорода имеет размеры 24 x 19,5 см.

Рис. 6. Двусторонняя каменная резная иконка. Лс.: Никола Зарайский.
Ос.: Архангел и неизвестный святой. Оклад серебряный золоченый, скань, зернь.
Из собрания Государственного Русского музея

129–153 x 77–117,2 см (самые большие № 13 и 25 — обе с раскрытым Евангелием, новгородского иконографического варианта).

Наиболее ранняя группа икон Николы Заразского XIV столетия представлена 10 памятниками (из них 9 живописных икон и 1 деревянная резная — рис. 5). Географически среди них почти половину составляют артефакты из Северной Руси (Новгорода, его ближней и дальней округи, Вологды — всего 4 памятника). Очевидно, это обусловлено как особым почитанием Николы Заразского на Новгородчине, так и условиями сохранности икон. Больше памятников (6) дошло из Центральной России. Представлены 3 иконы из Ростова и по одной — из Рязани и, предположительно, Твери, а также икона из среднерусских княжеств из собрания А.В. Морозова (ГТГ). Подавляющее большинство ранних икон — крупные по размерам (102–134 x 63–94 см), даже если они не имеют жития (№ 8, верх и низ иконы опилены). Очевидно, мощь фигуры святителя корреспондировалась с размерами, чтобы усилить эмоциональное впечатление, производимое на взорающего человека. Средних, лишь немного уступающих по размерам большим, икон две (88–90 x 68–68,5 см). Малая икона одна (30,5 x 23,5 см) — деревянная резная.

Группа ранних изображений также подтверждает гипотезу о раздельном исполнении средника и житийной рамы. Об этом говорят крупные

ростовые иконы из иконостаса (№ 8), иконы с Деисусом и избранными святыми (№ 9), а также образа с предстоящими святыми (№ 5 и 11), на которых не имеется житийных клейм. На иконе № 5 в предстоянии изображен апостол Иаков, брат Господень, что может напоминать о первоначальном нахождении древней иконы-оригинала в Херсонесе, согласно Повести о перенесении, в церкви Св. Иакова⁴⁴ (если эти изображения не продиктованы патрональным заказом). Целый ряд икон специальными живописными средствами подчеркивают «отдельность» средника. Как и на списке 1528–1531 гг., это особая красно-коричневая (№ 6 и 10), красная и голубая (№ 9) или светлая (№ 7) рамки. Она может переходить в рамки-регистры отдельных клейм, а может и не переходить. На двух иконах (№ 2 и 3) эта рамка, образующая с клетками-регистрами житийных сюжетов единое целое, украшена жемчужным орнаментом.

Благословения архиепископ Мир Ликийских на самых древних иконах преподает правой рукой двумя перстами, причем кисть образует весьма характерный изгиб, восходящий, скорее всего, к древней корсунской иконе. Единственное исключение с именованным благословением представлено иконой ростово-суздальской школы из ГТГ (№ 8).

Архиерейские «источники» (в идеале они должны быть представлены тремя сдвоенными полосами) на подризнике в полном объеме присутствуют только на образе из погоста Озерёво (№ 2) и деревянной резной иконе (№ 11). На остальных об этой детали напоминают одна-две ниспадающие полосы (№ 3-4, 7, 8). То была важная деталь, которая просматривается на большинстве опубликованных икон. «Никейское чудо» обозначено ровно на половине (5 из 10) памятников. По-разному изображена палица: она видна наполовину (№ 4, 7), три четверти (№ 8), полностью (№ 6, 11) или даже отсутствует (№ 3). На древнейшей живописной иконе из погоста Озерёво (№ 2) палица, по-видимому, дополнена набедренником с левой стороны.

На самых древних иконах плат в левой руке (и только там, других вариантов нет) под Евангелием почти всегда округлой частью обращен вовне (№ 3–8). Только на деревянной резной новгородской иконе (№ 11) он сложен по-особому плотно (брусом), так что концы его симметричны.

Все древние иконы распадаются на две группы по признаку формы омофора. В основном это обычный большой омофор с асимметрично

⁴⁴ Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006. С. 68. Кат. № 14 (автор описания Н.В. Пивоварова).

спускающимся окончанием. Однако две иконы (№ 2–3), причем самые ранние, имеют архаичный омофор Y-образной формы, конец которого опускается строго по оси фигуры святителя⁴⁵. У деревянной резной иконы омофор у святителя отсутствует вообще (№ 10). Зато на епитрахили идут в два ряда кресты (такие же, как на фелони). Последний образ замечателен тем, что на нем изображена массивная витая гривна, совершенно аналогичная изображению гривен в Лицевом летописном своде⁴⁶. Вне всяких сомнений, это реальный привес, когда-то существовавший на древнем образце, послужившем прототипом. На иконе, имеющей фигуры предстоящих святых (скорее всего, небесных патронов ктиторов), также сохранились следы крепления накладных венчика и цаты.

Не на всех древних иконах акцентировано движение Николая Чудотворца (4 памятника — № 3–4, 6, 8), подчеркнутое асимметрией нижнего обреза одеяния и положением ног. На трех иконах Никола стоит строго фронтально, устойчиво и неподвижно, его ножки симметричны (№ 2, 7, 11).

Здесь стоит несколько уклониться от строго хронологического подхода и обратить внимание на другой аспект. Особого внимания заслуживают иконы из наиболее географически близкого к Николо-Заразскому погосту пункта — Переяславля-Рязанского (современный г. Рязань) и его округи. Сохранилось три иконы, последовательно представляющие два с лишним века почитания чудотворной иконы Николы Заразского: XIV (№ 6), XV (№ 20) и конца XV — первой половины XVI в. (№ 37). Все они характеризуются очень высоким уровнем сходства со списком 1528–1531 гг. Самая поздняя икона Николы Зарайского с житием из Рязанского областного художественного музея (№ 37) отличается горизонтальным расположением Евангелия. Можно предположить, что иконописец не рассчитал композицию. В случае обычной вертикальной ориентации верх Евангелия попал бы в пределы медальона с Богоматерью. Мастер вышел из ситуации, «положив» Евангелие. Образ из Никольской церкви Ямской слободы (№ 20), написанный местными иконописцами, обычно датируется XV в.⁴⁷ (Е.В. Гладышева считает возможным отнести его к XV — началу XVI в.⁴⁸). Замечательный памятник позволяет еще раз уяснить малопонятную деталь — загиб палицы (у которой имеется

⁴⁵ См. о нем: Юдаков М.А. Порядок употребления архиерейского омофора... С. 321–322.

⁴⁶ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М., 2004. С. 150 и рис. 31 на с. 151.

⁴⁷ Искусство Рязанских земель. М., 1993. С. 12, 18–19, 29. Ил. 9.

⁴⁸ Гладышева Е.В. К вопросу об иконографии Николы Зарайского... С. 124.

Рис. 5. Святые Николай Чудотворец с предстоящими Иоанном Милостивым и Параскевой Пятницей. Деревянная резная икона со следами раскраски.

XIV в. Новгород, провинция.

Из собрания Государственного Русского музея

кисть с бахромой). На самом деле это кусок плата, обозначенный тем же алым цветом, что и плат в левой руке (как и плат у левого бока на поясе Николы). Мастер рязанской иконы стремился придать образу святителя дополнительную декоративность, что достигнуто введением жемчужных поясков. Обнизь из жемчуга с привеской окаймляет ворот облачения Николы, жемчужинами покрыта палица, а также нижняя часть епитрахили.

Ценна для анализа икона Николы Заразского с 14 клеймами жития из Успенского кафедрального собора Рязанского кремля, относящаяся к XIV в. и исполненная иконописцами местной художественной традиции⁴⁹. Территориально это самое близкое раннее подражание корсунской иконе из Никольского погоста на Заразах. Фелонь-полиставрий, асимметричный омофор, ноги в движении — все это роднит эту икону со списком 1528–1531 гг. Важны и отличия. Палица здесь развернута к зрителю и не имеет загиба. Плат имеется лишь в левой руке святителя, округлой частью он обращен вовне, складками ниспадает к центру.

Наиболее древний памятник, привлеченный для анализа — каменная резная иконка из глинистого сланца, в золоченом серебряном окладе

⁴⁹ Искусство Рязанских земель... С. 11–12, 18 (описание), 26. Ил. 6.

со сканью и зернью, размерами 6,5 x 4,9 x 0,9 см (№ 1) (рис. 6). Она датируется либо XIII⁵⁰, либо XIV⁵¹, либо концом XIII — началом XIV в.⁵² Как совершенно справедливо указал В.Г. Пуцко, эта иконка среди остальных произведений мелкой пластики XIII—XIV вв. в наибольшей степени «соотнесена с живописным образом не только в отношении рисунка, но и пластики, что случается не так часто»⁵³. Несмотря на малые размеры, образок имеет интересные детали, искусно проработанные резчиком. Фелонь Николы покрыта крестами, что должно было передать полиста-врион чтимого образа. Очень характерна «раздутость» нижней части фелони, описанная нами для списка 1528–1531 гг. На правом боку на три четверти представлена палица. При внимательном рассмотрении в верхней ее части видны складки-сборки, которые могут относиться только к плату. На подризнике тремя сведенными полосами переданы архиерейские «источники». Особенность образа — асимметричное положение ног. Однако, если на всех проанализированных ранее иконах, включая и эталонный список 1528–1531 гг., вперед выдвинута правая ножка святителя, тут ситуация противоположная. В целом на живописных иконах ножки Николая Чудотворца сдвинуты вправо. На резной каменной иконке асимметрия обратная. Относительно центральной оси фигуры ножки сдвинуты влево от зрителя. Это должно было бы передавать движение святителя, но из-за ровной линии основания, на котором он стоит, его не чувствуется. После того, как зритель обратит внимание на ножки, фигура архиепископа Мирликийского вдруг становится неустойчивой и ломкой. Значение анализируемого артефакта для восстановления истории почитания древнего образа Николы Заразского очень велико. Даже если бы мы не знали довольно многочисленных памятников XIV — первой трети XVI в., сопоставление сохранившегося списка 1528–1531 гг. и этой резной каменной иконки позволяет сделать вывод о их высоком сходстве. Они независимо друг от друга передают особенности древнего оригинала — византийской (из Херсонеса) иконы Николая Чудотворца первой четверти XIII в., перенесенной на Русь и получившей тут

⁵⁰ Святой Николай Мирликийский в произведениях XII–XIX столетий... С. 202, № 85 (автор описания А.А. Макарова).

⁵¹ Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // Свод археологических источников. Вып. Е1–60. М., 1983. № 179; Пуцко В.Г. Русские иконы святителя Николая по данным мелкой каменной пластики XIII–XIV веков // Почитание святителя Николая Чудотворца... С. 125, 130, № 179.

⁵² Преображенский А.С. Прикладное искусство // История русского искусства... С. 635. Ил. 867.

⁵³ Пуцко В.Г. Русские иконы... С. 125.

название Николы Зараского. Между тем между ними есть и некоторые отличия. Самое принципиальное — форма омофора, менее заметное, но также важное — отсутствие плата в левой руке Николы под Евангелием на иконке XIII в. Как же можно это объяснить?

Помимо самого очевидного ответа на вопрос (перевод изображения в малый формат и в другом материале), можно предположить следующее. Примерно в XIV столетии происходило поновление чтимого образа, в ходе которого был иначе (в соответствии с принятыми в тот момент нормами) прописан омофор и добавлен плат.

Таким образом, анализ изобразительных источников позволяет прийти к выводу о том, что не позднее конца XIII в. достоверно существовал чтимый образ Николы Зараского. Существование его документировано многочисленными подобиями и подражаниями широкой географической распространенности. Наиболее ярким признаком этого образа, помимо характерной позы «оранта» с благословляющей правой рукой и Евангелием — в левой, было облачение архиепископа — крестчатая фелонь. Мелкие, но важные детали могли на каждом конкретном памятнике (иконе, фреске, шитье, искусстве «малых форм») варьироваться. В целом, однако, это был хорошо узнаваемый образ великого святителя, архиерейское достоинство которого и величие подчеркивались множеством деталей. Если омофор и палица легко считывались как маркеры епископства широкими кругами населения, то о значении «источников» на подризнике даже сегодня осведомлены немногие. Тем более это было недоступно простонародью в Средние века. Еще более высоким уровнем символизма отличались трактовки платов (кусков ткани). На древнейшей каменной иконке, где он совмещен с палицей (епископнатием), этот плат мало заметен. Очевидная акцентация на алом или красном плате-

№ п/п	Наименование	Дата	Происхождение
1	Никола Зарайский, Архангел и неизвестный святой. Каменный резной образок. 6,5 x 4,9 x 0,9 см	Конец XIII — начало XIV в.	Новгород?
2	Никола Зарайский, с житием в 16 клеймах 107 x 75 см	Первая четверть XIV в.	Никольская церковь пог. Озерёво (Бежецкой пятнины Новгородской земли) Бокситогорского района Ленинградской области

енхерионе (а затем платах) появляется на иконах лишь в зрелом XIV столетии (не в самом его начале). Поначалу это плат в левой руке, в XV в. мы видим уже два (еще и справа, — относительно зрителя слева, — у пояса святителя), а иногда и три плата (как на рязанской иконе из Никольской церкви Ямской слободы — № 20)⁵⁴. Эта деталь подчеркивала литургический смысл иконографии Николы Зарайского. Как заметила Е.В. Гладышева, «в XIII в. изображения енхериона в искусстве византийского круга встречаются реже, а к XIV в. окончательно вытесняются епигонатием»⁵⁵, что дополнительно подтверждает датировку древней корсунской святыни-оригинала именно XIII столетием.

Приложение

Свод иконографических памятников «Никола Заразский» в крестчатой фелони⁵⁶, конец XIII — первая треть XVI в.

⁵⁴ Это наблюдение, впервые высказанное Т.Н. Нечаевой (*Нечаева Т.Н.* С. 231), корректирует мнение Е.В. Гладышевой о появлении данной детали в XVI в.

⁵⁵ *Гладышева Е.В.* К вопросу об иконографии Николы Зарайского... С. 136.

⁵⁶ Во избежание недоразумений еще раз подчеркнем, что в свод не вошли памятники (в том числе и очень яркие), на которых Никола Чудотворец не имеет крестчатой фелони.

Место хранения	Наличие публикации	Источник	Примечание
ГРМ	+	Святой Николай Мирликийский в произведениях XII—XIX столетий из собрания Русского музея. СПб., 2006. С. 202. Кат. № 85	
ГРМ	+	Святой Николай Мирликийский... С. 48. Кат. № 4	

№ п/п	Наименование	Дата	Происхождение
3	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 102 х 77 см	XIV в.	Из собрания А.В. Морозова
4	Никола Зарайский с житием в 16 клеймах 128 х 75 см	Вторая половина XIV в.	Из с. Павлово близ Ростова Великого
5	Никола Зарайский со святителем Иаковом Братом Господним и апостолом Тимофеем (без жития). 88 х 68,5 см	XIV–XV в. (?)	Из с. Литвиново Шенкурского района Архангельской области
6	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 106 х 74 см	XIV в.	Из Успенского кафедрального собора Рязанского кремля (древнего Переяславля-Рязанского)
7	Никола Зарайский в житии в 14 клеймах 134 х 94 см	XIV в.	Тверь?
8	Никола Зарайский (без жития) 106 х 63	Конец XIV в.	Ростово-Суздальская школа
9	Никола Зарайский, с Деисусом и избранными святыми 90 х 68 см	Конец XIV в.	Вологда (?), северные письма
10	Никола Зарайский с житием в 16 клеймах 119 х 77 см	XIV–XV вв.	Ростово-Суздальская школа

Место хранения	Наличие публикации	Источник	Примечание
ГТГ	+	Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. Древнерусское искусство X — начала XI века. М., 1995. С. 128–129. Кат. № 53	
ГТГ	+	Государственная Третьяковская галерея... С. 114–117. Кат. № 44	
ГРМ	+	Святой Николай Мирликийский... С. 68–69. Кат. № 14	Раскрыта частично. Нимб Николы заходит на лузгу и поле. Граница позема соответствует списку 1528–1531 гг.
Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник	+	Искусство Рязанских земель. Альбом-каталог. М., 1993. С. 18. Кат. № 2. С. 26	
Гос. музей Палехского искусства	+	Иконопись Палеха из собрания Государственного музея Палехского искусства. М., 1994. С. 11, 133, 144. Ил. 1	
ГТГ	+	Ростово-Суздальская школа живописи. Каталог выставки в ГТГ. М., 1967. № 39. С. 90, ил. на с. 50	Верхняя часть опилена полукругом. Именословное благословение. Нимб Николы заходит на лузгу
ГТГ	-	<i>Антонова В.И., Мнева Н.Е.</i> Каталог древнерусской живописи XI–XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 358. Кат. № 303	
ГТГ	-	<i>Антонова В.И., Мнева Н.Е.</i> Указ. соч. Кат. № 177. С. 219–220	

№ п/п	Наименование	Дата	Происхождение	
11	Никола Зарайский с предстоящими Иоанном Милостивым и Параскевой Пятницей 30,5 x 23,5 см	XIV в.	Новгород, провинция	
12	Никола Зарайский (без жития) 98,7 x 71,2 см	Начало XV в.	Из кладбищенской церкви с. Ракомо близ Новгорода, Новгородская провинция	
13	Никола Вяжищский с житием в 19 клеймах 150 x 107 см	Первая треть XV в. Около 1411 или 1417 г.	Из Никольской церкви Вяжищского монастыря близ Новгорода	
14	Никола Зарайский с житием в 12 клеймах 78,3 x 62,5 см	Первая половина XV в.	Средняя Русь	
15	Никола Зарайский с житием в 18 клеймах 129 x 77 см	Первая половина XV в.	Из Георгиевской церкви Теребушского погоста близ Старой Ладogi; Среднерусские земли (Москва?)	
16	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 85 x 51,5 см	Первая половина XV в.	Из Покровского монастыря в Суздале	
17	Никола Зарайский (без жития) 62 x 44 см	XV в.	Северные письма	

Место хранения	Наличие публикации	Источник	Примечание
ГРМ	+	Святой Николай Мирликийский... С. 206. Кат. № 92; <i>Плешанова И.И.</i> Резные иконы Государственного Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. М., 1977. С. 204–206	Деревянная резная икона со следами раскрашивания, на Николе отсутствует омофор
ГРМ	+	Святой Николай Мирликийский... С. 66. Кат. № 13	Нимб Николы заходит на лузгу и поле
Успенский собор Московского Кремля	+	Иконы Успенского собора Московского Кремля. XI — начало XV века. Каталог. М., 2007. С. 154–161. Кат. № 15	Именословное благословение, Евангелие раскрыто. Нимб Николы выходит за границы средника. Граница позема совпадает со списком 1528–1531 гг.
Собрание К.В. Воронина	+	<i>Саенкова Е.М.</i> Икона «Святитель Николай Чудотворец, с житием» 1-й пол. XV в. из собрания К.В. Воронина: особенности иконографии и стиля // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып.3 (6). С. 34–46	Именословное благословение, Евангелие раскрыто. Нимб Николы выходит за границы средника
ГРМ	+	Святой Николай Мирликийский... С. 72–73. Кат. № 16	Границы позема совпадают со списком 1528–1531 гг.
Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник	+	Иконы Владимира и Суздаля. М., 2006. С. 68–77. Кат. № 6	
ГТГ	+	<i>Антонова В.И., Мневина Н.Е.</i> Указ. соч. С. 366. Кат. № 316 (без ил.). Публикация: 1000-летие русской художественной культуры. М., 1988. С. 70, ил. 88, с. 339–340. Кат. № 88	

№ п/п	Наименование	Дата	Происхождение	
18	Никола Зарайский с житием в 12 клеймах 86 x 67 см	XV в.	Новгород	
19	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 77 x 57 см	XV в. — первая половина XVI в.	Из с. Григорково близ г. Весьегонска, Ростов	
20	Никола Зарайский с житием в 18 клеймах 85 x 63 см	XV — начало XVI в.	Из Никольской церкви Ямской слободы, Рязань	
21	Никола Зарайский (без жития) 93 x 67 см	Вторая половина XV в.	Неизвестно	
22	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 93 x 69 см	Вторая половина XV в.	Ростов (Северная провин- ция)	
23	Никола Зарайский с житием в 16 клеймах 51 x 41 см	Конец XV в.	Московская школа	
24	Никола Зарайский, с Деисусом, Архангелами и избранными святыми 56,2 x 41,9 см	Конец XV в.	Северные письма	

Место хранения	Наличие публикации	Источник	Примечание
Гос. музей Палехского искусства	+	Иконопись Палеха... С. 13, 133, 144, ил. III	
ЦМИАР	+	<i>Попов Г.В.</i> Пути развития Тверского искусства в XIV — начале XVI века (живопись, миниатюра) // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV—XVI вв. М., 1970. С. 310, 333, примеч. 63, 334 (ил.). Иконы Москвы XIV—XVI вв. Каталог собрания ЦМИАР. Вып. II. М., 2006. Кат. № 11. С. 83—84, 86 (автор описания Л.М. Евсеева)	Подчеркнута отдельность средника. Крестчатый орнамент имеет только подкладка фелони. Фон в виде волн
Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник	+	Искусство рязанских земель... С. 18—19. Кат. № 3. Ил. 9	Нимб Николы заходит на рамку средника
Владимиросуздалский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник	+	Иконы Владимира и Суздаля... С. 100—101. Кат. № 12	Окончание омофора закинута на левую руку, полностью закрытую фелонью. Именословное благословение. Нимб Николы заходит на лузгу и ковчег
Архангельский музей изобразительных искусств	+	Иконы Русского Севера: Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств. Т. 1. М., 2007. С. 50—59. Кат. № 2	Нимб Николы выходит на рамку средника
ГТГ	-	<i>Антонова В.И., Мнева Н.Е.</i> Указ. соч. С. 348—349. Кат. № 287	
Великоустюжский районный краеведческий музей	+	<i>Рыбаков А.А.</i> Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XII—XVII веков. Альбом. М., 1995. С. 470. Ил. 233	Именословное благословение

№ п/п	Наименование	Дата	Происхождение	
25	Никола Зарайский с житием в 18 клеймах 153 x 117,2	Конец XV в.	Из приходской Богородицкой церкви во Владимире	
26	Никола Зарайский; Святой князь Михаил Черниговский, его боярин Феодор и сотник Корнилий. Крест-мошевик. Серебро, золочение, чернь, резьба, литье. 7,2 x 11,6 см	Конец XV в.	Москва (?), из коллекции П.И. Щукина, ранее находился в собрании древностей Петра I	
27	Николай Чудотворец (Зарайский), Иоанн Милостивый, Василий Исповедник (Парийский) 24 x 19,5 см	Конец XV в.	Икона-таблетка из Софийского собора в Новгороде	
28	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 94 x 66 см	Конец XV — начало XVI в.	Из Воскресенской часовни д. Березник Пинежского района, Ростов (Северная провинция)	
29	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 108 x 77,5 см	Конец XV — начало XVI в.	Из Фрязиновской Андреевской церкви в Вологде	

Место хранения	Наличие публикации	Источник	Примечание
Владими́ро-Сузда́льский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник	+	Иконы Владимира и Суздаля... С. 118–125. Кат. № 16	Евангелие раскрыто, конец омофора закинут под Евангелие, крупный плат белого цвета с каймой из двух линий. Именословное благословение. Нимб Николы заходит на клеймо жития. Граница поэма соответствует списку 1528–1531 гг.
ГИМ	+	Великий князь и государь всея Руси Иван III. Каталог выставки. Музеи Московского Кремля, 20 марта — 14 июля 2013 г. М., 2013. С. 116–117. № 34 (автор описания Т.И. Сизова)	
Новгородский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник	+	<i>Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А.</i> Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 128, 130–131. Кат. № 63. С. 301–320. Ил. с. 131, 506–521. Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI в. М., 2008. Кат. № 50. С. 354–356, 359–360, 363. Ил. с. 367	Именословное благословение. Омофор закинут на левую руку, полностью покрытую фелонью
Архангельский музей изобразительных искусств	+	Иконы Русского Севера... С. 70–77. Кат. № 5	
Вологодский областной краеведческий музей	+	<i>Лаурина В.К.</i> Новгородская иконопись конца XV — начала XVI в. и московское искусство // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы... С. 398, 430, 431 (ил.)	

№ п/п	Наименование	Дата	Происхождение	
30	Никола Зарайский (поясной)	1502 г.	Фреска в конхе Никольского придела работы Дионисия	
31	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 61,5 x 48,5 см	Начало XVI в.	Москва	
32	Никола Зарайский с житием в 12 клеймах 61,5 x 43,8 см	Начало XVI в.	Тверь	
33	Никола Зарайский с житием в 16 клеймах 77 x 56,5 см	Начало XVI в.	Вологда, Великий Устюг	
34	Никола Зарайский с житием в 16 клеймах 50 x 39 см	Начало XVI в.	Московская школа	
35	Никола Зарайский с житием в 22 клеймах 138 x 105 см	Начало XVI в., 1513 г.?	Коломна	
36	Никола Зарайский (без жития) 65 x 45,7 см	Конец XV — первая половина XVI в.	Вологодские земли	
37	Никола Зарайский с житием в 18 клеймах 110 x 90 см	Конец XV — первая половина XVI в.	Из Введенской церкви с. Борисково Рязанского района Рязанской области	
38	Никола Зарайский с житием в 14 клеймах 114,5 x 82,5 см	Первая четверть XVI в.	Из Троицкой церкви с. Ручейки Боровичского района Новгородской области	

Место хранения	Наличие публикации	Источник	Примечание
Собор Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря	+	<i>Нерсесян Л.В.</i> Дионисий иконник и фрески Ферапонтова монастыря. М., 2006. Ил. 57	
Государственный Эрмитаж	+	<i>Косцова А.С., Побединская А.Г.</i> Русские иконы XVI — начала XX века с надписями и датами. Каталог выставки. Л., 1990. С. 13. Кат. № 1. С. 72. Ил. на с. 72	На верхней шпонке процарапана надпись: «Образ Николы поставили Неоуструевы дети Аристова»
Музей икон Реклингхаузен, Германия	+	<i>Хауштайн-Барг Е., Бенчев И.</i> Музей икон в Реклингхаузене, Германия. М., 2008. С. 248–249. Ил. 241–252	Именословное благословение. Нимб заходит на рамку средника
Арт-галерея «Дежа Вю»	+	Русские иконы. Частные коллекции. Коллекция русских икон Арт-галереи Дежа Вю. М., 2003. Кат. № 7	Евангелие раскрыто. Именословное благословение. Нимб заходит на рамку средника
ГТГ	-	<i>Антонова В.И., Мнева Н.Е.</i> Указ. соч. С. 354–355. Кат. № 299	
ГТГ	-	<i>Антонова В.И., Мнева Е.И.</i> Указ. соч. С. 162–164. Кат. № 557	Средник занят поздней живописью XVIII в.
Собрание В.А. Бондаренко	+	Обретенные сокровища. Из собрания В.А. Бондаренко. Книга-календарь на 2005 год. Минск; Milano, 2004. Табл. III	Нимб Николы заходит на лузгу и поле. На омофоре три Голгофских Креста
Рязанский областной художественный музей им. И.П. Пожалостина	+	Искусство Рязанских земель... С. 19. Кат. № 4. С. 34. Ил. 14	Евангелие расположено горизонтально
Новгородский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник	+	Иконы Великого Новгорода. М., 2008. С. 459–467. Кат. № 95	Нимб заходит на рамку средника

№ п/п	Наименование	Дата	Происхождение
39	Никола Зарайский с житием в 16 клеймах 122 x 89 см	Первая треть XVI в.	Из Пятницкой церкви г. Дмитрова
40	Никола Зарайский и Георгий Победоносец (без жития) 52,8 x 44,6 см	Первая треть XVI в.	Происхождение неизвестно, Новгород
41	Никола Зарайский (пелена-плащаница) 39,3 x 31 см	1518 г.	Николо-Угрешский монастырь
42	Никола Зарайский с житием в 18 клеймах 106,5 x 84 см	1526 г. (?) или первая половина XVI в.	Из Никольского собора г. Калязина, построенного в 1526 г., Тверь
43	Никола Зарайский (без жития) 49 x 46 см	1531 г.	Из д. Воробьево близ Машезере в Обонежье. Новгород
44	Никола Зарайский с житием в 16 клеймах 115 x 83 см	1528–1531 гг. (ранее датировался около 1513 г.)	Коломна (?), список с утра- янного оригинала первой четверти XIII в.

Место хранения	Наличие публикации	Источник	Примечание
Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева	+	Иконы Москвы XIV–XVI вв. Каталог собрания ЦМИАР. Вып. II. М., 2006. С. 175–178. Кат. № 76. Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007. С. 294–299. Кат. № 46	
ГРМ	+	Святой Николай Мирликийский... С. 84–85. Кат. № 22	Нимбы святых заходят на лузгу и поле
ГРМ	+	Святой Николай Мирликийский... С. 184–185. Кат. № 73	Имеет надпись о том, что выполнена в 1518 г. по заказу игумена Тихона в Никольский собор обители. Линия позема точно соответствует списку 1528–1531 гг.
Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева	+	Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева... С. 264–279. Кат. № 43	Граница позема соответствует списку 1528–1531 гг.
Частное собрание	+	<i>Смирнова Э.С.</i> Живопись Обонежья XIV–XVI веков. М., 1967. С. 62–63, прим. 11. Ил. 49	Выносная икона, на обороте — Богоматерь Знамение, по нижнему полю стороны с Николой — надпись об изготовлении. Нимб Николы заходит на лузгу. Граница позема соответствует списку 1528–1531 гг.
Иоанно-Предтеченский собор г. Зарайска, ранее — ЦМИАР	+	Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева... С. 228–231. Кат. № 35	

REFERENCES

1. 1000-letie russkoj hudozhestvennoj kul'tury [1000th anniversary of Russian artistic culture]. M., 1988.
2. *Antonova V.I.* Moskovskaya ikona nachala XIV v. iz Kieva i «Povest' o Nikole Zарајskom» [Moscow Icons of the beginning of the XIV century from KievI and the «Tale of St. Nicholas Zарaisky»] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. M.-L., 1957. T. XIII.
3. *Antonova V.I., Mneva N.E.* Katalog drevnerusskoj zhivopisi XI–XVIII v.v. Opyt istoriko-hudozhestvennoj klassifikacii [Catalogue of Medieval Russian art, XI–XVIII cc. Art historical classification]. V 2-h tomah. M., 1963. Vol. 1.
4. *Arcihovskij A.V.* Drevnerusskie miniatyury kak istoricheskij istochnik [Old Russian miniatures as a historical source]. Tomsk — M., 2004.
5. Velikij knyaz' i gosudar' vseya Rusi Ivan III. Katalog vystavki. Muzei Moskovskogo Kremlya, 20 marta — 14 iyulya 2013 g. [Grand Prince of all Rus' Ivan III. Exhibition Catalogue, Moscow Kremlin Museum, 20th of March — 14th of July 2013]. M., 2013.
6. *Gladysheva E.N.* K voprosu ob ikonografii Nikoly Zарајskogo [To the question about iconography of St. Nicholas Zарaisky] // Ikony Russkogo Severa. Dvinskaya zemlya, Onega, Kargopol'e, Pomor'e [Icons of Russian North. Dvinskaya land, Onega, Kargopol'e, Pomor'e]. Stat'i i materialy. M., 2005.
7. Gorod Zарајsk i ego tverdynya [The city of Zарaysk and the Citadel]. Pod obshch. red. K.V. Kondrat'eva. M., 2017.
8. Gosudarstvennaya Treťyakovskaya galereya. Katalog sobraniya [The State Tretyakov Gallery. The collection catalog]. Vol.1. Drevnerusskoe iskusstvo X — nachala XI veka. M., 1995.
9. Gradostroitel'stvo Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vekov [Town planning of the Moscow state of the 16th–17th centuries]. Pod red. N.F. Gulyanickogo. M., 1994.
10. *Dobrodomov I.G.* Nikola Korsunskij — Zarazskij — Zaraskij — Zарајskij // Pravilo very i obraz krotosti... Obraz svt. Nikolaya, arhipiskopa Mirlikijskogo, v vizantijskoj i slavyanskoj agiografii, gimnografii i ikonografii [The Rule of faith and the image of meekness: The Image of Nicholas wonder worker, archbishop of Myra Lycia]. M., 2004. P.182–196.

11. Drevnosti Zarajskogo kremlya. K 100-letiyu GMZ «Zarajskij kremľ» [Antiquities of the Zaraysk Kremlin. To the 1000-years anniversary of the «Zaraysk Kremlin» reserve museum]. Katalog vystavki. Zarajsk, 2018.
12. Zarajsk. Materialy dlya istorii goroda XVI–XVIII stoletij [Zaraysk. History of the city, 16–18 cc.]. M., 1888.
13. Izvlechenie iz pripravochnogo spiska spiscovoj knigi g.Kolomny i Kolomenskogo uezda D.P. Zhitova i F. Kamynina 1577/78 g. (1618 g.?) [Extraction of a «Land List Book» of the city and Uyezd of Kolomna from a «Reference Book», 1577/78 (1618?)] // Goroda Rossii XVI veka: materialy piscovyh opisaniy. M., 2002.
14. Ikonopis' Palekha iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya Palekhskogo iskusstva [Palekh Icon Painting. State Museum of Palekh Art]. M., 1994.
15. Ikony XIII–XVI vekov v sobranii muzeya imeni Andrey Rubleva [Icons of 13th–16th centuries in the Collection of Andrei Rublev Museum]. M., 2007.
16. Ikony Velikogo Novgoroda XI — nachala XVI vv. [Novgorod the Great Icons of 11th — Early 16th Centuries]. M., 2008.
17. Ikony Vladimira i Suzdalya [Icons of Vladimir and Suzdal]. M., 2006.
18. Ikony Moskvy XIV–XVI vv. Katalog sobraniya CMIAR [Moscow Icons of the 14th–16th centuries. Catalogue of the Central Andrey Rublev Museum]. Vol. II. M., 2006.
19. Ikony Russkogo Severa: Shedevry drevnerusskoj zhivopisi Arhangel'skogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv. V 2 T. [Icons of Northern Russia: The Masterpieces of Ancient Russian Painting in Arkhangel'sk Museum of Fine Arts: In 2 vol.]. Vol.1. M., 2007.
20. Ikony Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya. X — nachalo XV veka [Icons of the Moscow Kremlin Cathedral of the Dormition. 11th — beginning of the 15th centuries]. Katalog. M., 2007.
21. Istoriya russkogo iskusstva. V 22 T. T. 4: Iskusstvo serediny XIII— serediny XIV veka. M., 2019. Istochniki (strui) arhierejskie [History of Russian Art. In 22 Volumes. Vol. 4: Art of the 13th — middle of the 14th centuries] // Pravoslavnaya enciklopediya. T.28. M., 2015. P. 23.
22. Koscova A.S., Pobedinskaya A.G. Russkie ikony XVI — nachala XX veka s nadpisyami i datami: Katalog vystavki [Russian Icons of the 16th — beginning of the 20th centuries, with inscriptions and dates: exhibition catalogue]. L., 1990.
23. Laurina V.K. Novgorodskaya ikonopis' konca XV — nachala XVI vv. i moskovskoe iskusstvo [Novgorodian icon-painting at the end of the 15th — beginning of the 16th centuries and art in Moscow] // Drevnerusskoe iskusstvo. Hudozhestvennaya kul'tura Moskvy...

24. *Lihachev D.S.* Povesti o Nikole Zarazskom (teksty) [Tales about St. Nicholas Zaraisky (texts)] // TODRL. Vol.7. M.; L., 1949. P. 257–406.
25. *Mazurov A.B.* Sushchestvovala li v XIII–XV vv. chudotvornaya ikona Nikoloy Korsunskogo (Zarajskogo)[Did the Wonder-Working Icon of St. Nicholas Zaraisky exist] // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Nauchnyj zhurnal [Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas, Scientific magazine]. 2020. № 1 (12). P. 140–158.
26. *Mahan'ko M.A.* Pochitanie i sobiranie drevnih ikon v istorii i kul'ture Moskovskoj Rusi XVI veka [Worship and Collecting of the Ancient Icons in the History and Culture of the Moscow Rus' of the 16th Century]. M., 2015.
27. *Nersesyan L.V.* Dionisij ikonnik i freski Ferapontova monastyrya [Dionysius Ikonnik and frescoes Ferapontov Monastery]. M., 2006.
28. *Nechaeva T.N.* Ikonografiya Velikoreckogo obraza svyatitelya Nikolaya Chudotvorca v russkoj ikonopisi XVI v. [Iconography of the Velikoretsk icon of St. Nicholas the Miraclemaker: image of the holy hierarch of the 16th century] // Pravilo very i obraz krotosti... Obraz svt. Nikolaya, arhiepiskopa Mirlikijskogo, v vizantijskoj i slavyanskoj agiografii, gimnografii i ikonografii [The Rule of faith and the image of meekness: The Image of Nicholas wonder worker, archbishop of Myra Lycia]. M., 2004.
29. *Nechaeva T.N.* Svyatitel' Nikolaj Mirlikijskij (Nikola Zarajskij), s zhitiem [Saint Bishop Nikolay Mirlikiysky (Nikola Zaraysky), with the text of the «Life» // Ikony XIII–XVI vekov v sobranii muzeya imeni Andrey Rubleva [Icons of the 13th–16th centuries, collection of the Central Andrey Rublev Museum]. M., 2007.
30. *Nikolaeva T.V.* Drevnerusskaya melkaya plastika iz kamnya. XI–XV vv. [Old Russian Small-Size Sculptures of Stone of the 11th — 15th century] // Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. E1-60. M., 1983.
31. Obretennye sokrovishcha. Iz sobraniya V.A. Bondarenko. Kniga-kalendar' na 2005 god. Minsk — Milano [Discovering of the treasures. Icons from the collection of V. Bondarenko]. 2004.
32. *Platonov V.G.* Zhitijnye cikly na ikonah svyatitelya Nikolaya iz Obonezh'ya i Zapadnogo Pomor'ya (k probleme formirovaniya lokal'nyh ikonograficheskikh tradicij v severnoj ikonopisi) [Hagiographical cycles on the Icons of holy hierarch Nocolas from Obonezhye and Western Seaside (to the problem of formation of local iconographical traditions of the northern icon-painting)] // Pochitanie svyatitelya Nikolaya...
33. *Pleshanova I.I.* Reznye ikony Gosudarstvennogo Russkogo muzeya [Carved Icons of the Russian State Museum] // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. 1976. M., 1977.

34. *Popov G.V.* Puti razvitiya Tverskogo iskusstva v XIV — nachale XVI veka (zhivopis', miniatyura) [Ways of Tver art development in the 14th — beginning of the 16th century (painting, miniatures)] // *Drevnerusskoe iskusstvo. Hudozhestvennaya kul'tura Moskvy i prilegayushchih k nej knyazhestv. XIV–XVI vv. M., 1970.*
35. *Poppe A.V.* K nachal'noj istorii kul'ta sv. Nikoloy Zarazskogo [On the beginning of the St. nicolas Zaraysk worship]// *Essays to Honor of A.A. Zimin. Columbus, 1983.*
36. *Preobrazhenskij A.S.* O proiskhozhdenii i smysle ikonograficheskogo tipa sv. Nikoloy «Zarajskogo» [About the origin and the meaning of the iconography type of «St. Nicholas Zaraisky»]// *Lazarevskie chteniya. Iskusstvo Vizantii, Drevnej Rusi, Zapadnoj Evropy. Vyp.4 (XXXV). Materialy nauchnoj konferencii. 2011. M., 2012.*
37. *Preobrazhenskij A.S.* Prikladnoe iskusstvo [Decorative art] // *Istoriya russkogo iskusstva. V 22 T. [The history of Russian art, in 22 Vol.]. T. 4: Iskusstvo serediny XIII — serediny XIV veka. M., 2019.*
38. *Pucko V.G.* Felon'-polistavrij sv. Leontij Rostovskogo [Phaelonion-Polystavrion of St. Leontius, bishop of Rosto] // *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya. Vyp. XV. Rostov, 2005.*
39. *Pucko V.G.* Russkie ikony svyatitelya Nikolaya po dannym melkoj kamЕННОj plastiki XII–XIV vekov [Russian Icons of Enlightener Nicokas according to the small stone plastics of the 13th–14th cc.] // *Pochitanie svyatitelya Nikolaya Chudotvorca...*
40. *Rostovo-Suzdal'skaya shkola zhivopisi. Katalog vystavki v GTG. M., 1967.*
41. *Russkie ikony. Chastnye kollekcii [Russian Icons. Private collections]. Kollekcija russkih ikon Art-galerei Dezha Vyu. M., 2003.*
42. *Rybakov A.A.* Vologodskaya ikona. Centry hudozhestvennoj kul'tury zemli Vologodskoj XII–XVII vekov. Al'bom [Icons from Vologda. Centers of the art culture in the Vologda area of the 12–17th cc. Album]. M., 1995.
43. *Rybakov A.A.* Pochitanie svyatitelya Nikolaya Chudotvorca i ego otrazhenie v iskusstve (kanon, izvod, obraz) [Nicholas the Wonderworker worshipping and his reflexion in art] // *Obraz Svyatitelya Nikolaya Chudotvorca v zhivopisi, rukopisnoj i staropechatnoj knige, grafike, melkoj plastike, derevyannoj skulpture i dekorativno-prikladnom iskusstve XII–XXI vekov: Katalog vystavki. M., 2004.*
44. *Saenkova E.M.* Ikona «Svyatitel' Nikolaj Chudotvorec, s zhitiem» 1-j pol. XV v. iz sobraniya K.V. Voronina: osobennosti ikonografii i stilya // *Vestnik PSTGU. Seriya V. Voprosy istorii i teorii hristianskogo iskusstva. 2011. Vyp.3 (6).*

45. Svyatoj Nikolaj Mirlikijskij v proizvedeniyah XII–XIX stoletij iz sobraniya Russkogo muzeya. SPb., 2006. *Smirnova E.S.* Zhivopis Obonezh'ya XIV–XVI vekov. M., 1967.
46. *Smirnova E.S.* Ikonopis' i rukopisnaya miniatyura // Istoriya russkogo iskusstva. V 22 T. T. 4: Iskusstvo serediny XIII — serediny XIV veka. M., 2019.
47. *Smirnova E.S., Laurina V.K., Gordienko E.A.* Zhivopis' Velikogo Novgoroda [Paintings of Novgorod the Great]. XV vek. M., 1982.
48. *Solov'eva I.D.* K voprosu o zhitijnoj ikonografii svyatitelya Nikolaya Mirlikijskogo v russkoj ikonopisi XIV stoletiya // Pochitanie svyatitelya Nikolaya Chudotvorca i ego otrazhenie v fol'klоре, pis'mennosti i iskusstve. M., 2007.
49. *Haushtajn-Barg E., Benchev I.* Muzej ikon v Reklinghauzene, Germaniya. M., 2008.
50. *Yudakov M.A.* Poryadok upotrebleniya arhierejskogo omofora za Bozhestvennoj liturgiej v Russkoj cerkvi (istoricheskij analiz) // Bogoslovskie trudy. Vyp.45. M., 2013.

Список сокращений

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМЗ — Государственный музей-заповедник

ГРМ — Государственный Русский музей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский государственный университет

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы

ЦМИАР — Центральный музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева

Ключевые слова:

древнерусская иконопись, XIII–XVI вв., чтимые и чудотворные иконы, иконография Николы Зарайского, корсунская икона Николы Зараского XIII в.

Alexey B. Mazurov

FURTHER ON THE HISTORY OF THE VENERATION OF THE WONDER-WORKING ICON OF NICHOLAS OF ZARAYSK

The article studies the iconographic details of the icon «Nicolas of Zaraysk in His Life» which was the principal image and the main shrine of St. Nicholas Cathedral in Zaraysk between the 17th and the early 20th centuries. Copied from the Byzantine (Korsun) icon from the 13th century, the icon has been traditionally dated 1513. The author suggests that the icon's origin should be dated 1528–1531 and associated with the end of the construction of the earliest stone St. Nicholas Church of the 16th century. It was the religious center of the Zaraysk Kremlin which was also under construction at the time. The image is a critical source for recreating the details of its prototype. The author brings evidence that the Korsun image had no hagiographic border scenes. The popular icon has been copied numerous times. Over 40 iconographic sources from between the 13th and the first third of the 16th centuries have been identified (pictorial icons, wood and stone carved icons and miniatures, sewing works, a reliquary cross) that go back to the medieval original (the cross phelonion being the most striking feature, apart from the iconography of Nicholas of Zaraysk) and copy its many details. Besides that, the possibility of variable details has been emphasized. Based on the analyzed sources, the author suggests that the prototype of the copy from 1528–1531, as we know it today, had already existed in the late 13th century or earlier.

Keywords: Medieval Russian icons, 13th–14th centuries, popular and wonder-working icons, iconography of Nicholas of Zaraysk, Korsun icon of Nicholas of Zaraysk from the 13th century.

Alexey B. Mazurov — D.Sc. (History), Professor, Rector of the St. Philaret Christian Orthodox Institute, president of the Kolomna State Regional Institute of Social Studies and Humanities.

 Мазуров Алексей Борисович

доктор исторических наук, профессор, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института (г. Москва), президент Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна)

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.008

Я.Н. Рабинович

К ВОПРОСУ О РУКОПРИКЛАДСТВАХ ЧЛЕНОВ БОЯРСКОЙ ДУМЫ НА СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 Г. И ПОКУПКЕ ИМИ ПЕЧАТНОГО ЭКЗЕМПЛЯРА ЭТОЙ КНИГИ

ерсональный состав Боярской думы в начальный период царствования Алексея Михайловича хорошо изучен к настоящему времени. В последние годы были опубликованы некоторые боярские списки этого периода (конца 1640-х — начала 1650-х гг.)¹. Однако не известно, ка-

ков был персональный состав Думы на конкретный момент принятия Соборного уложения, ведь сохранившиеся самые близкие по времени боярские списки относятся к январю 1648 г., а далее — уже к 1650 г.

В данной работе мы попытаемся ответить на следующие вопросы: по каким причинам некоторые члены Думы не подписались под Уложением? Можно ли считать, что они представляли оппозицию вернувшемуся к тому времени из ссылки боярину Морозову, вновь возглавившему правительство страны? И стоит ли считать всех, кто не подписал Уложение, членами этой оппозиции? Где находились некоторые члены Боярской

¹ Павлов А.П. Боярские списки 30–40-х гг. XVII в. // Россия XV–XVIII столетий. Сб. науч. статей. Волгоград, СПб., 2001. С. 136–185; Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008; Жаринов Г.В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 382–483.

думы во время заседаний Земского собора? Когда именно собирались подписи под свитком Уложения? Почему некоторые члены Думы, которые захотели приобрести печатный экземпляр Уложения, купили его не сразу, только ли из-за того, что именно в тот момент, а не раньше возникла у них потребность в приобретении книги? А может быть, они просто отсутствовали в Москве в период сбора подписей и в первые месяцы продажи Уложения? Иногда дата покупки очень важна, она может подсказать, когда человек находился в Москве (приехал в столицу или еще не уехал из нее), позволит уточнить некоторые страницы его биографии.

Объяснение причин отсутствия подписей некоторых членов Боярской думы на обороте Соборного уложения требует специального разъяснения. П.П. Смирнов, Е.И. Филина и другие историки связывают это обстоятельство с их несогласием с положениями Уложения (прежде всего, с положением о дворовладении крупных землевладельцев в городах). П.П. Смирнов и его последователи рассматривают неподписание Уложения Н.И. Романовым и Я.К. Черкасским как проявление их недовольства проводимой Б.И. Морозовым (снова оказавшимся у власти после ссылки в июле и возвращения из ссылки в Москву в октябре 1648 г.) политики «посадского строения»; здесь сталкивались, согласно П.П. Смирнову, различные экономические интересы. Если боярин Б.И. Морозов, являвшийся крупнейшим (после Н.И. Романова) землевладельцем-вотчинником в уездах, но не имевшим при этом значительных владений в городах, активно проводил (без ущерба для себя) политику «строения посадков» и ликвидации «белых слобод», то его противники Н.И. Романов и князь Я.К. Черкасский, имевшие крупные владения в городах, не могли не противиться проведению посадской реформы. Однако точка зрения П.П. Смирнова была оспорена американским историком Р.О. Крамми, который отметил наличие внутри придворных группировок Морозова и Романова-Черкасского представителей самых разных социальных слоев и пришел к выводу о том, что противостояние Б.И. Морозова с Н.И. Романовым и Я.К. Черкасским не носило характера политической борьбы, а являлось соперничеством между виднейшими боярами за власть и влияние на молодого царя².

Сам по себе факт неподписания Уложения, по всей видимости, не считался политическим «криминалом». Н.И. Романов и князь Я.К. Чер-

² *Crummey R.O. Court Groupings and Politics in Russia, 1645–1649 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Band 24. Wiesbaden, 1978. S. 203–221.* Благодарю А.П. Павлова за предоставленный материал о Р.О. Крамми.

касский выступали не против самодержавного монарха Алексея Михайловича, а против всевластия Б.И. Морозова. Надо сказать, что взаимоотношения внутри семьи Романовых были не всегда безоблачными и ранее. В первые годы царствования Михаила Федоровича боярин И.Н. Романов (отец Н.И. Романова) был оттеснен от власти Салтыковыми (кстати, сородичами Морозовых), родственниками и фаворитами матери царя Михаила — старицы Марфы Ивановны.

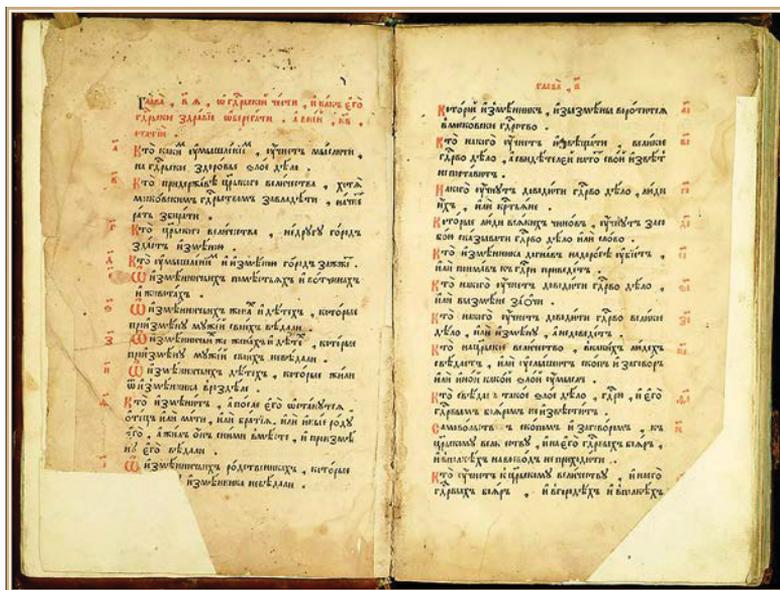
Не было ничего необычного, что некоторые выборные участники собора не поставили своих подписей на соборном акте. Практика допетровской Руси не знала протокольного учета голосов, и не все участники Собора были поголовно обязаны поставить свои подписи. К примеру, если сравнить состав содержащихся в Утвержденной грамоте об избрании на царство Бориса Годунова 1598 г. перечня участников (лиц, наметавшихся к подписанию грамоты) и реальных подписей на этой грамоте, то выясняется, что состав перечня и подписей далеко не совпадает.

Следует отметить, что исследователями еще недостаточно привлекался такой источник, как Книга продаж печатного экземпляра Уложения. Стоит более подробно рассмотреть этот источник, который поможет наряду с Дворцовыми разрядами³ и Записными книгами Московского стола⁴ уточнить персональный состав Боярской думы по состоянию на конец августа 1649 г. и сравнить с сохранившимися боярскими списками 1647–1648 и 1649–1650 гг. Это так называемый «наличный» список января 7156 г. и «подлинный» список 7158 г., изучением которых занимался М.Р. Белоусов. Судя по всему, боярский список 7157 г., заполняющий лакуну между приведенными ранее двумя списками, не сохранился. А ведь это интересующий нас период — время составления Соборного уложения и продажи первого тиража книги.

Соборное уложение 1649 г. — это первый законодательный акт, который вскоре после принятия его на Земском соборе уже в середине XVII в. был опубликован (дважды в 1649 г. издан отдельной книгой тиражом по 1200 экз.). Изучив документы той эпохи и сохранившиеся экземпляры Уложения, исследователи пришли к выводу, что было одно издание книги — в 1649 г., но обычно, говоря про одно издание, при этом пишут про два завода. Первый завод был отпечатан тиражом в 1200 экз. весной 1649 г., а второй завод таким же тиражом в 1200 экз. — осенью 1649 г.

³ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: В 4 т. СПб., 1852. Т. 3.

⁴ Записная книга Московского стола 7157 года // РИБ: В 39 т. СПб., 1886. Т. 10 (далее — РИБ. Т. 10). С. 401–490.

Соборное уложение. Начало главы II «О Государской чести, и как Его Государское здоровье оберегать», 1649 г.

Вскоре после начала продажи первого завода в еще не проданные книги в июле 1649 г. были вставлены новые листы, сделаны мелкие дополнения. Эта работа продолжалась весь июль 1649 г., в течение которого, судя по Книге продаж, Уложение вообще не продавалось. Эти оставшиеся экземпляры (примерно 300 книг) быстро распродали в начале августа 1649 г. Потом, осенью 1649 г., когда печатался второй завод, в этом заводе были учтены все поправки с учетом вклеенных листов, а также новые небольшие поправки. Поэтому исследователи все сохранившиеся экземпляры книги делят по внешним признакам на три группы, хотя было два завода при одном тираже.

К настоящему времени сохранилось свыше 50 экземпляров этой книги издания 1649 г. Автор археографического введения к академическому изданию 1987 г. Соборного уложения Л.И. Ивина пишет об этих сохранившихся книгах следующим образом: «45 экземпляров Уложения, делящихся по внешним признакам на три группы, описала А.С. Зернова. Они хранятся в ЦГАДА, ГПБ, ГИМ, ГПИБ, БАН. А.С. Зернова не учла экземпляры, хранящиеся в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР и библиотеке МГУ»⁵. Добавим к этому, что не были учтены еще несколько экземпляров, о которых, по-видимому, не было известно Л.И. Ивиной. Речь идет о шести

⁵ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии / Подг. текста Л.И. Ивиной; рук. авт. коллек. А.Г. Маньков. Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отд., 1987. С. 12.

экземплярах Уложения, хранящихся в Саратове, в ЗНБ СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Один из этих экземпляров еще 15 января 1650 г. купил рейтар Василий Афанасьев сын Челищев, а потом продал книгу Василию Дохтурову, о чем имеется надпись, составленная самим В. Челищевым на нижнем форзаце книги⁶. Дата покупки (15 января) свидетельствует, что эта сохранившаяся в ЗНБ СГУ книга относится ко второму заводу.

Не исключено, что еще некоторые экземпляры издания 1649 г. хранятся в других провинциальных библиотеках.

Позже был еще ряд изданий этого законодательного акта — всего 13 изданий только за период с 1737 до 1820 г.⁷ Однако рукоприкладства участников Собора на обороте свитка Уложения при этом не публиковались. Впервые рукоприкладства на Соборном уложении были опубликованы И.Е. Забелиным лишь в 1850 г.⁸

В дальнейшем десятки исследователей использовали в своих трудах этот список И.Е. Забелина. В 1987 г. авторским коллективом под руководством А.Г. Манькова было опубликовано не только Соборное уложение, но и самый подробный список всех лиц, подписавших его (примерно 315 человек)⁹. К сожалению, указатель лиц, подписавших это Уложение, в академическом издании А.Г. Манькова составлен довольно небрежно. У многих выборных пропущены города, которые их прислали (хотя на обороте свитка Уложения в рукоприкладствах эти города можно найти). У некоторых членов Боярской думы пропущены их чины (не указано, что этот человек был в то время боярином или окольниковым), хотя у большинства подписавших Уложение бояр и окольников эти думные чины указаны. В подписях членов Думы на свитке Уложения и в списке подписантов, приведенном как И.Е. Забелиным, так и в самом академическом издании 1987 г. (только десятком страниц ранее), эти думные чины указаны. Отсутствие в этом указателе чина подписавшего Уложение участника собора 1649 г. может привести некомпетентного читателя к мысли, что данное лицо является стольником, дворянином московским или даже выборным из какого-нибудь города. Можно добавить, что в именном ука-

⁶ Старопечатные издания кирилловского шрифта второй четверти XVII века: Каталог / Авт.-сост. Н.И. Алексеева, Н.А. Попкова; отв. ред. А.В. Зюзин. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2003. 140 с.: ил. (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ; вып. 22). С. 112.

⁷ *Ивина Л.И.* Уложение 1649 г. и его издания // ВИД. Л., 1983. Т. 14. С. 160–166.

⁸ *Забелин И.Е.* Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. 1. С. 1–18.

⁹ Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии... С. 403–420.

зателе у 15 выборных из городов не указано, из какого они города, словно они были московскими чинами.

Приведем список «обойденных чином» членов Боярской думы. В именном указателе издания 1987 г. не указано, что князь Алексей Михайлович Львов был боярином и дворецким, князя Семен Васильевич Прозоровский, Михаил Петрович Львов, Борис Александрович Репнин, Алексей Никитич Трубецкой — боярами, а князя Семен Романович Пожарский и Василий Петрович Львов — окольниковыми. У остальных 10 бояр и 8 окольников их чин в указателе приведен, как положено. Такая «избирательность» не делает чести академическому изданию.

Интересно сравнить списки членов Боярской думы, подписавших Соборное уложение, с рукоприкладствами на другом памятнике (Утвержденной грамоте об избрании Михаила Романова), изучением которых занимался в свое время П.Г. Любомиров¹⁰.

Подписи на Утвержденной грамоте, как выяснил П.Г. Любомиров, собирали в течение нескольких лет (1613–1616). Соборное уложение подписывали в течение короткого срока — в январе 1649 г. Кроме того, П.Г. Любомиров, на основании изучения биографий лиц, подписавших Утвержденную грамоту, пришел к следующим выводам. Во-первых, не все подписавшиеся были участниками Земского собора, избравшего царем Михаила Романова, во-вторых — некоторые выборные лица, находящиеся в Москве в начале 1613 г., не оставили своей подписи на Утвержденной грамоте. Кое-кто из представителей государева двора и даже членов Боярской думы и Освященного собора, чьи подписи имеются на Утвержденной грамоте, в начале 1613 г. находились далеко от Москвы и при отсутствии в те годы современных средств передвижения физически не могли успеть добраться до столицы. Кое-кто из бояр даже через год — два, приехав в Москву, поставили свои подписи на Утвержденной грамоте. Это мнение П.Г. Любомирова о том, что подписи на Утвержденной грамоте об избрании Михаила Федоровича собирались непрерывно в течение ряда лет, в 1613–1616 гг., скорректировал современный исследователь А.П. Павлов, который пришел к выводу, что новые подписи бояр появились на обороте Утвержденной грамоты (нового вклеенного листа) одновременно, в 1616 г., тогда как основная часть подписей была поставлена уже вскоре после

¹⁰ Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). Пг., 1917. М., 1939; Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. 2-е изд. М., 1906.

составления Утвержденной грамоты, в мае — июне 1613 г.¹¹ Однако некоторые бояре, как, например, князя Б.М. Лыков и В.Т. Долгоруков, так и не подписали этот документ ни в 1613 г., ни в 1616 г. Как писал П.Г. Любомиров, «им почему-то не было предложено подписать этот весьма важный документ»¹². Отметим также, что многие исследователи, в том числе и современные, продолжают допускать одну и ту же ошибку, считая, что наличие подписи на Утвержденной грамоте свидетельствует об участии этого человека в Земском соборе, избравшем Михаила Романова.

Что касается Соборного уложения, то здесь всё намного проще. Во-первых, ВСЕ подписи принадлежат участникам Земского собора, принявшего это Уложение. Во-вторых, эти подписи поставлены практически в одно время с интервалом несколько дней (недель) в январе — начале февраля 1649 г., и все подписавшиеся находились в начале 1649 г. в Москве. Следует отметить, что на обороте каждого листа свитка Соборного уложения стояла только одна подпись. Все листы были склеены, скрепы дьяков на склейках поставлены, так что те члены Боярской думы, которые приехали в Москву позже, уже не могли поставить свою подпись. Чтобы это сделать, пришлось бы разрывать листы и вставлять новые листы. Поэтому так много отсутствующих подписей членов Думы на свитке Уложения.

С учетом этого по количеству рукоприкладств на Соборном уложении нельзя делать вывод о численном составе Боярской думы в середине XVII в., так как Уложение подписали немногим более половины членов Думы, а Утвержденную грамоту 1613 г. подписали почти все члены Думы, правда — с определенной задержкой по времени. Следует отметить, что количество участников Земского собора 1648–1649 гг. несколько больше, чем имеется подписей на Уложении. Особенно это характерно для выборных из городов. Кто-то из участников умер, не успев оставить рукоприкладство, другой попросил отпустить его по семейным обстоятельствам домой в самый разгар заседаний, некоторые по неизвестным причинам не оставили свои подписи. А.Н. Зерцалов выяснил, что не все участники Собора расписались на Уложении (и за них никто не расписался, «руку не приложил»). Таких «тайных участников» было около 30 человек. А.Н. Зерцалов составил общий список членов Собора 1648–1649 гг., как

¹¹ Павлов А.П. К вопросу о датировке подписей под утвержденной грамотой 1613 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. Вып. 2. С. 51–61.

¹² Любомиров П.Г. Указ. соч. С. 257.

расписавшихся на Уложении, так и не расписавшихся. Этот список напечатан в труде В. Латкина¹³.

Общее в обоих документах то, что везде начинаются подписи Освященного собора, а затем идут подписи членов Боярской думы.

Суммарное количество подписавшихся бояр и окольничих отличается на обоих документах незначительно (21 и 25). В 1613 г. — 18 бояр и 3 окольничих, а в 1649 г. — 15 бояр и 10 окольничих. Наблюдаем некоторое сокращение бояр (с 18 до 15) и значительное увеличение числа окольничих (с 3 до 10). Кроме 15 бояр, 10 окольничих Соборное уложение подписали другие члены Боярской думы — один казначей, один думный дьяк, один печатник, один думный дворянин. Всего — 29 человек¹⁴.

Составители Соборного уложения князья Н.И. Одоевский, С.В. Прозоровский и Ф.Ф. Волконский подписались среди прочих лиц.

Как уже отмечалось, подписи каждого члена Думы, как и большинства других участников Собора, помещались на свитке Соборного уложения на обороте одного листа столбца, т.е. на каждом листе-столбце — только одна подпись¹⁵. В случае с Утвержденной грамотой подписи располагались более плотно, даже по несколько подписей на одной строке. При подписях членов Боярской думы в случае с Соборным уложением местничество не учитывалось, также не учитывались возраст и длительность пребывания в Думе. Трудно сказать — это уникальный случай или обычная практика. Для ответа на этот вопрос следует изучить все сохранившиеся рукоприкладства членов Боярской думы царствования первых Романовых (причем сделанных на документе в одно время, как в случае с Соборным уложением), а не только очередность бояр и окольничих в Боярских списках, а также все местнические случаи между этими людьми. Таких сохранившихся рукоприкладств имеется очень мало. От Смутного времени известны кроме Утвержденной грамоты еще два рукоприкладства на боярских грамотах (одно — Семибоярщины от января 1612 г., другое — на жалованную вотчину князю Д.Т. Грубецкому от января 1613 г.). К тому же эти документы по своей значимости не идут ни в какое сравнение с Соборным уложением.

В нашем случае с Соборным уложением некоторые старейшие члены Думы в свитке Соборного уложения расписывались после более мо-

¹³ Латкин В. Материалы для истории Земских соборов XVII столетия. СПб., 1884. С. 13–48, 131–187.

¹⁴ Забелин И.Е. Сведения о подлинном Уложении... С. 5.

¹⁵ Ивина Л.И. Археографическое введение // Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии... С. 10.

лодых. Боярин князь С.В. Прозоровский (№ 17) подписался выше, чем руководитель этой комиссии князь Н.И. Одоевский (№ 18), хотя и по местническому счету и вообще, как председатель комиссии, Н.И. Одоевский должен был подписаться ранее. Впервые на это обратил внимание задолго до первой публикации списка рукоприкладств И.Е. Забелина Владимир Строев еще в 1833 г., который работал с подлинным рукописным свитком Уложения. Он писал: «Любопытно и то, что Одоевский подписался ниже Прозоровского» (курсив мой. — Я. Р.)¹⁶.

Первым расписался среди бояр все же Борис Иванович Морозов (№ 14), его подпись стоит сразу же после членов Освященного собора, за ним — князь Алексей Никитич Трубецкой (№ 15), а далее подписи бояр идут хаотично. Самый молодой из бояр, только что пожалованный из стольников, князь Ю.А. Долгоруков (№ 23) расписался выше, чем некоторые из более старых бояр. Также один из молодых бояр князь М.П. Пронский (№ 16) расписался выше, чем большинство других более знатных бояр.

Конечно, сначала расписывались все бояре, а потом только окольниковиче. Третий из составителей Уложения, князь Ф.Ф. Волконский (№ 33), подписался среди окольниковичих, подписей остальных членов комиссии (дьяков) нет, но зато эти остальные члены комиссии оставили свои скрепы по склейкам листов Уложения (дьяки Гаврила Леонтьев и Федор Грибодов) вместе с думными дьяками Федором Елизарьевым и Михаилом Волошениным¹⁷.

Но, оказывается, не все члены Боярской думы подписали Соборное уложение. Имена тех, кто не оставил своей подписи, можно вычислить хотя бы по такому источнику, как Книга продаж печатного экземпляра самого Соборного уложения¹⁸. Эти члены Боярской думы, которые по различным причинам не оставили своих подписей на Уложении, уже через несколько месяцев после окончания Собора одними из первых купили печатный вариант Уложения. В приложении № 2 указаны все даты продаж Уложения. Видим, что в первые дни продаж книгу купили бояре Н.И. Романов, Я.К. Черкасский, Ф.И. Шереметев, М.М. Салтыков и неко-

¹⁶ Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. СПб., 1833. С. 126, прим. 31.

¹⁷ Забелин И.Е. Сведения о подлинном Уложении... С. 3.

¹⁸ Латкин В. Материалы для истории Земских соборов XVII столетия (1619–1620, 1648–1649 и 1651 годов). СПб., 1884 (Выписка из книги за № 39, хранящейся в библиотеке Московской Синодальной Типографии. С. 188–218; Выписка из книги за № 47, хранящейся в библиотеке Московской Синодальной Типографии. С. 226–285).

торые другие бояре и окольные, чьих подписей мы не увидим на свитке Уложения. Цель приобретения такой книги — это, прежде всего, практическая необходимость, связанная с должностным положением покупателей, правовым обеспечением деятельности различных учреждений, а также руководство собственным хозяйством. Возможно, что неграмотные покупатели приобретали Уложение для своих управляющих, а кто-то мог быть простым собирателем-коллекционером.

Рассмотрим теперь более подробно Книгу продаж Соборного уложения 1649 г. как исторический источник. Эта Книга продаж была опубликована В. Латкиным еще в 1884 г., однако данный источник, а точнее — имена лиц, купивших Соборное уложение в 1649–1651 гг. (особенно — представителей из провинции), еще недостаточно изучены исследователями. Ряд ценных наблюдений по вопросу о продаже первого тиража Соборного уложения сделали С.П. Луппов¹⁹ и Л.А. Тимошина²⁰. По данной Книге продаж можно узнать, сколько было выпущено экземпляров, сколько было тиражей, когда поступили в продажу первые экземпляры, кто был первым покупателем, в какие учреждения и города направлялись отдельные экземпляры книги, себестоимость одной книги, продажную цену книги, как менялась эта цена с течением времени (а она менялась — сначала книга продавалась по рублю, с 1 августа 1649 г. — по 40 алтын, а второй тираж — снова по рублю), как быстро раскупились оба тиража²¹. Л.А. Тимошина считает, что продажная цена была единой — все время один рубль, поэтому она неверно подсчитала общую цену всех проданных книг первого тиража 1079 книг — 1079 рублей, хотя на самом деле — значительно больше (на 56 рублей).

Этот источник позволяет выяснить многие интересные подробности внутренней жизни Русского государства, степень грамотности людей, неизвестные страницы биографии многих лиц, живших в середине XVII в., их семейное положение, продвижение по службе. В этой книге указывается скрупулезно по дням, сколько экземпляров и кому именно было продано в данный день. По интенсивности продаж в кон-

¹⁹ Луппов С.П. Книга в России в XVII в. Л., 1970; Луппов С.П. Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л., 1983.

²⁰ Тимошина Л.А. Приходная книга приказа Книжного печатного дела 1649/50–1652/53 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 178–313; Тимошина Л.А. Реализация изданий тиражей Соборного уложения на рубеже 1640-х — 1650-х гг. // Вестник Нижневолжского государственного университета. 2009. № 2. С. 53–61.

²¹ Зерцалов А.Н. Новые данные о Земском соборе 1649–1649 гг. // ЧОИДР. 1887. Кн 3. С. 1–80 и отдельно: М., 1887. С. 10.

кретный день можно сделать определенные выводы, особенно это касается приезжих людей из дальних городов, а не только москвичей. Некоторые иногородние покупатели, в том числе оставившие рукоприкладства на подлиннике Уложения, через несколько месяцев после окончания Земского собора, когда вышел первый тираж (а то и через год), вновь оказались в Москве. По дате продаж можно выяснить, когда, например, боярин князь С.В. Прозоровский уехал из Москвы в Путивль в связи с событиями на Украине (август 1649 г.), а боярин князь И.А. Голицын отправился в Астрахань, будучи назначен воеводой в этот город (тоже август 1649 г.).

Вначале приведем общие сведения о покупателях книги, зафиксированных в данном источнике, а затем разберем покупателей из числа Боярской думы. Всего в книге приведены имена свыше 1800 человек. Некоторые из них покупали либо сразу несколько экземпляров, либо с течением времени делали повторную покупку. Известны случаи, когда один человек покупал книгу в третий раз через несколько месяцев после предыдущей покупки. Покупали книгу также женщины, в основном — жены и вдовы высших представителей двора (всего известны 11 женщин-покупателей, в том числе одна игуменья). Среди покупателей, особенно в первое время после выхода Уложения, много представителей церкви (140 человек), а также стольников, московских дворян, жильцов, подьячих, стрелецких начальников, купцов, посадских москвичей, есть также несколько иноземцев. Все эти покупатели, кроме пяти высших иерархов церкви, входящих в Освященный собор, и нескольких москвичей, не участвовали в Земском соборе, но были очень заинтересованы в приобретении такой книги. Почти 520 покупателей — это жители других городов, особенно это касается второго тиража, когда в 1650–1651 гг. книгу купили 450 иногородних людей, а первый тираж купили всего 68 иногородних людей, не считая представителей церкви из отдаленных мест. Раз уж зашла речь о духовных лицах, то укажем, что из 140 церковных деятелей было около 80 иногородних покупателей (примерно 20 человек — первый тираж и 60 — второй тираж).

Разберем теперь покупателей этой книги из числа членов Боярской думы и попытаемся выяснить, по какой причине многие из них не участвовали в Земском соборе и не подписались на Соборном уложении.

Говоря о покупателях из числа Боярской думы, следует учесть, что еще накануне продажи тиража по царскому именному приказу было отпущено в приказ Большого дворца 35 книг в переплете. Этими

книгами царь жаловал патриарха и бояр в Столовой палате²². Так что у многих членов Боярской думы к моменту начала продажи (к 14 июня 1649 г.) эта книга уже была в наличии, и они могли не покупать второй экземпляр. С другой стороны, кое-кто из бояр был неграмотным, за них расписывались другие бояре, однако один из таких людей, князь Б.А. Репнин, будучи неграмотным, все же купил эту книгу. Интересно отметить, что среди покупателей книги была боярыня Настасья Львова (дата покупки — 5.08.1649 г.). Это могла быть только жена боярина и дворецкого Алексея Михайловича Львова. Сам боярин Львов книгу не покупал. Также среди покупателей была жена (имя не указано) боярина князя Юрия Андреевича Сицкого (7.08.1649 г.). Следовало бы указать в Книге продаж, что книгу купила не жена князя Ю.А. Сицкого, а вдова, как об этом записано в других источниках того же года. Сведений об этом боярине после того, как он в 1640 г. был воеводой в Астрахани, сохранилось очень мало. Князь Ю.А. Сицкий умер 3 августа 1644 г. и был последним представителем рода²³. Известно, что 25 августа 1649 г., когда в Москве встречали послов польского короля Яна-Казимира, то среди даточных людей были 9 человек от вдовы боярина князя Ю.А. Сицкого²⁴.

Вначале приведем список членов Боярской думы, которые подписали Уложение в январе — начале февраля 1649 г. (15 бояр, 10 окольничих и 4 др.). Номер рукоприкладств на свитке приведен как у Забелина. В академическом издании А.Г. Манькова приведен этот же номер рукоприкладств, как у Забелина, хотя составители не во всем были с ним согласны, но, чтобы не было путаницы, решили оставить как есть. В скобках указаны даты покупки этими людьми печатного варианта книги. Следует учесть, что первый завод продавался в период с 14 июня до 7 августа 1649 г., а второй завод — с 4 января 1650 г. до 25 августа 1651 г. (там были небольшие изменения в тексте), поэтому дата продажи позволяет выяснить, какого завода покупали книгу — первого или второго. В некоторых случаях это важно знать, особенно когда обнаружен неизвестный исследователям экземпляр этой книги. К примеру, по дате покупки книги рейтаром Василием Челищевым (15 января 1650 г.), даже не держа в руках и не изучая экземпляр книги, нахо-

²² Латкин В. Материалы... С. 189.

²³ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 318. Благодарю А.П. Павлова за указание на данное исследование.

²⁴ РИБ. Т. 10. С. 473.

дящейся в ЗНБ СГУ, можно с уверенностью говорить, что это книга второго тиража. Более тщательная сверка специалистами в дальнейшем всех отличий в тексте этой книги от других книг, будем надеяться, подтвердит данный тезис.

Список бояр — 15 человек:

Морозов Борис Иванович, боярин № 14 (11.02.1650 г.)

Трубецкой Алексей Никитич, князь, боярин № 15 (1.08.1649 г.)

Пронский Михаил Петрович, князь, боярин № 16 (16.06 — 5 книг, 17.06.1649 г., 19.01.1650 г.)

Прозоровский Семен Васильевич, князь, боярин № 17 (17.06, 23.06, 7.08.1649 г.)

Одоевский Никита Иванович, князь, боярин № 18 (не покупал)

Милославский Илья Данилович, боярин № 19 (не покупал)

Морозов Иван Васильевич, боярин № 20 (19.06, 20.06, 5.08.1649 г.)

Львов Алексей Михайлович, князь боярин и дворецкий № 21 (не покупал)

Решнин Борис Александрович, князь, боярин (за него расписался князь А. М. Львов) № 22 (7.08.1649 г.)

Долгоруков Юрий Алексеевич, князь, боярин № 23 (не покупал)

Стрешнев Василий Иванович, боярин № 24 (не покупал)

Темкин-Ростовский Михаил Михайлович, князь, боярин (за него расписался В. И. Стрешнев) № 25 (не покупал)

Морозов Глеб Иванович, боярин № 26 (не покупал)

Салтыков Лаврентий Дмитриевич, боярин № 27 (14.06, 7.08.1649 г.)

Пушкин Григорий Гаврилович, боярин и оружничий № 28 (7.08.1649 г. — 2 книги, 3.09.1650 г.).

Список окольничих — 10 человек:

Долматов-Карпов Федор Борисович, окольничий № 29 (16.06, 19.06.1649 г.)

Ахамашуков-Черкасский Василий Петрович, князь, окольничий № 30 (11.01.1650 г. — 2 книги)

Львов Василий Петрович, князь, окольничий № 31 (не покупал)

Пушкин Степан Гаврилович, окольничий № 32 (17.06, 23.06.1649 г. — две книги). Отметим, что он был пожалован в окольничие из стольников 25 декабря 1648 г.²⁵, в свитке Уложения расписался как окольничий.

Волконский Федор Федорович, князь, окольничий № 33 (17.06, 20.06.1649 г. — 4 книги, 23.06.1649 г. — 3 книги)

²⁵ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 110; РИБ. Т. 10. С. 424.

Пушкин Борис Иванович, окольный № 34 (25.01.1650 г., 29.06.1650 г.)

Милославский Иван Андреевич, окольный № 35 (5.08.1649 г. — 2 книги)

Волконский Петр Федорович, князь, окольный № 36 (не покупал)

Пожарский Семен Романович, князь, окольный № 37 (16.01.1650 г.)

Хитрово Богдан Матвеевич, окольный № 38 (17.06, 23.06.1649 г.).

Другие члены Боярской думы, подписавшие Уложение — 4:

Дубровский Богдан Минич, казначей № 39 (14.06, 16.06.1649 г.)

Нарбеков Богдан Федорович, думный дворянин № 40 (16.06, 5.08.1649 г.)

Лихачев Федор Федорович, печатник № 41 (не покупал)

Данилов Михаил Феофилаьевич, думный дяк № 42 (не покупал).

С.Б. Веселовский отмечал, что М.Ф. Данилов был жив еще в 1647/48 г. Зная о рукоприкладстве М. Данилова на свитке, можно уточнить, что он был жив еще в начале 1649 г.

Теперь приведем дополнительный список бояр и окольных, которые не подписались на Уложении, но чьи имена имеются в книге продаж.

Среди неподписавшихся были 9 бояр, которые купили Уложение (в скобках указаны даты покупки ими печатного варианта Уложения).

Список бояр — 9 человек:

Романов Никита Иванович, боярин (14.06.1649 г. — 3 книги, 5.08.1649 г., 9.01.1650 г.)

Салтыков Михаил Михайлович, боярин (14.06.1649 г. — 2 книги),

Черкасский Яков Куденетович, князь, боярин (14.06.1649 г. — 2 книги),

Шереметев Федор Иванович, боярин (14.06, 25.06.1649 г.)

Шереметев Василий Петрович, боярин (16.06., 22.06.1649 г.)

Пронский Петр Иванович, князь, боярин (17.06, 23.06.1649 г. — 2 книги)

Голицын Иван Андреевич, князь, боярин (2.08.1649 г. — 2 книги)

Буйносов-Ростовский Юрий Петрович, князь, боярин (7 августа 1649 г.)

Куракин Федор Семенович, князь, боярин (10.03.1651 г.).

Всего 9 человек.

Известен в то время еще боярин Салтыков Иван Иванович, который не подписал Уложение и не купил позже книгу.

Таким образом, имеем в 1649 г. всего в Боярской думе 25 бояр (15 подписавших Уложение и 10 не подписавших).

Следует учесть еще патриаршего боярина Янова Василия Федоровича (20.06.1649 г.).

Что касается окольных, которые не подписались под Соборным Уложением, но потом купили книгу, то их выявлено 10 человек.

Список окольных — 10 человек:

Ромодановский Иван Иванович, князь (14.06.1649 г.)

Бутурлин Тимофей Федорович (16.06, 22.06.1649 г.)

Ромодановский Василий Григорьевич, князь (19.06.1649 г.)

Хилков Федор Андреевич, князь (16.06, 22.06.1649 г. — 2 книги)

Львов Дмитрий Петрович, князь (25.06.1649 г.)

Хилков Иван Васильевич, князь (2.08.1649 г.)

Лобанов-Ростовский Иван Иванович, князь (1.02.1650 г.)

Собакин Никифор Сергеевич (18.02.1651 г.)

Хилков Иван Меньшой Андреевич, князь (7.01.1650 г.)

Бутурлин Федор Васильевич (11.01.1650 г.).

Известны в то время еще окольные Андрей Федорович Литвинов-Мосальский и Степан Матвеевич Проестев, которые не подписали Уложение и не купили книгу.

В итоге получаем в 1649 г. всего 22 окольных (10 подписавших и 12 не подписавших Уложение).

Добавим для полной картины сюда еще думных дьяков Ивана Гавренева (5.08.1649 г., 17.01.1650 г. — 2 книги), Семена Заборовского (19.06.1649 г. — 5 книг), Федора Елизарова (7.01.1650 г. — 2 книги). Семен Заборовский был пожалован в думные дьяки из дворян по выбору 2 февраля 1649 г.²⁶, в свитке Уложения он расписался еще как выборный из Бежецкого Верха (№ 162), а не как думный дьяк. Учитывая рукоприкладства окольного С.Г. Пушкина и бежечанина С.И. Заборовского, можно сделать вывод, что подписи всех членов Собора ставились на свитке Уложения в период после 25 декабря 1648 г., но до 2 февраля 1649 г.

Еще один думный дьяк Михаил Волошенин оставил свою скрепу на склейке листов Уложения (15.03.1650).

В дополнение к указанному ранее думному дворянину Богдану Нарбекову, подписавшему Уложение, следует учесть также думного дворянина Ивана Михайловича Аничкова, который был пожалован из постельничих в думные дворяне 4 сентября 1646 г., а 25 августа 1649 г. при встрече польских послов выставил 5 человек «даточных людей на добрых лошадех в цветном платье». И.М. Аничков книгу не покупал,

²⁶ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 112, 113.

в отличие от своего брата — московского дворянина Филона Аничкова (тот купил 2 экз.)²⁷.

По каким же причинам 10 бояр и 12 окольников не подписали Уложение?

Некоторые из этих лиц еще не были боярами и окольными в конце 1648 г. — начале 1649 г., а были стольниками и московскими дворянами, поэтому они не имели права (по утвержденной квоте) участвовать в Земском соборе. А в нашем списке по состоянию на август 1649 г. они указаны как бояре и окольные, как и в Книге продаж. Как мы знаем, на Соборе было предписано участвовать только по два представителя от каждого московского чина — по два стольника, два стряпчих и два дворянина московских. В одном документе прямо сказано о квоте выборных на Собор из городов и из московских чинов: «...выбрать ис стольников, и ис стряпчих, и из дворян Московских, и из жильцов, ис чину по два человека, тако же всех городов из дворян и из детей боярских, опричь новгородцов, — из больших городов — из города по два человека, а из меньших по человеку, а из гостей три человека, а из гостинной и суконной сотен по два человека, а из черных сотен и слобод и из городов по человеку»²⁸. Поэтому общее количество стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов по квоте должно было составлять всего 8 человек. По мнению И.Е. Забелина, всего московских дворян, оставивших рукоприкладства, было 5 человек (он включил в это число стольников и стряпчих)²⁹.

К этим лицам, которые в момент сбора подписей были еще дворянами московскими или стольниками, относятся окольные Иван Меньшой Андреевич Хилков, Тимофей Федорович Бутурлин, Иван Иванович Лобанов-Ростовский и Федор Васильевич Бутурлин.

Князь Иван Меньшой Андреевич Хилков был пожалован в окольные из стольников 7 мая (по другим источникам — 6 мая) 1649 г.³⁰, поэтому во время Земского собора, будучи стольником, не участвовал в составлении Уложения (выборными стольниками были другие люди). Потом он уже в качестве окольного уехал в Казань в 1649 г. вместе с боярином Г.И. Морозовым. Князь И.А. Хилков купил книгу после возвращения в Москву в январе 1650 г. Судя по этой покупке, он был в Москве уже

²⁷ РИБ. Т. 10. С. 320.

²⁸ Смирнов П.П. Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648–1649 гг. М., 1913. С. 6.

²⁹ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 3.

³⁰ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 118,119; РИБ. Т. 10. С. 456.

в начале 1650 г., хотя в Дворцовых разрядах указано, что Г.И. Морозов и князь И.А. Хилков оставались воеводами в Казани в 1651 г.³¹

Тимофей Федорович Бутурлин 1 апреля 1649 г. был пожалован из стольников в окольнічие³². Он купил книгу в июне 1649 г., в Книге продаж указан как окольнічий.

Князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский в период составления Соборного уложения был еще стольником. 25 марта 1649 г. он был пожалован из стольников в окольнічие³³, а купил книгу в январе 1650 г.

Федор Васильевич Бутурлин вплоть до сентября 1649 г. был московским дворянином. 8 сентября 1649 г. он был пожалован из дворян в окольнічие³⁴.

Второй причиной отсутствия подписей на свитке Уложения некоторых лиц, которые на момент составления Уложения уже были боярами и окольнічими, является их отсутствие в Москве в связи со службой в качестве воевод в отдаленных городах. Эти люди приехали в Москву уже после составления Уложения (одни — летом 1649 г., а другие — в 1650 г.). К ним относятся бояре Василий Петрович Шереметев (воевода в Казани в 1648–1649 гг.), Федор Семенович Куракин (воевода в Астрахани в 1646–1649 гг.). Причем боярин князь Ф.С. Куракин приехал в Москву в 1650 г., а купил книгу только в марте 1651 г. — самым последним из членов Боярской думы. Укажем еще боярина Ивана Ивановича Салтыкова, который был в 1646–1649 гг. воеводой в Тобольске, поэтому он не подписал Уложение³⁵. Вернувшись в Москву, он так и не купил книгу.

Окольнічий князь Федор Андреевич Хилков в 1648–1650 гг. был воеводой в Великом Новгороде. Именно он отправлял выборных в Москву на Земский собор³⁶, а потом своими действиями спровоцировал восстание в 1650 г. Судя по дате покупки книги (16.06 и 22.06.1649 г.), он был летом 1649 г. в Москве. Получается, что воевода Ф.А. Хилков на дительное время (почти на месяц!) покинул Новгород, что не характерно для воевод этого времени. Л.И. Тимошина считает, что Ф.А. Хилков купил книгу перед тем, как отправиться на воеводство в Великий Новгород, хотя он там был еще в 1648 г.³⁷

³¹ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 131, 277.

³² Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 117; РИБ. Т. 10. С. 450.

³³ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 116; РИБ. Т. 10. С. 448.

³⁴ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 134–135.

³⁵ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 103–104, 130–132.

³⁶ Смирнов П.П. Несколько документов... С. 10–16.

³⁷ Тимошина Л.А. Реализация изданий тиражей Соборного уложения на рубеже 1640–1650-х гг. С. 58.

Окольничий Никифор Сергеевич Собакин в 1648–1650 гг. был воеводой Пскова. Именно он отправлял из Пскова в Москву выборных людей на Собор³⁸. В марте 1650 г. его сменил новый воевода окольничий князь В.П. Львов, но в это время началось восстание в Пскове. Оба воеводы были арестованы восставшими, Н.С. Собакин был освобожден только в начале сентября 1650 г.³⁹, приехал в Москву поздней осенью, купил книгу в феврале 1651 г.

Окольничий князь Андрей Федорович Литвинов-Мосальский был в Астрахани вторым воеводой вместе с боярином князем Ф.С. Куракиным в 1646–1649 гг.⁴⁰, поэтому не подписал Уложение. Правда, он позже так и не купил книгу.

Третья причина отсутствия подписей на свитке Уложения — это отсутствие бояр и окольничих в Москве в связи с выполнением специального задания правительства именно в период сбора подписей на Уложении. Эти люди участвовали в первых заседаниях Земского собора, а в конце ноября 1648 г. уехали из Москвы по разным городам. 28 ноября царь указал «разбирать по городам дворян и детей боярских, и жалование давать и новиков верстать». В связи с этим во Владимир был отправлен боярин Юрий Петрович Буйносов-Ростовский, в Ярославль и Кострому — боярин Михаил Михайлович Салтыков, а в Тверь — окольничий Иван Иванович Ромодановский⁴¹. Эта «командировка» продолжалась, по-видимому, до весны 1649 г. 5 февраля 1649 г. Ю.П. Буйносов-Ростовский еще находился во Владимире, куда ему была отправлена царская грамота о верстании новиков (а это длительный процесс)⁴². Вернувшись в Москву, они купили книгу в июне и августе 1649 г.

Окольничий князь Дмитрий Петрович Львов был в 1648–1649 гг. «на государевой службе на Волуйке» вместе с дьяком Трофимовым, 10 московскими дворянами и 10 жильцами⁴³.

Четвертые были просто больны, по состоянию здоровья не могли участвовать в заседаниях, находились в своих вотчинах (престарелые люди), к примеру — боярин Ф.И. Шереметев, который в 1649 г. принял иноче-

³⁸ Смирнов П.П. Несколько документов... С. 16–17.

³⁹ «Мятежное время»: Следственное дело о новгородском восстании 1650 года. Кишинев; СПб., 2001.

⁴⁰ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 103.

⁴¹ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 108–109; РИБ. Т. 10. С. 428.

⁴² РИБ. Т. 10. С. 433–440.

⁴³ РИБ. Т. 10. С. 418.

ский постриг с именем Феодосий, умер в следующем 1650 г. Не исключено, что этим людям было даже трудно передвигаться, и по их просьбе книгу купили для них родственники или слуги.

Пятые не подписались по принципиальным соображениям, недовольные какой-либо статьей. Интересы государства и бояр в некоторых вопросах не совпадали. Бояре могли быть недовольны статьями, связанными с закрепощением крестьян, с возвратом всех беглых из их владений, со статьями о посадском строении. Не забудем, что после возвращения в Москву в октябре 1648 г. Б.И. Морозова, который первым подписал Уложение среди бояр, мы видим его снова во главе Думы, а отношения его с некоторыми боярами (Я.К. Черкасским и с Н.И. Романовым) были довольно прохладными, если не сказать больше. О борьбе разных «партий» в Боярской думе, о противоборствующих группировках в московском правительстве писал еще шведский резидент в Москве К. Поммеренинг. Он указывал, что на обеде 31 октября 1648 г. в присутствии самого царя произошел конфликт между Б.И. Морозовым и князем Я.К. Черкасским. Также К. Поммеренинг прямо пишет, что боярину Н.И. Романову неоднократно предлагали подписать Уложение, но он «несколько раз» отказывался его подписывать (в итоге — так и не подписал). А некоторые члены боярской оппозиции, наоборот, чтобы завоевать расположение царя и посада, готовы были поддержать царский указ о закладчиках, который ущемлял их права, и в итоге — подписали Уложение⁴⁴.

Это тоже следует учесть, когда рассматриваем рукоприкладства.

Современный исследователь Е.И. Филина склонна вообще рассматривать всех (или большинство) думцев, не подписавших Уложение, как членов определенной политической группировки противников боярина Б.И. Морозова («романовская партия» сторонников боярина Н.И. Романова). Думается, что все же следует учесть и «естественные» причины отсутствия подписей многих членов Думы на обороте соборного документа (отсутствие думного чина на момент подписания Уложения на воеводстве в отдаленных городах, нахождение на других службах вне Москвы и т.д.). Это позволит несколько скорректировать точку зрения Е.И. Филиной, которая к тому же высказала мнение, что боярин князь Б.А. Репнин, чтобы угодить («проявить лояльность») обеим группировкам (Романова

⁴⁴ Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеренинга // *Якубов К.И.* Россия и Швеция в 1-й половине XVII в. Сб. мат. из Моск. Главн. Архива МИД и Шведского Гос. Архива 1616–1651 // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. М., 1897. С. 430–442.

и Морозова), сам не подписал Уложение, а вместо него «руку приложил» князь А.М. Львов⁴⁵.

По нашим подсчетам, из 315 выборных людей, чьи имена имеются на обороте свитка Уложения, было 119 неграмотных человек, за кого расписались их товарищи. Получается, следуя логике Е.И. Филиной, что кто-то из этих 119 человек, боясь ответственности, чтобы его дома потом не ругали, притворился неграмотным и попросил, чтобы за него подписали Уложение?

Могут быть и другие причины отсутствия подписи на свитке Уложения. Пока трудно сказать, по какой причине не подписали Уложение покупатели книги старый боярин князь П.И. Пронский (его сын — боярин М.П. Пронский, сторонник «партии Н.И. Романова», подписал Уложение), окольничие князя И.В. Хилков и В.Г. Ромодановский, а также не купивший книгу окольничий С.М. Проестев. Возможно, что окольничий князь И.В. Хилков был занят верстанием поместными и денежными окладами дворян и детей боярских украинских городов (наказ был получен 3 октября 1648 г.)⁴⁶.

Окольничий С.М. Проестев, не купивший книгу, 21 декабря 1648 г. был у стола патриарха, 23 декабря — назначен в Судный Владимирский приказ, а в марте 1649 г. присутствовал при объявлении боярином окольничего Ф.Б. Долматова-Карпова («стоял у сказки»). Следовательно, можно утверждать, то все это время в январе — феврале 1649 г. он находился в Москве⁴⁷.

Книга продаж позволяет уточнить время отъезда на воеводство в Астрахань боярина князя И.А. Голицына. Ранее считалось, что он добирался из Москвы в Астрахань вместе со своим помощником — вторым воеводой окольничим князем С.Р. Пожарским, про которого точно известно, что он уехал из Москвы к новому месту службы весной 1649 г. Это вполне логично — новые воеводы вместе едут в свой город принимать дела у прежних воевод. Но из Книги продаж следует, что боярин князь И.А. Голицын купил две книги 2 августа 1649 г. Судя по этой дате, он уехал в Астрахань на воеводство не весной 1649 г. вместе с князем С.Р. Пожарским, а значительно позже. Причина отсутствия рукоприкладства на Уложении князя И.А. Голицына и С.М. Проестева, находящихся в Мо-

⁴⁵ Филина Е.И. «В поисках альтернативы...»: придворные партии в политической борьбе в России в 30–50-е гг. XVII в. М., 2011. С. 89 и др.

⁴⁶ РИБ. Т. 10. С. 476–482.

⁴⁷ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 110, 116.

скве зимой 1649 г., пока не выяснена. Известно, что И.А. Голицын был сторонником «Романовской партии». Заманчиво было бы предположить, что за открытое неповиновение и отказ от рукоприкладства интригами Б.И. Морозова, чтобы ослабить своих противников, князь И.А. Голицын был надолго удален из Москвы.

Интересно отметить кажущееся несоответствие. В свитке Уложения Федор Борисович Долматов-Карпов расписался как окольничий, а в книге продаж 16 июня 1649 г. он указан боярином. Оказывается, он 25 марта 1649 г. уже после принятия Уложения и сбора всех рукоприкладств был пожалован из окольничих в бояре. У «сказки» стоял окольничий С.М. Проестев, который сам почему-то не подписал Уложение⁴⁸.

Можно указать еще боярина Ивана Никитича Хованского, который в 1650 г. подавлял восстания в Пскове и Новгороде. Его имени нет ни на свитке Уложения, ни в Книге продаж Уложения. Во время Земского собора он был еще стольником, а 1 апреля 1649 г. был из стольников пожалован в бояре⁴⁹.

Можно сделать одно наблюдение, относящееся к боярину князю Ю.А. Долгорукову. Во многих исследованиях отмечалось, что после приезда в Москву на Земский собор выборных из городов они заседали отдельно от бояр и Освященного собора, принимали разные решения, вносили свои предложения, связанные с изменением текста Уложения. Это была так называемая Ответная палата. Руководил Ответной палатой боярин князь Ю.А. Долгоруков. Однако в источниках приводятся сведения, что он только 25 ноября 1648 г. (по другим сведениям — 21 ноября) был пожалован из стольников в бояре⁵⁰. Следовательно, лишь после этого назначения он мог руководить Ответной палатой, т. е. выборными с мест (для рядового стольника такое назначение было невозможно, его бы не приняли выборные люди). Сказывал ему боярство Богдан Матвеевич Хитрово, который к тому времени уже вернулся из Атемара. Одновременно с этим в ноябре 1648 г. «указал царь быть в Москве и городах в закладчиках». Об отправке в города членов Боярской думы Ю.П. Буйносова-Ростовского, М.М. Салтыкова и И.И. Ромодановского для разбора служилых людей уже говорилось ранее. А вот что касается разбора выборных людей на Земский собор, которые зимой 1648/49 г. находились в Москве, и выдачи им жалованья, то ими было приказано заниматься боярину князю

⁴⁸ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 116; РИБ. Т. 10. С. 448.

⁴⁹ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 117.

⁵⁰ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 108. РИБ. Т. 10. С. 421.

Ю.А. Долгорукову, которому помогали дворяне Василий Иванович Толстой и Семен Иванович Заборовский, а также дьяки. Не исключено, что именно эта служба через два месяца привела к резкому карьерному росту выборного дворянина С.И. Заборовского, ставшего в феврале 1649 г. думным дьяком.

К моменту издания Соборного уложения был жив еще дед царя Алексея Михайловича по матери престарелый боярин Лукьян Степанович Стрешнев, даточные люди которого (20 человек) 25 августа 1649 г. встречали польских послов. Судя по всему, был жив еще боярин Борис Петрович Шереметев (старший), даточные люди которого (15 человек) также в этот день встречали польских послов⁵¹.

Будем надеяться, что данное исследование будет не лишним в деле изучения боярских списков середины XVII в. и сможет в какой-то мере дополнить труды А.П. Павлова, М.Р. Белоусова и Г.В. Жаринова и других исследователей по боярским спискам 1640-х гг. (хотя бы в отношении членов Боярской думы). Не секрет, что сохранившиеся боярские списки в большинстве своем не имеют начала, первые листы таких документов обычно теряются, или от времени первые листы невозможно прочесть (как и последние листы). А ведь именно на этих первых листах указаны бояре и окольничие. В приложении № 1 приведен реконструируемый состав Боярской думы в 7157 (1648/49) г., а в приложении № 2 — список покупателей Уложения из состава Боярской думы с указанием даты покупки.

⁵¹ РИБ. Т. 10. С. 472.

Приложение № 1

Состав Боярской думы в 1648—1649 гг.

Бояре — 29 человек

Буйносов-Ростовский Юрий Петрович, князь

Голицын Иван Андреевич, князь

Куракин Федор Семенович, князь

Львов Алексей Михайлович, князь

Милославский Илья Данилович

Морозов Борис Иванович

Морозов Глеб Иванович

Морозов Иван Васильевич

Одоевский Никита Иванович, князь

Прозоровский Семен Васильевич, князь

Пронский Михаил Петрович, князь

Пронский Петр Иванович, князь

Пушкин Григорий Гаврилович, боярин и оружничий

Репнин Борис Александрович, князь

Романов Никита Иванович

Салтыков Иван Иванович

Салтыков Лаврентий Дмитриевич

Салтыков Михаил Михайлович

Стрешнев Василий Иванович

Темкин-Ростовский Михаил Михайлович, князь

Трубецкой Алексей Никитич, князь

Черкасский Яков Куденетович, князь

Шереметев Василий Петрович

Шереметев Федор Иванович

Стрешнев Лукьян Степанович

Шереметев Борис Петрович

Долгоруков Юрий Алексеевич, князь (в бояре из стольников 25 ноября 1648 г.)

Хованский Иван Никитич (в бояре из стольников 1 апреля 1649 г.)

Долматов-Карпов Федор Борисович (в бояре из окольничих 25 марта 1649 г.)

Окольничие — 20 человек (без учета Ф.Б. Долматова-Карпова и Ф.В. Бутурлина, первый стал уже боярином, а второй еще был московским дворянином)

Ахамашуков-Черкасский Василий Петрович, князь
Волконский Петр Федорович, князь
Волконский Федор Федорович, князь
Литвинов-Мосальский Андрей Федорович, князь
Львов Василий Петрович, князь
Львов Дмитрий Петрович, князь
Милославский Иван Андреевич
Пожарский Семен Романович, князь
Проестев Степан Матвеевич
Пушкин Борис Иванович
Пушкин Степан Гаврилович
Ромодановский Василий Григорьевич, князь
Ромодановский Иван Иванович, князь
Собакин Никифор Сергеевич
Хилков Иван Васильевич, князь
Хилков Федор Андреевич, князь
Хитрово Богдан Матвеевич

Бутурлин Тимофей Федорович (в окольничие из стольников 1 апреля 1649 г.)

Лобанов-Ростовский Иван Иванович, князь (в окольничие из стольников 25 марта 1649 г.)

Хилков Иван Меньшой Андреевич, князь (в окольничие из стольников 6 мая 1649 г.)

Долматов-Карпов Федор Борисович (в бояре из окольничих 25 марта 1649 г.)

Бутурлин Федор Васильевич (в окольничие из дворян 8 сентября 1649 г., т.е. уже в 7158 г.). Если брать список по состоянию на август 1649 г., то в подсчет не входит.

Думные дворяне

Нарбеков Богдан Федорович
Аничков Иван Михайлович

Думные дьяки

Данилов Михаил

Гавренев Иван

Заборовский Семен (с 2 февраля 1649 г.)

Елизаров Федор

Волошенин Михаил

Остальные люди

Дубровский Богдан Минич, казначей

Лихачев Федор, печатник

Янов Василий Федорович, патриарший боярин

Приложение № 2

Список бояр и окольничих, купивших Соборное уложение в 1649–1651 гг.

Курсивом выделены те лица, кто не расписался на Уложении.

Первый завод

14 июня 1649 г. (первый день продаж)

Боярин Лаврентий Дмитриевич Салтыков

Окольничий Иван Иванович Ромодановский

Боярин Никита Иванович Романов 3 кн.

Боярин Михаил Михайлович Салтыков 2 кн.

Боярин Яков Куденетович Черкасский 2 кн.

Боярин Федор Иванович Шереметев

16 июня 1649 г.

Боярин Федор Борисович Долматов-Карпов

Окольничий Тимофей Федорович Бутурлин

Окольничий Федор Андреевич Хилков

Боярин Василий Петрович Шереметев

17 июня 1649 г.

Боярин Семен Васильевич Прозоровский

Окольничий Богдан Матвеевич Хитрово

Окольничий Федор Федорович Волконский

Окольничий Степан Гаврилович Пушкин

Боярин Петр Иванович Пронский

19 июня 1649 г.

Боярин Федор Борисович Долматов-Карпов

Боярин Иван Васильевич Морозов 2 кн.

Окольничий Василий Григорьевич Ромодановский

20 июня 1649 г.

Боярин Иван Васильевич Морозов 2 кн. Повторно

Окольничий Федор Федорович Волконский 4 кн. Повторно

Патриарший боярин Василий Федорович Янов

22 июня 1649 г.

Окольничий Тимофей Федорович Бутурлин 2 кн. Повторно

Окольничий Федор Андреевич Хилков 2 кн.

Боярин Василий Петрович Шереметев. Повторно

23 июня 1649 г.

Боярин Семен Васильевич Прозоровский. Повторно

Окольничий Богдан Матвеевич Хитрово. Повторно

Окольничий Федор Федорович Волконский 3 кн. Повторно

Окольничий Степан Гаврилович Пушкин 2 кн. Повторно

Боярин Петр Иванович Пронский 2 кн. Повторно

25 июня 1649 г.

Окольничий Дмитрий Петрович Львов

Боярин Федор Иванович Шереметев. Повторно

2 августа 1649 г.

Окольничий Иван Васильевич Хилков

Боярин Иван Андреевич Голицын 2 кн.

5 августа 1649 г.

Окольничий Иван Андреевич Милославский 2 кн.

Боярин Иван Васильевич Морозов 2 кн. Повторно

Боярин Никита Иванович Романов. Повторно

7 августа 1649 г.

Боярин Семен Васильевич Прозоровский. Повторно

Боярин и оружничий Григорий Гаврилович Пушкин 2 кн.

Боярин Лаврентий Дмитриевич Салтыков. Повторно

Боярин Борис Александрович Репнин 2 кн. Неграмотный

Боярин Юрий Петрович Буйносов-(Ростовский)

Второй завод

7 января 1650 г.

Окольничий Иван Андреевич Хилков

9 января 1650 г.

Боярин Никита Иванович Романов 2 кн. Повторно

11 января 1650 г.

Окольничий Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский 2 кн.

Окольничий Федор Васильевич Бутурлин

14 января 1650 г.

Человек боярина Якова Куденетовича Черкасского

16 января 1650 г.

Окольничий Семен Романович Пожарский

19 января 1650 г.

Боярин Михаил Петрович Пронский

25 января 1650 г.

Окольничий Борис Иванович Пушкин

1 февраля 1650 г.

Окольничий Иван Иванович Лобанов-Ростовский

11 февраля 1650 г.

Боярин Борис Иванович Морозов

29 июня 1650 г.

Окольничий Борис Иванович Пушкин

3 сентября 1650 г.

Боярин Григорий Гаврилович Пушкин

18 февраля 1651 г.

Окольничий Никифор Сергеевич Собакин

10 марта 1651 г.

Боярин Федор Семенович Куракин

REFERENCES

1. «Myatezhnoe vremya»: Sledstvennoe delo o novgorodskom vosstanii 1650 goda [«Rebellious Time»: Investigative case about the Novgorod uprising in 1650]. Kishinev; SPb., 2001.
2. *Crummey R.O.* Court Groupings and Politics in Russia, 1645–1649 // *Forschungen zur osteuropischen geschichte*. Band 24. Wiesbaden, 1978. P. 203–221.
3. *Belousov M.R.* Boyarskie spiski 1645–1667 gg kak istoricheskij istochnik [Boyar lists of 1645–1667 as a historical source]. Kazan, 2008.
4. Dvorcovye razryady, po vysochajshemu poveleniyu izdannye II otdeleniem sobstvennoj EIV kancelyarii: v 4 t. [Palace ranks, issued by the highest order by the II branch of the EIV's own office]. SPb., 1852. T. 3.
5. Doneseniya koroleve Hristine i pisma k korolevskomu sekretaryu shvedskogo rezidenta v Moskve Karla Pommereninga [Dispatches to Queen Christina and letters to the royal secretary of the Swedish resident in Moscow Karl Pommerening] // *Yakubov K.I.* Rossiya i Shveciya v 1-j polovine XVII v. Sb. mat. iz Mosk. Glavn. Arhiva MID i Shvedskogo Gos. Arhiva 161–1651 // *CHOIDR*. 1897. Kn. 3. M., 1897. P. 430–442.
6. *Zharinov G.V.* Boyarskij «podlinnyj» spisok 7152 (1643/44) goda [Boyarsky «genuine» copy of 7152 (1643/44)] // *Arhiv ruskoj istorii*. M., 2007. Vyp. 8. P. 382–483.
7. *Zabelin I.E.* Svedeniya o podlinnom Ulozhenii carya Alekseya Mihajlovicha [Information about the original Code of Tsar Alexei Mikhailovich] // *Arhiv istoriko-yuridicheskikh svedenij, otnosyashchihysya do Rossii*. M., 1850. Kn. 1. P. 1–18.
8. Zapisnaya kniga Moskovskogo stola 7155 goda [Notebook of the Moscow Table of 7155] // *RIB*: v 39 t. SPb., 1886. T. 10. P. 301–400.
9. Zapisnaya kniga Moskovskogo stola 7157 goda [Notebook of the Moscow Table of 7157] // *RIB*: v 39 t. SPb., 1886. T. 10. S. 401–490.
10. *Zercalov A.N.* Novye dannye o Zemskom sobore 1648–1649 gg. [New information on the Zemsky Sobor 1648–1649] // *CHOIDR*. 1887, kn. 3. P. 1–80 (M., 1887).

11. *Ivina L.I.* Ulozhenie 1649 g. i ego izdaniya [Code of 1649 and its editions] // VID. L., 1983. T. 14. P. 160–166.
12. *Latkin V.* Materialy dlya istorii Zemskih soborov XVII stoletiya (1619–20, 1648–49 i 1651 godov [Materials for the history of the Zemsky Sobors of the 17th century (1619–20, 1648–49 and 1651)]. SPb., 1884 (Vypiska iz knigi-za № 39, hranyashchejsya v biblioteke Moskovskoj Sinodalnoj Tipografii. P. 188–218; Vypiska iz knigi za № 47, hranyashchejsya v biblioteke Moskovskoj Sinodalnoj tipografii. P. 226–285).
13. *Lupпов S.P.* Kniga v Rossii v XVII v. [Book in Russia in the 17th century]. L., 1970.
14. *Lupпов S.P.* Chitateli izdanij Moskovskoj tipografii v seredine XVII v. [Readers of the Moscow Printing House in the middle of the 17th century]. L., 1983.
15. *Lyubomirov P.G.* Ocherk istorii nizhegorodskogo opolcheniya (1611–1613 gg.). [Essay on the history of the Nizhny Novgorod militia (1611–1613)]. Pg. 1917; M., 1939.
16. Utverzhennaya gramota ob izbranii na Moskovskoe gosudarstvo Mihaila Fedorovicha Romanova. [Approved charter of election to the Moscow state Mikhail Fedorovich Romanov]. 2-e izd. M., 1906.
17. *Pavlov A.P.* Boyarskie spiski 30–40-h gg. XVII v. [Boyar lists of the 30–40 years in the XVII century] // Rossiya XV–XVIII stoletij. Sb. nauch. statej. Volgograd; SPb., 2001. P. 136–185.
18. *Pavlov A.P.* K voprosu o datirovke podpisей pod utverzhdennoj gramotoj 1613 g. [On the issue of dating the signatures under the approved charter of 1613] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2009. Vyp. 2. P. 51–61.
19. Pravyashchaya ehлита Russkogo gosudarstva IX — nachala XVIII v. Ocherki istorii [The ruling elite of the Russian state in the 9th — early 18th centuries: Essays on history]. SPb., 2006.
20. *Smirnov P.P.* Neskolko dokumentov k istorii Sobornogo ulozheniya i Zemskogo sobora 1648–1649 gg. [Several documents on the history of the Cathedral Code and the Zemsky Cathedral of 1648–1649]. M., 1913.
21. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Tekst. Kommentarii [Cathedral Code of 1649. Text. Comments] / podg. teksta L. I. Ivinoj; ruk. avt. kollek. A.G. Mankov. L.: Izd-vo «Nauka» Leningradskoe otd., 1987.
22. Staropechatnye izdaniya kirillovskogo shrifta vtoroj chetverti XVII veka: Katalog [Old printed editions of the Cyril type of the second quarter of the 17th century: Catalog] / avtory-sost. N.I. Alekseeva, N.A. Popkova;

- otv. red. A.V. Zyuzin. Saratov: Izd-vo «Nauchnaya kniga». 2003. 140 s.: il. (Redkie knigi Zonalnoj nauchnoj biblioteki SGU; vyp. 22).
23. *Stroev V.* Istoriko-yuridicheskoe issledovanie Ulozheniya, izdannogo carem Alekseem Mihajlovichem v 1649 g [Historical and legal study of the Code, published by Tsar Alexei Mikhailovich in 1649]. SPb., 1833.
24. *Timoshina L.A.* Prihodnaya kniga prikaza Knizhnogo pechatnogo dela 1649/50–1652/53 gg. [The parish book of the order of the Book printing business in the 1649/50–1652/53] // Ocherki feodalnoj Rossii. Vyp. 10. M.; SPb., 2006. P. 178–313.
25. *Timoshina L.A.* Realizaciya izdanij tirazhej Sobornogo ulozheniya na rubezhe 1640-h — 1650-h gg [Realization of editions of circulation of the Cathedral Code at the turn of the 1640 — 1650 years] // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 2. P. 53–61.
26. *Filina E.I.* «V poiskah alternativy...»: pridvornye partii v politicheskoj borbe v Rossii v 30-50-e-gg. XVII v. [«In Search of an Alternative ...»: Court Parties in the Political Struggle in Russia in the 1630-1650 years in the XVII century]. M., 2011.

Ключевые слова:

Книга продаж Соборного уложения, В. Латкин, А. Н. Зерцалов, Земский собор, выборные люди, Боярская дума.

Yakov N. Rabinovich

ABOUT THE CIRCUMSTANCES OF THE APPROVAL OF THE CATHEDRAL CODE OF 1649

The article discussed unknown pages in the history of Russia in the middle of the 17th century, associated with the adoption of the Cathedral Code of 1649. The personal composition of the Boyar Duma at the time of drawing up the Code has been clarified. Particular attention is paid to the absence of signatures of some members of the Boyar Duma on the scroll of the Code, as well as the distribution of a printed copy of the Code among the members of the Boyar Duma. A source such as the «Sales Book» of a printed copy of the Code is considered in detail. It is shown that the bulk of the buyers of the Code at first were members of the Boyar Duma and other Muscovites. At the same time, the overwhelming number of buyers did not participate in the adoption of the Code and did not sign on the roll of this document.

Keywords: Sales book of the Cathedral Code, V Latkin, A. N. Zertsalov, Zemsky Sobor, elected people, Boyar Duma.

Yakov N. Rabinovich — PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University.

 Рабинович Яков Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 17.03.2021 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 18,5. Заказ № 1146.

Адрес редакции: 119071, г. Москва, Ленинский пр-т. 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2021

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Следующий номер «Исторического вестника»
посвящен дискуссионным
проблемам российской/советской истории
XIX—XX вв., связанных с реформаторскими
и революционными процессами,
социальными движениями.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке